

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ
СИТУАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ
ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Сборник научных трудов

**МОСКВА
2018**

Серия
«Теория и история языкознания»

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии:

Яковлева Э.Б. – д-р филол. наук (гл. ред. серии),
Комалова Л.Р. – д-р филол. наук (отв. секр. серии),
Кузнецов А.М. – д-р филол. наук, *Нагорная А.В.* –
д-р филол. наук, *Татаринов В.А.* – д-р филол. наук,
Опарина Е.О. – канд. филол. наук, *Раренко М.Б.* –
канд. филол. наук, *Трошина Н.Н.* – канд. филол. наук.

Редакционная коллегия сборника:

Потапов В.В. – д-р филол. наук (отв. ред.), *Казак Е.А.* –
канд. филол. наук (отв. ред.), *Комалова Л.Р.* – д-р филол.
наук, *Опарина Е.О.* – канд. филол. наук.

Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – 202 с. – (Сер.: Теория и история языкознания).
ISBN 978-5-248-00863-6

Представлена систематизация факторов влияния языка международного общения (английского) на национальные языки как развитых, так и развивающихся стран, а также влияние на различные языковые жанры (например, язык науки, язык художественной литературы). Определяются место и роль языка Интернета в сфере языковой коммуникации. Рассматриваются языковые уровни: от фонетико-фонологического до семантико-прагматического.

Рассчитан на широкий круг лингвистов, преподавателей иностранных языков, культурологов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>В.М. Алпатов.</i> Языковой аспект глобализации.....	6
<i>В.Г. Кузнецов.</i> Языки в эпоху глобализации: Интеграция vs идентичность.....	26
<i>Г.М. Вишневская.</i> Языковая глобализация и билингвизм: Status quo.....	41
<i>И.А. Гусейнова.</i> Русский язык как язык институционального общения.....	61
<i>Г.Е. Кедрова.</i> Глобализация и особенности англоязычного научного дискурса.....	73
<i>Е.Г. Беляевская.</i> Влияние процесса глобализации на научную коммуникацию: Национально-культурная специфика англоязычной аргументации.....	93
<i>Т.И. Шевченко.</i> Просодия современного английского языка в мультикультурном мире.....	110
<i>Р.К. Потапова, В.В. Потапов.</i> Функционирование «денглиша» в немецкоязычном сегменте Интернета.....	125
<i>Н.В. Петлюченко.</i> Влияние английского языка на современный нормативный статус немецкого языка: Klares deutsch oder denglisch?.....	150
<i>Р.И. Бабаева.</i> Глобализация в немецкой языковой картине мира: Семантика, словообразование, прагматика лексических единиц тематической группы.....	160
<i>Т.В. Писанова.</i> Подвижность границ полицентрического испанского языка в контексте процессов интеграции и дифференциации.....	168
<i>Д.Д. Трегубова.</i> Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык в глобальном контексте.....	178
<i>О.И. Максименко.</i> Глобальный нейминг как лингвистическая проблема	188

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня все страны мира в разной степени охвачены процессом глобализации. Глобализация (от лат. globus – шар, фр. global – всеобщий) – объективный процесс формирования, организации, функционирования и развития принципиально новой всемирной, глобальной системы на основе употребляющейся взаимосвязи во всех сферах международного сообщества.

Понятие «глобализация» многогранно. В более широком плане – это перерастание национальных и региональных проблем в общемировые и формирование новой хозяйственной, социальной и природно-биологической среды.

Конкретными сферами глобализации являются нравственно-этические ценности, а также современная языковая ситуация.

Под глобализацией понимается расширение и углубление социальных связей и институтов в пространстве и времени таким образом, что, с одной стороны, на повседневную деятельность людей все более растущее влияние оказывают события, происходящие в других частях земного шара, с другой стороны, действия местных общин могут иметь важные глобальные последствия.

Глобализация предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. Новым для современных процессов глобализации является распространение социальных связей на такие сферы деятельности, как технологическая, организационная, административная, правовая и др., а также постоянная интенсификация тенденций к установлению взаимосвязей через многочисленные сети современных коммуникаций.

Первоначально развитие взаимосвязей между народами и странами протекало в форме экспансии Европы, а затем Запада

в целом, поэтому глобализация означала, в сущности, европейскую, западную глобализацию. Ныне же процессы регионализации и глобализации охватили весь земной шар.

Глобализация требует соответствующего мышления, подхода к миру как к единому целому, что крайне необходимо для управления всеобщими проблемами, и постоянного политического диалога по жизненно важным вопросам, связанным с общей безопасностью и сотрудничеством.

Следует отметить, что глобализация – еще и важнейшая категория новой проблемной области. Однако ее лингвистическая значимость осознана учеными относительно недавно.

Лингвистика заинтересовалась глобализацией лишь в первые годы XXI в. – позже других гуманитарных дисциплин.

Взаимосвязь языка и глобализации в отечественной лингвистике сегодня подвергается интенсивному научному осмыслению.

В данном сборнике обсуждается общенаучный статус глобализации и строятся модели ее соотношения с языком в зависимости от избранного понимания глобализации как таковой.

Каким же образом связана глобализация с языком? Авторы полагают, что если мы хотим создать глобальное общество, то необходим глобальный язык, ведь язык – это средство общения, средство выражения мыслей. Язык служит коммуникации, это самый официальный и социально признанный вид из всех видов коммуникативного поведения. Значит, создавая глобальное общество, нужно обеспечить возможность беспрепятственной коммуникации в этом обществе.

В связи с глобализацией и быстрым развитием информационных технологий во всем мире резко вырос спрос на английский язык. Многие исследователи единодушны во мнении, что именно английский на данный момент является единственным претендентом на роль глобального языка.

Глобализация также нередко отождествляется с американизацией. Это связано с усилившимся влиянием США в мире. Голливуд выпускает значительную часть фильмов для мирового проката. В США берут свое начало мировые корпорации Майкрософт, Интел, АМД и др. Возникновение и стремительное распространение Интернета укрепляет позиции английского языка как глобального. Во всемирной Сети международное общение доминирует над общением национальным, и единый язык в этом плане незаменим.

В.М. Алпатов

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Глобализация в области языка заключается прежде всего в распространении английского языка как всеобщего языка межнационального общения. США используют на международном уровне методы, сложившиеся внутри страны. Процесс превращения английского языка в мировой язык облегчает процессы коммуникации, но приводит к стандартизации и унификации культуры. Это проявляется в том числе и в наметившейся тенденции рассматривать строй английского языка как эталонный.

Термин «глобализация» широко распространился не так давно, менее 20 лет назад, но обозначаемые им процессы идут уже достаточно давно. Они начали формироваться после Второй мировой войны и первоначально существовали в двух конкурирующих вариантах: американском и советском. После победы американского варианта в августе 1991 г., когда тогдашний президент России Б.Н. Ельцин официально признал западную систему ценностей, процессы глобализации, понимаемые как всемирное распространение принципов и жизненных укладов, формируемых в США, значительно ускорились. Разумеется, вместе с ускорением растут и сопротивление данным процессам.

Глобализация имеет и языковой аспект. Она немыслима без нахождения общего языка в прямом и переносном смысле.

Человек имеет две языковые потребности; их можно назвать потребностью в идентичности и потребностью во взаимопонимании. Ему хочется постоянно использовать свой родной язык, освоенный в раннем детстве, тогда как другие языки (особенно если они выучены в школьные годы или позже) обычно осваиваются не полностью; помимо этого, родной язык в большинстве случаев

является языком своего этноса. Использование чужого языка часто является вынужденным и может в разной степени вызывать протест, что может компенсироваться престижностью этого языка. С другой стороны, при общении собеседников, в том числе владеющих разными материнскими языками, нужно искать взаимопонимание. Его лучший способ – наличие общего языка; им может быть материнский язык¹ одного из собеседников (что создает неравенство) или какой-то третий язык (собеседники равны, но носители третьего языка по рангу оказываются выше). Если хотя бы для одного из собеседников язык, на котором происходит общение, не является материнским, то его использование одновременно облегчает общение и вызывает у него (или у обоих) чувство неполноценности. Полное языковое равенство возможно лишь при употреблении языков вроде эсперанто, что обеспечивает позиции этого языка в мире, но все же знают его лишь несколько миллионов человек. Безусловно, равенство создается и при использовании переводчика, но оно далеко не всегда возможно и замедляет процесс общения. Подробнее об этом см.: (Алпатов, 2000, с. 5–11).

Глобализация, безусловно, предполагает максимальное удовлетворение потребности во взаимопонимании, в идеале, пока не достигнутом, на едином мировом языке. Это не означает обязательного отказа от употребления других языков, но их роль понижается. Вспомним, как еще недавно говорили о русском языке как всеобщем «втором родном языке» в СССР. Но нет нужды доказывать, что сейчас процесс глобализации в языковой области почти исключительно связан с распространением английского языка. Его международная роль намного превосходит аналогичную роль какого-либо другого из языков. Пожалуй, единственное заметное исключение – продолжающее существовать содружество франкофонных государств. Французский язык занимал ведущие позиции в колониальной империи Франции, что сохранилось и после получения колониями независимости, но уступил позиции в остальном мире.

В России привыкли к значительной международной роли русского языка. На нее влияли не только идеология, но и достижения науки и культуры; в 1960-е годы в Японии чуть ли не все студенты естественных специальностей пытались учить этот язык. Конечно, международная роль этого языка не исчерпана, но она

¹ Я избегаю термина «родной язык» из-за его многозначности. – *Прим. авт.*

уже давно находится в кризисе. На конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в Италии в 2005 г. было сказано: «Ведь Россия больше не воплощает великую утопию. Теперь она стала такой же страной, как и все другие» (Глобус, 2006, № 5, с. 66). На этот счет могут быть разные точки зрения, но в Европе и США думают так, и с этим надо считаться.

За пределами своей основной территории язык может иметь четыре функции: функцию мирового языка, функцию регионального языка культуры, функцию контактного языка и функцию языка меньшинств. И в советское время, и сейчас русский язык имел и имеет все эти функции, однако соотношение между ними изменилось. Функция русского языка как мирового резко упала после 1991 г. Функция регионального языка культуры также уменьшилась, хотя в странах СНГ и Прибалтике она в той или иной мере продолжает сохраняться. В то же время в связи с развитием приграничной и челночной торговли, отдыха за границей, туризма и пр. усиливается контактная функция этого языка в сфере бытового общения. Также после распада СССР, когда часть русскоязычного населения оказалась вне России в положении национального меньшинства, усилилась соответствующая функция русского языка в ряде стран. Контраст с мировым значением английского языка очевиден.

Далее мы будем говорить лишь о роли английского языка в процессах глобализации. Эта роль стала настолько привычной, что младшим поколениям может казаться, что так было всегда. Так, например, всерьез считали участники летних лингвистических школ для московских детей. Но на самом деле международная роль английского языка уступала соответствующей роли французского и немецкого языков даже в первой половине XX в. Нынешнее положение сложилось лишь после Второй мировой войны. США заняли первенствующее место среди западных стран, во многом установив господство по другую сторону Атлантического океана, особенно в послевоенные годы, когда Европа еще не восстановилась после войны. Все это сопровождалось распространением английского языка не только в Европе, но и на других континентах. Достаточно назвать Японию, где процессы глобализации, в том числе в языковой области, начались со времен американской оккупации (1945–1952), а то и раньше: побывавший там в 1932 г. писатель Б.А. Пильняк отмечал, что в Японии происходит не

столько европеизация, сколько американизация (Пильняк, 1935, с. 112). Там с самого начала было установлено жесткое правило: все общение между японцами и американцами вести только на английском языке. И много позже видный американский японист Р.Э. Миллер писал, что в американском посольстве в Токио существует культ принципиального полного незнания японского языка (Miller, 1982, p. 195).

По сути, граждане США перенесли на мировой уровень языковые привычки, сложившиеся внутри страны. С одной стороны, внутри многонациональной страны единство нации всегда поддерживалось английским языком; распространилась идеология «плавильного котла» (melting pot), согласно которой любой приехавший в США человек должен стать американцем, в том числе обязательно овладев этим языком. Хотя сейчас с этой идеологией вроде бы конкурируют идеи мультикультурализма, но по-прежнему при подчеркнутom внимании к правам меньшинств там не пользуется никакой поддержкой такое меньшинство, как лица, не владеющие английским языком. С другой стороны, если в Европе, включая Великобританию, при обширных межгосударственных контактах всегда было распространено знание иностранных языков, то в США с самого начала преобладала самодостаточность, в том числе и в области языка. И если в СССР, а затем и в Европе старались сохранить малочисленные языки, то вопреки популярным в 1980–1990-е годы идеям о советском «языковом геноциде» нигде за XX в. не исчезло так много языков, как в США и Канаде. Как отмечали в 1930-е годы И. Ильф и Е. Петров, в Америке «забывают, что в основе развития народа лежит родной язык. В индейских школах преподают только белые и только на английском языке» (Ильф, Петров, 1961, с. 255). Но для США проблемы развития отдельных народов государства не существовало. Также вытеснялись и языки иммигрантов. Не говорившие по-английски люди оказывались на обочине¹; но и двуязычие, которое преобладало и преобладает у иммигрантов в первом поколении, многие связывают с бедностью и отсталостью: всерьез считают, что ус-

¹ Впрочем, незнание иногда оказывается необходимым: среди испаноязычных американцев английский язык считался языком для мужчин; женщины не должны были его знать, поскольку знание означало появление нежелательных интересов вне дома, а в семье нужен лишь испанский язык. Однако это, разумеется, не государственная, а внутриобщинная политика. – *Прим. авт.*

пешный американец должен знать лишь английский язык (Skutnabb-Kangas, 1983, p. 66).

В Европе, конечно, речь не идет о внедрении одноязычия, исключая, впрочем, Великобританию. Если до недавнего времени в Великобритании в отличие от США, было широко распространено знание иностранных языков, то теперь и здесь положение меняется. «Лейбористское правительство сделало изучение иностранных языков в школах учащимися старше 14 лет необязательным. В 2005 г. экзамен по иностранному языку в числе обязательных школьных экзаменов сдавали 61%, в 2010г. – 44%» (Глобус, № 20, 20 мая 2011, с. 27). Разумеется, среди причин выхода Великобритании из Евросоюза языковые причины не могли быть главными, но могло играть роль и то, что представители этой страны все чаще не знают языки стран ЕС.

Сейчас американизация языкового общения широко распространена в большинстве стран мира. Естественно, роль английского языка получает и «теоретические обоснования». Лорд М. Брэгг, например, писал: «80% знаний человечества сохранены на английском языке. Секрет успеха английского языка кроется в его невероятной точности, гибкости и способности адаптироваться для самых сложных задач» (Независимая газета, 2013). Это доказывают и некоторые русскоязычные авторы вроде М. Эпштейна.

Специально остановлюсь на ситуации в двух странах: Японии и современной России.

В японском языке издавна лексика четко делилась на два класса: исконные слова (ваго) и заимствования из китайского языка (канго), как правило, связанные с иероглифическим письмом. В XX в. появился третий класс: заимствования из западных языков, почти всегда из американского варианта английского языка, их называют *гайрайго*, для их написания используют не иероглифы, а особую азбуку *катакана*, что в письменном тексте сразу их выделяет. Большинство гайрайго появились после 1945 г.

Несмотря на то что гайрайго никогда не составляли большинства лексики (в газетах в среднем к ним в 60-е годы относились 4% слов, сейчас несколько больше), конкуренция синонимов почти всегда заканчивалась их победой над ваго или канго. Такой процесс начался еще до войны: например, еще тогда канго *hooka-shutaku* заменилось на *apaato* (из *apartment*) в качестве обозначения многоквартирного дома европейского типа (Iwabuchi, 1993, p. 8). Канго *Geppu* ‘кредит’ заменилось синонимом *kurejitto*

(Sotoyama, 1993, p. 53), канго *renketsu* ‘стыковка (космических аппаратов)’ уступило синониму *dokkingu* (*docking*). Даже канго *gyuunyuu* ‘коровье молоко’ (его не пили в Японии до европеизации) полностью вытеснено словом *miruku* (*milk*). Возможно и расхождение в значениях. Фотоаппарат когда-то называли *syashinki*, но теперь это разве что старомодный пластиночный аппарат, современная модель – только *kamera*. Львов именовали *shishi*, но теперь это лишь изображающий льва танцор на буддийских праздниках, а животное – *raion* (*lion*). В целом созданные до войны для передачи пришедших из-за рубежа явлений кальки (в большинстве канго) сейчас в значительной степени заменены гайрайго (Stanlaw, 2004, p. 79).

Среди причин успеха гайрайго, по-видимому, наиболее важны две. Одна из них связана с тем, что гайрайго обычно лучше понятны на слух, особенно по сравнению с канго, среди которых много омонимов; часто это помогает им вытеснить синонимы иного происхождения.

Но существенно и влияние глобализации. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. В торговле, по выражению одного автора, гайрайго появляются там, где продают мечту (Sotoyama, 1993, p. 50). Как писал видный социолингвист Сибата Такэси, для многих слово, пишущееся катаканой, обозначает хорошую вещь (Shibata, 1993, p. 20). Человек, не употребляющий гайрайго, может выглядеть старомодным (Stanlaw, 2004, p. 268–269).

Это приводит к тому, что заимствуются не только термины и названия заимствуемых реалий, но и самые обыденные слова, которые не вытесняют прежние ваго и / или канго, но ассоциируются с современными процессами. Часто разграничение идет по признаку «наличие – отсутствие связи с массовой культурой глобализации», в основном потребительской.

Вот пример, с которым пришлось столкнуться мне в 80-е годы: японец, узнав, что я из СССР, рассказал, что он там не был, а вот его жена туда ездила, назвав при этом ее *waiifu* из *wife*. В японском языке более десятка слов (ваго и канго) со значением *жена*; казалось бы, зачем еще слово? Но если речь идет о действиях, не сочетающихся с традиционными правилами женского поведения (например, если жена путешествует без мужа), то уместно именно

waiфу, а, не скажем, *kanai*, что буквально значит *внутри дома* (слово, правда, не употребляемое в отношении своей жены).

В японском языке, разумеется, и до массового заимствования американизмов имелись слова со значением *вчера* и *завтра*, сохраняющиеся в обыденных ситуациях. Но в одной рекламе, где противопоставлялись автомобили вчерашнего и завтрашнего дня, *вчера* было обозначено обычным японским словом *kinoo*, а *завтра* – американизмом *toomoroo* (*tomorrow*) (Stanlaw, 2004, p. 299); см. также ресторан «Тоомогоо» в Токио. Новорожденный ребенок – *akachan*, но в товарах для новорожденных он будет *beebii* (*baby*) (Iwabuchi, 1993, p. 12). Такое особенно часто в торговле, но может встретиться и в иных сферах жизни. *Грамматика* по-японски *bumpoo* (канго), но японец в интервью, вспоминая свои уроки английского языка в школе, употребил слово *guramaa* (*grammar*) (Endoo, 1995, p. 13). Современная японка не купит кофточку мышиного цвета (*nezumiro*), но если назвать ее цвет *guree* (*grey*), то к ней отнесутся иначе (Stanlaw, 2004, p. 208). Ср. указание на то, что японские местоимения второго лица, уместные, скажем, в обращении жены к мужу, трудно употребить по отношению к бойфренду, и современные японки могут обращаться к нему *уи* (*you*) (Stanlaw, 2004, p. 105).

Слова класса гайрайго в большинстве своем тесно связаны с ценностями, идущими из США. Один из часто обсуждаемых примеров – своеобразный именной префикс *mai* из *my* ‘мой’ (он может иметь и значение ‘мой’, и значение ‘личный, частный’). Зафиксированы: *mai-kaa* ‘личный автомобиль’, *mai-hoomi* ‘частный дом’, *mai-peesu* ‘свой ритм, темп’, *mai-taun* ‘мой город’ и даже *mai-teguro* ‘мое Мэгуро’ (название пансиона в токийском районе Мэгуро) (Shibata, 1993, p. 20; Ekuni, 1993, p. 128). Не всегда, но часто префикс по значению указывает на нахождение соответствующего предмета в сфере личной собственности говорящего. Подчеркивается идея *privacy*, которая с трудом выражается средствами японского языка. Во внедрении этого префикса иностранные наблюдатели видят воспитание западного индивидуализма у японцев (Stanlaw, 2004, p. 18).

Это не всем нравится. Злоупотребления американизмами вызывают протесты зрителей, и полугосударственная радио- и телекомпания NHK иногда пытается их ограничить (NHK, 1984, 8, p. 20).

Однако общая тенденция, бесспорно, направлена в сторону экспансии американизмов. Чуть ли не каждое английское слово

может быть заимствовано в японский язык, хотя бы в составе сочетаний. По выражению одного из авторов, мы имеем дело не столько с заимствованием в обычном смысле, сколько с абсорбцией японским языком английского словаря (Passin, 1980, p. 55).

И в то же время отмечается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация. Столь значительное число заимствований из английского языка, по крайней мере до недавнего времени, вовсе не означало для большинства японцев свободного владения английским языком. Граждане этой страны в этом уступали гражданам других азиатских государств, что еще в 90-е годы показывали международные исследования (Honma, 1995, p. 58; Loveday, 1996, p. 99; Gotlieb, 2005, p. 32, 70). Положение изменилось лишь в последние годы: с 2011 г. в Японии проводится реформа образования, главным компонентом которой является значительное увеличение преподавания английского языка на всех уровнях. И гайрайо в основном обслуживают определенные сферы жизни, более всего связанные с глобализацией, прежде всего престижное потребление и высокие технологии, а в остальном словаре их совсем немного, о чем я уже писал (Алпатов, 2001).

Теперь о России. Разумеется, престижность английского языка сейчас высока, а его преподавание по сравнению с советским временем заметно расширилось. Появляются и предложения, предусматривающие все большее распространение английского языка. Например, профессор РГГУ И.Г. Яковенко, предлагая программу «модернизации России», выделяет один из пунктов. *«Выход из гетто русского языка.* Заметим, что русская элита со второй половины XVIII в. и до 1917 г. говорила на европейских языках. На первых этапах модернизации это терпимо. Сегодня ситуация, когда языком международного общения владеет узкий слой элиты, провальна. Ничего, кроме своекорыстного интереса элиты, за этим не стоит. Английский язык перестает быть языком иностранным и обретает статус языка международного. Он обязателен. Иностранные языки изучаются по желанию. Школа обеспечивает свободное чтение, понимание и общение. Разные курсы для освоения языка людьми старших поколений. Диплом о высшем образовании без свободного владения английским не выдается. Преподавание десятка предметов на английском языке, семинары и ответ на экзамене – обязательная норма системы высшего образования. Необходим один англоязычный канал национального телевидения. Англоязычные фильмы не переводятся, а титруются.

Практика показов детям мультиков по-английски и т.д.» (Яковенко, 2012, с. 14).

До этого, впрочем, в России далеко. Вот лишь один пример. Перед Олимпиадой в Сочи ее обслуживающий персонал 2,5 года учили английскому языку. Скрытая проверка перед началом соревнований обнаружила, что почти все эти люди не могли на нем объясниться (Независимая газета, 2013 а).

Тем не менее американизация российского общества идет, в том числе и в области языка. Это происходит, как правило, без каких-либо прямых принуждений, а с помощью мягкой силы. Вот первая попавшаяся газета – «НГ – антракт» (приложение к «Независимой газете»), посвященное вопросам искусства) за 8 февраля 2013 г. На четырех страницах издания находим: *дизайн-студия, диммеры, гостевой лаунж, тренды, бренды-стартапы, топ-10, провокационный маркетинг, гэги, ситком, скетчком* и пр. Здесь же *кастинг*, еще недавно называвшийся пробой. И плюс к этому совсем не переваренное: интернет-портал *Dezeen*, дизайн-студии *Nendo* и *NOTE*, ресторан (в Москве) *Claude Monet*, компания *Wastberg* и пр. И целые смешанные фразы: «Nendo сделала для Swedeze вешалку Ski»; «Для рейтинга нужны женщины, и посему мы становимся girl friendly». На какую аудиторию это рассчитано? Представляется, что во многом здесь расчет не столько на понимание каждого слова, сколько на его «имидж» (тут американизм уместен). Можно и нужно с этим бороться, но социальные и культурные причины здесь объективны: США и для России, как и для Японии, остаются эталоном высокого уровня жизни и исключительно развитого потребления, и язык тут – одно из ведущих средств американизации общества.

До мер, предлагаемых И.Г. Яковенко, пока далеко, но изучение английского языка делается все более обязательным. «ЕГЭ по иностранным языкам станет четвертым обязательным предметом уже в 2022 году» (Независимая газета, 2017). Хотя речь идет об «иностранных языках» вообще, но очевидно, что в подавляющем большинстве учащиеся будут сдавать английский язык. В этом случае «можно использовать термин «принуждение к английскому языку» (там же). Будет ли эта мера эффективной?

Вопрос: как оценивать столь большую роль английского языка в современном мире? Безусловно, как и в отношении других аспектов глобализации, оценка не может быть однозначной. Общение между носителями разных языков становится в обществе

XXI в. все более необходимым. В современном мире языков межнационального общения немало (внутри России и сейчас это прежде всего русский язык), но английский язык увеличивает распространение в этой роли. С этим надо считаться.

В зависимости от ситуации в той или иной стране роль английского языка может быть разной. Однозначно прогрессивную роль он, например, имел в ЮАР в годы национально-освободительной борьбы и продолжает сохранять сейчас. Долгое время официальным был африкаанс, язык нидерландских поселенцев, который ассоциировался с угнетением африканского большинства. Но это большинство не мог объединить и ни один из языков коренного населения: их много, их носители часто не понимают друг друга и ни один численно не преобладает. Самым нейтральным, но известным многим языком в этих условиях оказался английский. Сходна ситуация и в Индии, где многие языки пользуются правами на уровне штатов, но в масштабе всей страны нет ни одного языка, распространенного везде, кроме английского (если не считать мало кому сейчас известного санскрита, который, впрочем, также имеет официальный статус).

Однако всеобщее распространение английского языка имеет и много минусов. Многим не нравится его принудительное навязывание; к тому же способности к иностранным языкам у людей разные, и они жестко не связаны со способностями в иных областях. Он ассоциируется с распространяемой из США массовой культурой, привлекательной для одних и ненавистной для других, и с культурной стандартизацией. И самое печальное: в ряде случаев натиск английского языка может привести к вымиранию языка меньшинства. Идеология «плавильного котла», как отмечалось выше, не способствует сохранению малых языков (в Европе здесь ситуация лучше, поскольку начали принимать меры по их защите).

Но и если тому или иному языку не угрожает исчезновение, он начинает вытесняться из ряда культурных сфер, в том числе из сферы науки, включая науку о языке; это касается и русского языка. И в связи с этим я хочу поставить еще одну проблему, вроде бы далекую от того, о чем говорилось выше, но глубинно с ним связанную: как особенности строя английского и русского языка влияют на представления их носителей о языке и мире. Эти представления влияют на национальные лингвистические традиции, а во многом и на традиции других гуманитарных наук. Сразу должен сказать, что я не считаю научными иногда встречающиеся по-

пытки доказать, что английский язык лучше или хуже русского. Здесь следует избегать оценочности. Однако различия в строе этих языков объективны. И всеобщее распространение английского языка может привести к тем или иным изменениям в представлениях о мире носителей других языков. А каждый язык, как известно, создает особую картину мира.

Безусловно, разные науки по-разному соотносятся с языком, на котором сочиняется то или иное исследование. Считается, что естественные науки независимы от этого (или, по крайней мере, зависимы в минимальной степени). Но с гуманитарными науками дело может обстоять иначе. Сейчас нередко утверждают, что здесь существенным может быть влияние родного языка специалиста, которое может сохраняться и тогда, когда он пишет на чужом языке.

Я ограничусь вопросами языкознания, но приведу один пример из иной области. Вот что говорит в недавнем интервью директор Института философии РАН академик А.В. Смирнов: «Когда ты начинаешь говорить по-английски, ты что-то неизбежно теряешь. А может быть, даже и очень многое теряешь. Английский – это особый язык. Не случайно английская философия – это философия эмпиризма прежде всего. Она была и остается до сих пор философией, приближенной к естественным наукам. В отличие от континентальной традиции» (НГ – наука, 08.02.2017).

Великий лингвист и философ языка Вильгельм фон Гумбольдт еще в первой половине XIX в. разграничивал *мировоззрение*, независимое от языка, и *мировидение*, связанное с языком (Гумбольдт, 1984, с. 80). В 1934 г. видный иранист и теоретик языка В.И. Абаев писал об *идеологии, выраженной с помощью языка*, и *идеологии, выраженной в самом языке* (Абаев, 2006, с. 35). Идеология здесь понималась максимально широко, включая и обиходные идеи, сознательные и бессознательные. Мировоззрение (идеология, выраженная с помощью языка) может быть сохранено при переводе, а мировидение (идеология, выраженная в языке; языковая картина мира) не может не трансформироваться; в отличие от мировоззрения оно свойственно всем носителям некоторого языка в один и тот же момент времени.

Некоторые примеры мировидения, прежде всего в лексике, широко известны. Некорректен вопрос: «Как по-английски будет *рука?*», поскольку там два не синонимичных слова *hand* и *arm*. Русскому *давать* в английском более или менее соответствует *give*, но в японском языке соответствующих глаголов будет пять с

различными значениями. Такие различия выражаются в речи носителей языка независимо от их мировоззрения.

Но различия могут проявляться не только в отношении лексики, но и в отношении грамматики и даже фонетики; они могут отражаться не только в обиходных представлениях, но и в научном анализе. «Естественно... что когда лингвист переходит от описаний родного языка к построению общей теории языка, основные понятия построенной им теории часто сохраняют тесную связь с фактами, которые хорошо представлены в его родном языке» (Зализняк, Падучева, 1964, с. 7). Это может проявляться и в подходе к языкам, по строю отличным от родного.

Русское представление о грамматике хорошо отражено у А.И. Смирницкого: «Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно* как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна, окну, окна*, но не *окн-*» (Смирницкий, 1955, с. 14). Ненаучный эпитет «обрубок» точно передает интуицию носителя русского языка, для которого слово должно быть оформлено, т.е. иметь показатель словоизменения (хотя бы нулевой); «неоформленное» же слово, равное основе, ощущается как исключение, свойственное либо периферийной лексике, либо служебным словам, которые как бы и не совсем слова. Хотя А.И. Смирницкий по лингвистической специализации был германистом и много занимался как раз английским языком, но в общелингвистических работах исходил из представлений, привычных для носителя русского языка.

А вот полуплутовские рассуждения далекого от лингвистики носителя английского языка, видимо, все-таки отражающие привычные для него представления. «Собака будет “*der Hund*”. Возьмем теперь эту собаку в родительном падеже, и что же – вы думаете, это будет все та же собака? Нет, сэр, она станет “*des Hundes*”. Возьмем ее в дательном, и что же получится? Это уже “*dem Hund*”! Пропустим-ка ее в винительном. Она ни более ни менее как “*den Hund*”. Теперь предположим, что наша собака имеет близнеца и что эту сдвоенную собаку нужно просклонять во множественном числе. Что же, пока ее прогонят еще сквозь четыре падежа, она составит целую международную собачью выставку. Я не собачник, но ни за что не позволил бы себе так обращаться с собакой, даже если это чужая собака» (Твен, 1961, с. 485). Автор привык обходиться в своем языке без падежей, но их приходится запоминать при использовании немецкого (как и русского) языка.

И позволю привести рассуждения уже лингвиста, правда, носителя не английского, но близкого к нему по строю французского языка. В 1903 г. Антуан Мейе, рассматривая строй древних индоевропейских языков, писал: «Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен. <...> Слово являлось в нем лишь в сочетании со словоизменительными элементами. <...> В латинском языке для значения “волк” нет ни слова, ни выделяемой основы; есть только совокупность форм: *lupus, lupo, lupum, lupi, lupus, lupus, lupus, lupum, lupi* (перечисляются падежные формы слова – *В. А.*). Нет ничего менее ясного, чем подобный прием. <...> Все индоевропейские языки в большей или меньшей степени, одни раньше – другие позже, обнаружили склонность упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе неизменяемыми» (Мейе, 1938, с. 426–427). То есть для лингвиста – носителя французского (видимо, и английского) языка равное основе неизменяемое слово – норма, а развитое словоизменение – «своеобразный», «сложный» и «неясный» тип, от которого нужно избавляться.

Автор комментариев к русскому изданию книги Мейе Розалия Осиповна Шор справедливо писала: «Как понимание структуры отдельного слова... так и понимание структуры предложения древнейших индоевропейских языков не представляет с точки зрения русского языка – языка синтетического строя – тех затруднений, которые оно представляет с точки зрения французского языка – языка аналитического строя» (Шор, 1938, с. 500).

Европейская лингвистическая традиция складывалась на основе изучения древнегреческого и латинского языков, строй которых удивлял А. Мейе. В ходе исторического развития английский и французский (в меньшей степени немецкий) языки значительно изменили свой строй, значительно упростив морфологию, а русский язык в целом сохранил прежние особенности. И когда наука о языке в Европе стала отходить от античного эталона, она в разных странах пошла разными путями. Строй русского языка изменился меньше, и русская традиция изменилась меньше. В последней до сих пор важное место занимает изучение словоизменения, которое необходимо при описании русского языка; и у нас бывали попытки его находить и в каждом изучаемом языке, вплоть до китайского (Н.И. Конрад). А в англоязычной традиции важнее правила порядка.

Приведу некоторые примеры. В отечественной традиции синтаксис обычно понимается как совокупность слов (членов предложения) и синтаксических отношений между ними. Еще в школе нас учат проводить стрелки от главного слова к зависимому; такое представление синтаксической структуры называют грамматикой зависимостей. Направление анализа – от слова к предложению, а порядок слов существенной роли не играет: при изменении порядка синтаксические связи остаются теми же самыми. Это, вероятно, соответствует привычкам людей, для которых родной язык – русский. В западной науке такое представление структуры предложения встречается, его изображения с помощью стрелок называют «графами Теньера», поскольку их предложил французский лингвист Люсьен Теньер; он был славистом, изучал работы русских лингвистов и мог использовать их идеи.

Однако в англоязычной лингвистике преобладает иное представление синтаксиса, именуемое грамматикой составляющих, впервые разработанное Л. Блумфилдом. Предложение на каждом шагу делится на две части (составляющие), они в свою очередь делятся на части и т.д. Такая схема наглядно представляется не с помощью стрелок, а в виде скобок. Каждая пара скобок включает составляющую, пары скобок вкладываются друг в друга, но не пересекаются. Направление анализа – от предложения к меньшим единицам, часто при этом конечными единицами оказываются не слова, а морфемы.

Грамматика составляющих исходит из того, что составляющие в норме должны быть непрерывны, что, видимо, естественно для носителей английского языка, для которых существенно представление о корреляции между степенью синтаксической и линейной близости слов. Свободный порядок слов не предусмотрен в каноническом варианте грамматики составляющих и требует ее усложнения. С другой стороны, грамматика зависимостей требует обязательного членения текста без остатка на слова, что не всегда легко сделать. В грамматике же составляющих можно обойтись вообще без обязательного выделения слова.

В этом проявляется различие строя базовых языков. «Ясно, что русский язык, с относительно свободным расположением слов, менее удобно анализировать по непосредственным составляющим, чем английский; аналогично, для английского языка понятие дерева зависимостей является менее естественным, чем для русского» (Зализняк, Падучева, 1964, с. 7). В русском языке слова обычно

четко выделяются, их грамматические функции очевидны благодаря их «оформленности», а их порядок почти всегда свободен. Но грамматика составляющих естественнее для носителей английского языка с жесткими правилами словесного порядка и менее ясными границами слов. Здесь в отличие от русского языка слова часто получают синтаксическую роль лишь в зависимости от места в предложении.

И различия национальных вариантов видны в терминологии. Часто трудно дать стандартный и общепонятный английский перевод для привычных в России терминов; верно и обратное. Мне пришлось с этим однажды столкнуться. Я не смог опубликовать английский вариант своей статьи по японскому языку в международном издании из-за того, что в ней важное место занимало противопоставление *знаменательных слов* и *служебных слов*. Хотя в словарях можно найти переводные эквиваленты, но они неизвестны англоязычным лингвистам, поскольку там не приняты сами понятия, хотя в России эти термины употребляют в школе. Синтаксически самостоятельные слова могут называть *particles* или *clitics*, но можно ли так называть, скажем, вспомогательные глаголы? А русский термин *частица* уж по значению, чем *particle*. Общего же термина для самостоятельных слов, не являющихся *particles* или *clitics*, в английском варианте традиции просто нет. Мне предложили убрать не только термины, но сами понятия, что я не смог сделать. Русскоязычный вариант той же статьи не вызвал трудностей в публикации. А как перевести на английский язык *словосочетание*, *главное предложение*, *придаточное предложение*?

С другой стороны, до недавнего времени не имели точного русского эквивалента англоязычные термины *phrase* и *clause*. Первый из них – не то же самое, что *фраза* в русской традиции: *фраза* – более или менее – то же самое, что *предложение*, но *phrase* может быть словосочетанием и даже словом. Русскому термину *словосочетание* точнее всего соответствует как раз *phrase*, но не наоборот: словосочетание не может равняться одному слову. Такой подход, с точки зрения носителя русского языка, стирает важное различие между словом и словосочетанием. А термины *sentence* и *clause* покрываются термином *предложение*, не будучи синонимами: *sentence* может состоять из нескольких *clause*, но не наоборот. Термин *clause* близок к русскому *придаточному предложению*, но не идентичен ему: сложносочиненное предложение делится на *clauses*, но не на *придаточные предложения*. Наконец, термину

главное предложение, как и термину *знаменательное слово*, нет принятого эквивалента в английском языке. Таким образом, мы имеем два ряда терминов: *sentence – clause – phrase – word* и *предложение – словосочетание – слово*. Точного соответствия нет.

По-видимому, для носителя русского языка синтаксис – это, прежде всего, согласование и управление, выражаемые словоизменением. Такое представление естественно отражается и в том, что компонентами предложения признаются слова (любые или только знаменательные), но не словосочетания. Однако носитель английского языка, по-видимому, не привык находить опору в формах слов, тогда как их порядок для него почти всегда важен, а синтаксически наиболее тесно связанные компоненты в норме должны и стоять рядом. Поэтому русская традиция пошла по пути грамматики зависимостей и по пути разграничения главных и придаточных предложений, а англоязычная – по пути грамматики составляющих и выделения *phrase*.

Русский вариант европейской традиции устойчиво сохраняет представление о центральной роли слова среди единиц языка. Оно было таковым во всей европейской традиции тогда, когда она исходила из греческого и / или латинского эталона. Однако в западноевропейских вариантах традиции с XX в. слово начало отходить на задний план; позже оно стало вообще исчезать. Показательны включение морфологии в состав синтаксиса в генеративизме и некоторых других направлениях западной лингвистики и идея ряда современных западных лингвистов о едином морфосинтаксисе. Но в русском варианте традиции это встречается много реже.

Такие особенности, по-видимому, имеют психолингвистические корни, что подтверждают исследования речевых расстройств (афазий) и детской речи. «В русском языке операции с флексиями задействованы всегда; иными словами, даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания, не оставляя глагол морфологически неоформленным» (Черниговская, 2013, с. 168). Это, разумеется, относится не только к глаголам. А при нарушениях механизмов мозга «морфологические процедуры почти не производятся: в ментальном лексиконе слова хранятся целиком, списком, без осознания их структуры» (Черниговская, 2013, с. 147). Дети, овладевающие русским языком, на одном из этапов овладения говорят «замороженными словоформами», постепенно осваивая словоизменение (Цейтлин, 2000, с. 84).

Однако для носителей английского языка картина несколько иная. Американские исследователи отмечают на соответствующем этапе развития детской речи не «замороженные словоформы», а «телеграфную речь», в которой отсутствуют не только служебные слова, но и аффиксы (Цейтлин, 2000, с. 84). И исследования афазий показывают, что в английском языке регулярные формы прошедшего времени с элементом *-ed* (который по традиции принято считать аффиксом) составляются из компонентов (производятся), а не хранятся в готовом виде (воспроизводятся); формы неправильных глаголов, однако, воспроизводятся (Черниговская, 2013, с. 167). Отсюда представления американских исследователей о разных механизмах для регулярных и нерегулярных форм, не подтверждаемые на материале русского языка. То есть получает подтверждение вышеупомянутая точка зрения. Но это верно лишь для таких языков, как английский. Как пишет Т.В. Черниговская, «можно предположить, что резкое противопоставление регулярного и нерегулярного механизмов в русском языке не является продуктивным» (Черниговская, 2013, с. 167).

По-видимому, многие различия вариантов европейской лингвистической традиции могут получить психолингвистическое объяснение. Носители любого языка имеют в своем распоряжении лексикон (набор базовых единиц) и правила порождения из них предложений (при афазиях бывает, что один из этих механизмов выходит из строя). Однако в русском языке базовые единицы сложнее по своему составу, чем в английском (и, по-видимому, во французском, о чем косвенно свидетельствуют рассуждения А. Мейе). Процесс порождения предложений для английского языка в основном сводится к соположению базовых единиц на основе правил порядка, а в русском языке, помимо синтаксических механизмов, имеются и морфологические, порождающие не базовые словоформы. Если лексикон и синтаксис абсолютно необходимы для носителей любого языка, то морфологический механизм не столь универсален. Если в европейской традиции именно он ввиду его особой сложности первоначально описывался более всего (что сохранилось и в русском варианте), то его редукция в английском языке влияет и на англоязычные теории. В прошлом, скорее всего, и английский язык, имевший развитое словоизменение, обладал морфологическими механизмами, теперь в них уже нет необходимости, а формы неправильных глаголов, реликт былого словоизменения, хранятся в памяти в готовом виде. Многие из вышеупо-

мянутых отличий национальных вариантов традиции могут прямо или косвенно вытекать отсюда.

Итак, русский язык всегда лежал в основе лингвистических теорий, создававшихся в русской науке. В науке англоязычных стран то же происходило с английским языком. Если лингвист исследует чужой для него язык, то он сознательно или (чаще) бессознательно выбирает решение, более естественное с точки зрения родного языка, а дальнейший анализ может его подтвердить или не подтвердить. «Для отечественного языкознания характерен русоцентризм, для американского – англоцентризм, на фоне чего европоцентризм можно уже считать высоким уровнем языкового кругозора» (Кибрик). Излишняя ориентация на типологические особенности русского языка нередко встречалась в советское время при изучении других языков СССР, а сейчас в связи с глобализацией все чаще начинают исходить из особенностей английского языка. В последнее время этот язык стал возводиться в ранг всеобщего эталона, тогда особенности русского языка вроде свободного порядка слов рассматриваются как отклонения от базовых принципов языка или вообще игнорируются, но это уже прямое влияние англоязычной традиции, все более становящейся международной.

В настоящее время везде, в том числе и в русистике, наблюдается экспансия англоязычной традиции, все более становящейся международной. Например, в некоторых школах российской лингвистики распространился термин *клауза*, не имеющий соответствия в русской традиции и являющийся просто заимствованием термина *clause*. Если в этом случае можно признать введение термина разумным, то вряд ли это можно сказать об употреблении слова *глагол* вместо *сказуемого* или о замене *грамматики морфосинтаксисом*¹. И для русского языка уже говорится о *составляющих, именных и глагольных группах* и пр. Я не говорю, что все это приносит только вред, что-то может быть и полезным, но все же универсальные свойства языка и типологические особенности английского языка – не одно и то же. И не распространяется ли свой-

¹ Термин *морфосинтаксис* связан с распространившимися в западной лингвистике идеями о ненужности понятия слова и отказе от выделения морфологии в особый раздел лингвистики с включением соответствующих явлений в синтаксис (Haspelmath, 2011). Так, вероятно, можно поступать при описании английского, но не русского языка. – *Прим. авт.*

ственная процессу глобализации культурная унификация и на представления о языке?

Список литературы

- Абаев В.И.* Статьи по теории и истории языкознания. – М., 2006. – 152 с.
- Аллатов В.М.* 150 языков и политика: (1917–2000): Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М., 2000. – 224 с.
- Аллатов В.М.* Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российские востоковеды в память о М.С. Капице: Очерки, исследования, разработки. – М., 2001. – С. 304–315.
- Глобус: Бюллетень международной информации. – 2011. – № 20, 20 мая.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. – М., 1984. – 398 с.
- Зализняк А.А., Падучева Е.В.* О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста // Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1964. – С. 7–8.
- Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка // *Ильф И., Петров Е.* Собрание сочинений. – М., 1961. – Т. 4. – 596 с.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Пер. с нем. – М.; Л., 1938. – 512 с.
- Независимая газета. – М., 2013. – 4 окт.
- Независимая газета. – М., 2013 а. – 24.10.
- Независимая газета. – М., 2017. – 15.06.
- Пильняк Б.* Камни и корни. – М., 1935. – 224 с.
- Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 11–53.
- Твен М.* Собрание сочинений / Пер. а с англ. – М., 1961. – Т. 12. – 760 с.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М., 2000. – 240 с.
- Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шрёдингера: Язык и сознание. – М., 2013. – 449 с.
- Шор Р.* Примечания // *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.; Л., 1938. – С. 488–503.
- Яковенко И.* Образование новой России // Новая газета. – 2012. – 16 марта.
- Ekuni Shigeru.* Gairaigo ni tsuite // Gairaigo. – Tokyo etc., 1993. – P. 125–128.
- Iwabuchi Etsutaroo.* Gairaigo // Gairaigo. – Tokyo, 1993. – P. 7–15.
- Haspelmath M.* The indeterminacy of word segmentation, and the nature of morphology and syntax // Folia linguistica. – 2011. – Vol. 45, N 1. – P. 31–80.
- Honna N.* English in Japanese society: Language within society // Multilingual Japan. – Clevedon etc., 1995. – P. 45–62.
- Gottlieb N.* Language and society in Japan. – Cambridge, 2005. – 169 p.
- Loveday L.J.* Language contact in Japan: A socio-linguistic history. – Oxford, 1996. – 250 p.

- Miller R.A.* Japan's modern myth: The language and beyond. – N.Y.; Tokyo, 1982. – 290 p.
- NHK-nyuusu [журнал]. – Tokyo. – 1984. – N 8.
- Passin H.* Japanese and the Japanese: Language and culture change. – Tokyo, 1980. – 154 p.
- Shibata Takeshi.* Gairaigo wa nihongo o midasu ka // Gairaigo. – Tokyo, 1993. – P. 16–22.
- Skutnabb-Kangas T.* Bilingualism or not: The education of minorities. – Clevedon, 1983. – 378 p.
- Sotoyama Shigehiko.* Gairaigo o ukeireru shinri // Gairaigo. – Tokyo, 1993. – P. 48–60.
- Stanlaw J.* Japanese language: Language and culture contact. – Hong Kong, 2004. – 375 p.

В.Г. Кузнецов

ЯЗЫКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНТЕГРАЦИЯ VS ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. Задача статьи – выделить и проанализировать факторы языковой интеграции и стремление национальных языков сохранить свою идентичность. Рассматривается роль Европейского союза в этих процессах. Внимание уделяется таким активным факторам интеграции, как англо-американские заимствования и Интернет. Рассматривается дискуссионный вопрос о влиянии заимствований на языковую картину мира. В качестве противодействия фактору интеграции выступает языковая политика, направленная на сохранение идентичности.

Истоки проблематики изучения влияния на языки интеграционных общественных процессов содержатся в работах лингвиста французской социологической школы А. Мейе и представителя Женевской школы Ш. Балли. Об ускорении процессов языковых изменений в эпохи экономических и социальных потрясений писали и другие выдающиеся отечественные и зарубежные представители социологического направления в лингвистике (Р.О. Шор, А.М. Селищев, Л.В. Щерба, В.М. Жирмунский, Р.А. Будагов; С. Карцевский, Дж.Р. Фёрс). Впервые мысль о влиянии материальной и духовной общности народов на интеграционные процессы в языках была высказана 100 лет назад А. Мейе в работе «Языки в новой Европе» (Meillet, 1918). Он высказал предположение, которое реализовалось в образовании единой Европы: «В будущем свободные нации объединятся в сообщество. А оно не сможет обойтись без средства общения. Сообщество наций будет пользоваться основными современными языками и, несомненно, вспомогательным международным языком, отвечающим общим потребностям» (Meillet, 1918, p. 333). В более поздней работе все сильнее

увеличивающиеся сходства между европейскими языками независимо от их исторических связей Мейе объяснял «чувством единства цивилизации» (Meillet, 1926, p. 156). Под «цивилизацией» он понимал уровень социального развития, материальной и духовной культуры.

По мнению выдающегося лингвиста Женевской школы Ш. Балли, общность в области материальной и духовной культуры, складывающаяся в Европе («европейский психический склад»), проявляется в языке своеобразной европейской стилистикой. Следуя за А. Мейе, наличие общих стилистических черт в европейских языках Балли объяснял все возрастающим сближением языков европейского континента в силу многочисленных и разнообразных связей между населяющими его народами в области материальной и духовной культуры. «Сходные вещи не могут быть выражены слишком различными способами; духовная общность отражается в языке и в отношениях между языком и мышлением» (Балли, 1961, с. 41).

Языковая интеграция

На рубеже третьего тысячелетия во всем мире сложилась устойчивая тенденция к глобализации и интеграции во всех сферах общественной жизни: в экономике, политике, науке, культуре и образовании. Примером глобализации в области образования может служить Болонское соглашение 1999 г., подписанное Россией в 2003 г., цель которого – создание единого образовательного пространства высшего образования в Европе. В соответствии с этим соглашением была введена унифицированная трехступенчатая система высшего образования: бакалавриат – магистратура – аспирантура. В российских вузах для осуществления мобильности студентов и признания дипломов внедряется европейская система обмена знаний – *European Credit Transfer System (ECTS)*.

В эпоху мировой глобализации интеграционные процессы происходят не только в экономике и культуре, но и в языке. Причем экономика и культура выступают как первичные по отношению к языку. Языковую интеграцию понимают в широком и узком смысле. В широком – как процесс стандартизации, унификации языковых средств в сферах использования языка, связанных с общественно-политической, экономической, культурной жизнью современного общества. В узком смысле – ассоциируют с вопросами

заимствования, прежде всего из английского языка, причем заимствуются не только нейтральные, но и экспрессивные средства. Наиболее чутко на процессы интеграции реагируют СМИ и всемирная информационная сеть Интернет. Высшей ступенью языковой интеграции является интернационализация, которая проявляется главным образом в научной, научно-технической, политической, международно-правовой, педагогической терминологии (как результат заключения Болонского соглашения).

Динамично протекающая глобализация сопровождается активными словообразовательными процессами для обозначения все новых и новых явлений и понятий этого всеобщего явления. Поскольку глобализация затрагивает многие стороны жизни современного общества, в разных языках наблюдается возникновение многочисленных словосочетаний с ключевым словом «глобализация»: *глобальные явления, процессы, факторы, изменения, тенденции, технологии; глобальная политика, культура, глобальное общество, глобальный менеджмент* и др. Углубление глобализации сопровождается в языковом плане расширением сочетаемости ключевых слов и появлением новых слов и словосочетаний.

Другим ключевым словом, относящимся к противодействию глобализации культуры и, как будет показано ниже, языка, является «идентичность»: *культурная, языковая, этническая, национальная, гражданская идентичность*. В русском и других языках возросла продуктивность интернациональных префиксов: *мульти-* (*мультимедиа, мультикультурные сообщества*), *поли-* (*полилингвизм, поликультурная модель*), *транс-* (*трансатлантическая культура*), *анти-* (*антиглобалисты*). Встречаются случаи калькирования американизмов-оказионализмов со значением распространения в мировом масштабе: *macdonaldization – макдональдизация* (повсеместное распространение предприятий быстрого питания на основе американской технологии). М. Кронгауз обратил внимание на то, что за последние годы произошел сдвиг русского этикета в сторону европейского. «Мы стали больше похожи на европейцев и американцев. Новый этикет приветствий уже сложился в корпоративной культуре и постепенно складывается в бытовой» (Кронгауз, 2008, с. 84).

Расширение процессов глобализации в разных сферах человеческой деятельности влечет за собой появление все новых и новых словосочетаний. В силу общечеловеческого характера процессов глобализации эти словосочетания в разных языках отличаются

однотипностью. Например, *глобализация экономики, культуры, насилия, терроризма* – фр. *mondialisation de l'économie, de la culture, de la violence, du terrorisme*. По той же причине однотипностью характеризуются и метафорические словосочетания: англ. *wave of global mergers and acquisitions* – *волна глобальных слияний и поглощений*. Возникают словосочетания, вербализующие различные стороны процессов глобализации, например их императивный, не зависящий от воли людей, характер: *The imperative of globalization*.

В плане синтагматики и парадигматики лексемы, вербализующие концепт «глобализация», характеризуются наращиванием синтаксического потенциала, вариативности и комбинаторики, активным употреблением в качестве опорных слов словосочетаний, тенденцией к образованию устойчивых словосочетаний и нередко к терминологизации в специальных сферах использования языка, в первую очередь в экономике и в информатике.

В плане парадигматики образуются ассоциативные связи, лексемы вступают в синонимические (*globalization* – *internationalization*, *глобализация* – *интернационализация*) и в антонимические отношения (*antiglobalism*, *antiglobalization*, *antiglobalist*, *antiglobalizator*). Наблюдается расширение деривационных возможностей: *глобализированное общество*; *globalism* (доктрина, цель которой – объединить все страны в одно мировое сообщество), *globalist* (сторонник этой доктрины). Вошел в употребление глагол *to globalize*. Например: «*September 11 convinced the UK that the defense of aviation against terrorism must be globalized as never before*». В русском языке стал употребляться глагол с той же основой, но с русским суффиксом: *глобализировать*. Встречается употребление этого глагола и с возвратным значением: *глобализироваться*: «*Экологические проблемы глобализируются*».

Англизация и Интернет – движущие факторы языковой интеграции

Термин «англизация» – ассимиляция английского языка и культуры – стал употребляться в более широком смысле – как движущий фактор языковой глобализации. Некоторые авторы (А.В. Кирилина) ограничиваются только этим фактором, но, очевидно, следует также учитывать влияние интеграционных процес-

сов в экономике и культуре. Англизация осуществляется путем распространения, а иногда и насаждения англо-американской культуры и образа жизни, использования английского языка в качестве международного средства коммуникации, прежде всего в Интернете. В первом случае можно говорить о культурно-языковой англизации, во втором – об информационной. Воздействие английского языка в качестве фактора лингвистической глобализации столь значительно, что даже появилось противопоставление: английский – неанглийские языки. «Языковой империализм», по выражению Филлипсона, осуществляется путем активного вхождения англицизмов в другие языки (Phillipson, 2004).

Существует обширная литература об англоязычных заимствованиях в европейских языках. Отметим такое любопытное явление, как образование в русском языке, являющемся флективным, слов в соответствии с деривационными моделями аналитического английского языка: *топ-менеджер*, *топ-модель*, *хит-парад*, *ток-шоу* и др.

В Евросоюзе английский язык является прежде всего средством делового, межнационального и стандартизированного общения. Несмотря на то что Евросоюз стимулирует развитие культурного и языкового разнообразия и равноправия, по данным статистической службы Европейского союза (Евростат), английский язык является самым популярным. Речь идет об английском языке как иностранном. По данным Евростата, половина жителей ЕС утверждают, что владеют английским языком на уровне, достаточном для коммуникации. Позиция английского языка как современного *lingua franca* все более усиливается.

Становление всемирного информационного пространства привело к появлению нового социолекта пользователей информационных сетей. Отличительными особенностями этого социолекта являются редуцирование высказываний, использование сокращений, эллипсисов, разговорной и даже вульгарной лексики, англицизмов, появление эмодиконов (сочетание пунктуационных знаков для обозначения эмоций). Имеет место переход средств языковой компрессии из Интернета в тексты СМИ.

Идентичность

В лингвистической литературе встречаются разные обозначения противопоставления языковой глобализации и идентично-

сти: глобализация vs этнизация, взаимопонимание vs идентичность, монолингвизм vs мультилингвизм, мультилингвизм vs плюралингвизм (использование нескольких языков одним лицом), английский язык vs. неанглийские языки.

Глобализация – противоречивый процесс, в котором действуют центростремительные и центробежные силы. Применительно к культуре и к языку, поскольку они тесно между собой связаны, – это, с одной стороны, процессы интеграции, а с другой – стремление к идентичности, сохранению своей самобытности. В качестве факторов, противостоящих языковой интеграции на основе английского языка, выступают регионализация и языковая политика.

В настоящее время процессы регионализации приобретают особую актуальность как важная не только экономическая, но и культурная и языковая составляющая европейской интеграции. Под регионализацией понимают различного рода объединения государств, основанные на экономических, геополитических, культурных интересах. В качестве примера можно привести Европейский союз, НАТО, Большую семерку, Большую двадцатку, ОПЕК, СНГ, Евразийский экономический союз. Интеграция может быть и языковой. Примером является франкофония – объединение франкоязычных стран. Эта организация возникла на пространстве бывшей колониальной империи Франции. Стержнем региональной интеграции выступает, как правило, государство – лидер в соответствующей области. В случае франкофонии такой страной является Франция. Цель франкофонии – распространение французского языка с целью усиления экономического и культурного влияния Франции. В.М. Алпатов относит подобную практику к «средствам так называемой мягкой силы» (Алпатов, 2014, с. 15).

По вопросу региональной интеграции в мировом геополитическом, экономическом, военном, культурном и лингвистическом пространстве существуют два противоположных мнения: регионализация – составная часть глобализации; регионализация – альтернатива глобализации. Мы склоняемся в пользу второй точки зрения.

Проблема языковой идентичности в рамках Европейского союза

Единая Европа объединяет в настоящее время 28 государств, говорящих на языках одних и тех же и разных языковых групп и

даже семей (финно-угорская). Языковая политика ЕС основана на лозунге: «Единство в многообразии». Эту политику можно сформулировать следующим образом: родной язык и два иностранных других членов этой организации. В докладе Европейской комиссии – органа исполнительной власти ЕС – указывается, что языки занимают центральное место в европейском проекте, они отображают разные культуры и вместе с тем являются ключом к пониманию этих культур. ЕС придает важное значение изучению иностранных языков в качестве движущей силы интеграционных процессов на европейском культурном пространстве. Принята Европейская хартия плюрализма, в которой указано, что плюрализм противопоставляется глобализации, поскольку она опирается на монолингвизм (подразумевается господство одного языка). Таким образом, плюрализм призван сохранить языковую идентичность стран – членов ЕС. Декларируется, что цель языковой политики ЕС – сохранение языкового разнообразия и благоприятствование овладению гражданами ЕС иностранными языками. На встречах высшего уровня, в том числе на сессиях Совета ЕС и Европейского парламента, осуществляется синхронный перевод на все официальные языки. Все решения, принимаемые органами ЕС, переводятся на все официальные языки этой организации, и граждане ЕС вправе обращаться в ее органы и получать ответы на своем родном языке.

В то же время мультилингвизм Европейского союза порождает в практическом плане целый ряд лингвоюридических проблем, связанных с дифференциацией статуса языков его членов: официальный язык ЕС, рабочий язык ЕС, государственный язык, региональные языки и языки национальных меньшинств. Известно, что Франция стремилась ввести французский язык в качестве единственного рабочего языка ЕС. В начале 1970-х годов она дважды налагала вето на вступление Великобритании в ЕС, руководствуясь прозорливо не только экономическими, но и лингвистическими соображениями. Можно предположить, что удельный вес английского языка в качестве основного языка коммуникации в структурах ЕС уменьшится в результате выхода Великобритании из этой организации.

Главный вопрос языковой ситуации в единой Европе заключается в следующем: сохранится ли существующее многоязычие (полифония), будут ли возникать региональные языки либо сложится английское двуязычие. Немецкий лингвист У. Аммон разработал статусную иерархию европейских языков, представленную

тремя позициями: 1) английский язык, 2) французский и 3) итальянский и испанский (Ammon, 2006). «Триязычие» создает определенную напряженность в языковом плане между небольшими странами – членами ЕС и его ведущими представителями. Эта напряженность обусловлена тревогой за свой язык и культуру.

Наблюдаются интеграционные процессы в рамках рабочих языков Европейского союза. Сказанное можно проиллюстрировать на примере экономического операционного концепта «регулирование». Появление понятия «качественное управление европейских институтов высшего уровня» привело к расширению характеристик управления, и как следствие – к появлению нового средства вербализации этого понятия – *governance*. В «Белой книге качественного европейского управления» Европейской комиссии дается следующее определение этого понятия: правила, процессы и действия исполнения власти на общеевропейском уровне, основанные на принципах открытости, совместного участия, ответственности, эффективности и когерентности. Эти принципы получили название *good governance*. Таким образом, мы являемся свидетелями образования сложного понятия, характеризующего управление. Поливалентное значение термина *governance* привело к вытеснению его одновалентного синонима *government*. Между ними образовались отношения гипер-гипонимического типа. Расширяется синтагматика *governance* – появились словосочетания: *European governance, world governance*.

Термин *governance* приобрел расширительное значение и стал употребляться применительно к другим объектам регулирования: фирмам, компаниям, банкам, предприятиям и др. По определению политолога Родерика Родеса, понятие *governance* используется по крайней мере в шести различных значениях: управление на государственном уровне, предприятием, государственное управление нового типа, качественное управление, управление социокИБернетическими системами и само-настраивающимися сетями (Rhodes, 1996, p. 652).

Под социокИБернетическими системами имеется в виду *IT governance*. Это терминологическое понятие означает структуру отношений и процессов, являющихся частью процесса управления предприятием с помощью информационных технологий. Языковая интеграция на европейском уровне обуславливает быстрое заимствование не только англоязычного неологизма, но и его значений. По модели англ. *governance* появился французский эквивалент

gouvernance, употребляющийся в тех же самых значениях, а также калькированные словосочетания *gouvernance européenne*, *gouvernance mondiale*. Понятие *governance* приобрело расширительное значение и используется не только в экономике, но и в социально-политических науках. Международная ассоциация политических наук издает специальный журнал «Governance».

Языковой антиглобализм

Основным средством языкового антиглобализма является языковая политика, проводимая с разным успехом в различных странах. Основная цель языковой политики в условиях глобализации – сохранение языковой идентичности, фактически защита от чрезмерного проникновения англоязычных заимствований.

Несмотря на то что Евросоюз стимулирует развитие культурного и языкового разнообразия и равноправия, по данным статистической службы Европейского союза (Евростат), английский язык является самым популярным. Речь идет об английском языке как иностранном. По данным Евростата, половина жителей ЕС утверждают, что владеют иностранным языком на уровне, достаточном для коммуникации.

Наиболее последовательно и эффективно языковая политика проводится во Франции. Она проводится официально на правительственном уровне и имеет целью франсизацию – замену англоязычных заимствований, в том числе терминологических, их французскими эквивалентами. Первые попытки в этом направлении были предприняты еще в 1960-е годы. В обязанности филиалов американских фирм входили перевод англо-американской терминологии на французский язык и использование французских эквивалентов в качестве приоритетных. В начале 1970-х годов были образованы 15 министерских терминологических комиссий, которые разрабатывали официальные рекомендации по замене англоязычных терминов разных наук. Генеральная делегация по вопросам французского языка и языков Франции (Délégation générale à la langue française et aux langues de France – DGLFLF) совместно с Генеральной комиссией по терминологии и неологии (Commission générale de terminologie et de néologie) рекомендует франкоязычные эквиваленты вместо многих англоязычных лексических единиц.

Эти рекомендации публикуются в официальном бюллетене законодательства Франции *Journal officiel de la République française*.

В частности, для обозначения всемирной компьютерной сети можно использовать ряд лексем, среди которых франкоязычная *Toile* и англоязычная *Internet*. Поскольку обе лексемы сосуществуют и употребляются во французском языке, англицизм не является необходимым, его использование обусловлено более широким распространением. Термин «глобализация» стал интернациональным. Между тем французский язык предпочитает употреблять исконно французский термин *mondialisation* и его производные.

На национальном уровне проводится языковая политика в Италии. В стране существует ассоциация совершенствования языка госструктур (*Rete per l'eccellenza dell'italiano istituzionale*). Целями ассоциации являются обеспечение качественной коммуникации на национальном языке, пропаганда языковой культуры.

Языковая политика Франции могла бы служить образцом для России в связи с массовым проникновением англицизмов во многие сферы употребления языка. Нельзя не согласиться с В.Д. Ившиным в том, что «забота о культуре речи и чистоте русского языка... вопрос международного характера, поскольку русский язык уже более 60 лет существует как официально признанный международный, рабочий язык ООН... Поэтому международный престиж русского языка – это дело огромного общественно-политического значения» (Ившин, 2009, с. 26–27).

Языковая политика включает также такое понятие, как полилингвизм, статус языка национальных меньшинств, проживающих в данной стране. Проведение языковой политики требует взвешенности и гибкости, поскольку она затрагивает чувства самосознания целых языковых коллективов. Непродуманная, бескомпромиссная, даже агрессивная языковая политика может привести не только к социальной, но и к военной конфронтации. Примером может служить насильственная украинизация без учета того, что русский язык широко употребляется в различных сферах общения.

Языковые заимствования в аспекте языковой картины мира

Англоязычные заимствования-неологизмы привлекают внимание современных исследователей в связи с тем, что в них находят отражение многие процессы глобализации, социального развития и

научно-технического прогресса общества. В лингвистической литературе появление неологизмов иногда связывают с потребностью в обозначении новых понятий. Однако неологизм не вербализует новое понятие. Понятие – это прежде всего феномен психологии и логики. К тому же обобщающая природа понятий, *отражающих существенные, общие свойства, связи и отношения предметов и явлений*, противоречит конкретизирующим свойствам неологизмов. Неологизм вербализует не понятие, а денотат либо его признак.

Под денотатом понимается предмет (в широком смысле), именуемый языковой единицей в соответствии с ее значением. Чаще всего когнитивной основой образования заимствования-неологизма является номинация признаков денотата, еще не вербализованных в заимствующем языке. Например, денотат *travail* «*работа*» имеет следующие признаки: легкая / тяжелая, приятная / неприятная, постоянная / временная и др. Первые два признака вербализуются словами *corvée, labeur, peine*. Во французском языке не было специального слова, вербализующего признак «постоянная / временная работа», это и явилось когнитивным основанием заимствования англ. *job* в значении «временная работа, подработка». Во французском языке в Канаде в этом значении употребляется *jobine*. Причиной заимствования может быть языковая экономия: *лоукостер* (англ. *low-cost carrier*), русский эквивалент – целая фраза: *компания, предлагающая дешевые авиаперелеты без предоставления традиционного сервиса*.

С точки зрения когнитивной лингвистики языковая картина мира национально обусловлена и непосредственно отражает особенности лексико-семантической и грамматической систем конкретного языка.

Встречающееся в лингвистической литературе мнение о возможности заимствования концепта представляется весьма спорным. Концепт, являясь единицей высокой степени абстракции, характеризуется национально-культурной спецификой и имеет ассоциативные связи, принадлежащие сфере вербализации концепта. Слова отражают признаки концепта в языковой форме и позволяют описать его содержание.

Таким образом, вследствие того, что слово и концепт являются единицами из разных областей (связанными ассоциативными связями), заимствование лексической единицы, т.е. образование неологизма на иноязычной основе в заимствующем языке, не следует отождествлять с заимствованием концепта чужой культуры.

Концепт не может заимствоваться в силу того, что он представляет собой внутренне упорядоченную, многослойную структуру, включающую в свой состав этнокультурный компонент и связанные с ним ассоциации, реализуемые не только лексическими, но и фразеологическими единицами. Это можно подтвердить и тем, что значение многих заимствованных слов в большей или меньшей степени отлично от значения их иноязычных прототипов.

Ряд современных ученых, например Т.Б. Новикова (Новикова, 2005), говорят о том, что зачастую заимствования являются средством заполнения концептуальных лакун, но, как справедливо отмечал В.А. Виноградов, данное положение является сомнительным. Он указывал, что «кажется сильным преувеличением рассмотрение любого лексического заимствования как вторжения в языковую картину мира языка-реципиента, что якобы приводит к изменению мировидения его носителей». «Еще более спорным представляется положение о том, что в процессе заимствования осуществляется заполнение концептуальных лакун в воспринимаемом языке и что содержанием этого процесса является заимствование иноязычных (и инокультурных) концептов» (Виноградов, 2010, с. 32).

Тем не менее с Т.Б. Новиковой можно согласиться при условии, если под лакуной понимать не концепт, а отсутствие обозначения признака, каких-либо сторон денотата. Например, до появления заимствования *baby-clash* во французском языке не было специальной лексической единицы для обозначения распада брачного союза вследствие рождения ребенка, т.е. возникновение англицизма повлекло за собой расширение семантического пространства носителей французского языка. В связи с этим мы не можем согласиться с утверждением Л.С. Абросимовой о том, что «новые лексические единицы играют существенную роль в формировании и изменении языковой картины мира» (Абросимова, 2011, с. 108). Ряд исследователей предупреждают, что не следует гиперболизировать роль отдельного слова в языковой картине мира как цельного образования. «Отдельное слово, – писал Ю. Н. Караулов, – с точки зрения положения его в иерархии аналогично “элементарному объекту” и поэтому, как и атом, «неразложимо на том уровне, где складывается «картина мира» (Караулов, 2010, с. 268).

Семантическое пространство носителей языка при заимствовании нередко расширяется, особенно когда заимствованное слово пополняет это пространство новым денотатом или чаще всего ка-

ким-либо его признаком, но не следует сводить воедино концепт и понятие. Под лексическим семантическим пространством мы понимаем совокупность значений, передаваемых лексическими знаками данного языка. Семантическое пространство представляет собой не номенклатуру значений, а их сложную систему, связанную парадигматическими отношениями разного рода, включая центральные и периферийные. Семантическое пространство характеризуется этносемантической спецификой и в этом отношении сближается с понятием внутренней формы языка В. Гумбольдта. Лексическое семантическое пространство не следует отождествлять с языковой картиной мира, реализуемой языковыми единицами всех уровней, являющимся более широким и абстрактным понятием и предполагающим когнитивный подход.

Как отмечает В.А. Маслова, в современной науке термины «концепт» и «понятие» стали достаточно четко дифференцировать, так как они «хотя и однопорядковые, но не равнозначные понятия» (Маслова, 2011, с. 32). Понятие – это совокупность познанных существенных признаков объекта. Концепт – это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте. В сравнении со структурой концепта структура понятия более проста, поскольку в ней присутствуют не все компоненты, представленные в структуре концепта. Понятие включает существенные и необходимые признаки, а концепт – как существенные, так и несущественные. Таким образом, при переводе лексической единицы с одного языка на другой можно найти в разных языках схожие понятия для передачи того или иного предмета или явления действительности. Но это не значит, что концепты двух разных языков (и культур) будут при этом совпадать, так как концепт – это единица ментального уровня. То же самое происходит и при заимствованиях. Заимствование концепта не представляется возможным, так как оно должно сопровождаться заимствованием элементов языковой картины мира.

Следовательно, результатом заимствования многих денотатов и их признаков является расширение, обогащение концептуальной картины мира. С когнитивной точки зрения процесс заимствования можно рассматривать как потребность заполнения гипонимических лакун. Неологическая номинация имеет в силу своей природы гипонимическую направленность, что свидетельствует об открытости, незамкнутости лексико-семантической систе-

мы языка. «Как правило, при заимствовании, – пишет М. Кронгауз, – почти всегда можно говорить о стилистическом или пусть не-большом смысловом сдвиге» (Кронгауз, 2008, с. 135). Ошибочно, на наш взгляд, представление о том, что в результате интеграционных процессов «происходит наложение вторичной картины мира неродного, воспринимаемого языка, на первичную картину мира родного языка и культуры» (Березовская, Кирьянова, 2009, с. 145). Некоторые авторы еще больше преувеличивают: «Под влиянием вторичной картины мира происходит переформирование личности» (Тер-Минасова, 2000, с. 111). Применительно же к языковой картине мира целесообразно говорить о ее дифференциации. Таким образом, встречающиеся в лингвистической литературе утверждения об изменении языковой картины мира под влиянием заимствований можно объяснить еще и тем, что их авторы не уделяют достаточного внимания различиям концептуальной и языковой картин мира.

С 70-х годов XX в. вопросы экономической и культурной интеграции разных народов и стран становятся все более актуальными. Можно утверждать, что на сегодняшний день глобализация является одним из главных факторов и движущих сил развития мирового сообщества. Проблемы глобализации, в том числе и лингвистической, относятся к числу злободневных и острых в современном мире, поскольку носят общечеловеческий характер и имеют планетарные масштабы проявления. Поэтому их исследование имеет важное теоретическое и практическое значение. Об актуальности всестороннего изучения процессов глобализации свидетельствует, в частности, создание и функционирование в одном из самых престижных университетов США – Йельском – центров исследований проблем глобализации и прикладных лингвистических исследований. В Институте языкознания РАН в 2014 г. состоялась международная научная конференция на тему «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире», организованная Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям, в которой приняли участие 113 ученых из 19 стран.

Список литературы

Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // *Вопр. когнитивной лингвистики.* – М., 2011. – № 1. – С. 106–110.

- Алпатов В.М.* Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф.: Доклады и сообщения. – М., 2014. – С. 11–34.
- Балли Ш.* Французская стилистика / Пер. с фр. – М., 1961. – 394 с.
- Березовская О.М., Кирьянова Л.Г.* Тенденции этноязыковых процессов в условиях глобализации современного общества // Изв. Том. политехн. ун-та. Экономика, философия, социология и культурология. – Томск, 2009. – Т. 315, № 6. – С. 144–148.
- Виноградов В.А.* Концепты и языковые заимствования // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. – Тамбов, 2010. – С. 31–33.
- Ившин В.Д.* К вопросу о заимствованиях в русском языке // Человек в зеркале языка: Сб. статей. – М., 2009. – Кн. 4. – С. 19–29.
- Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М., 2010. – 356 с.
- Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2008. – 145 с.
- Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие для филологов. – М., 2011. – 296 с.
- Новикова Т.Б.* Заимствование лингвокультурных концептов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 21 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 262 с.
- Ammon U.* Language conflicts in the European Union: On finding a political and practicable solution for UE institutions that satisfies diverging interests // Intern. j. of applied linguistics. – 2006. – Vol. 16, Iss. 3. – P. 319–338.
- Meillet A.* Les langues dans l'Europe nouvelle. – P., 1918. – 340 p.
- Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. – P., 1926. – Т. 1. – 351 p.
- Phillipson R.* Linguistic imperialism. – Oxford, 1992. – 367 p.
- Rodes R.* The new governance: Governing without government // Polit. studies. – 1996. – Vol. 44, Iss. 4. – P. 652–667.

Г.М. Вишневская

ЯЗЫКОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И БИЛИНГВИЗМ: STATUS QUO

Аннотация. В настоящей статье обсуждаются вопросы языковой глобализации и билингвизма в русле ситуации единого мирового коммуникативного пространства XXI в. Основное внимание уделено лингвистическому и социолингвистическому аспектам языковой глобализации, связанной с приобретением английским языком статуса *lingua franca*. Рассматриваются вопросы лексической и фонетической интерференции.

Понятие *глобализации* широко используется сегодня для обозначения всеобщих тенденций развития современного планетарного социума, проявляющихся в тесном взаимодействии и сближении стран и народов в областях международной политики, экономики, культуры, науки, искусства, спорта. Современный мир характеризуется мощной динамикой изменений во всех сферах жизни благодаря внедрению новейших информационно-коммуникационных технологий, распространению Интернета и появлению множества новых видов социальной коммуникации, а также средств массовой коммуникации (СМК) и средств массовой информации (СМИ). Глобализация оказалась главнейшим стимулирующим фактором интенсивного смешения национальностей, культур и языков. В условиях глобализации языковые контакты двух или более языков в едином или смежном языковом пространстве расширяются и углубляются, вызывая вариативность языковых единиц на фонетическом, лексическом, семантическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом и дискурсивном уровнях и оказывая влияние на структуру, словарь и функционирование одного языка или ряда языков.

Языковая глобализация стала неотъемлемой частью интернационализации современного общества. Она представляет собой процесс активного взаимопроникновения языков в условиях доминирования одного из языков в качестве мирового. Появление и развитие открытого всеобщего информационно-коммуникативного пространства создало условия для интенсивного распространения билингвизма и полилингвизма в большинстве стран мира. Идея глобализации неразрывно связана с понятием единого языка, объединяющего население земного шара. В настоящее время такую объединяющую роль играет английский язык, уверенно лидирующий как *lingua franca*, как средство межэтнического общения (Kachru, 1985; Crystal, 2003; Richler, 2007; Jenkins 2015). Большинство работ известного британского лингвиста Давида Кристала (Crystal, 2003, 2010) посвящено описанию английского языка как «глобального языка» (термин самого Кристала), выполняющего ряд важнейших коммуникативных функций: функцию основного государственного языка для жителей большого количества стран; функцию официального языка, распространенного в институтах власти, юридической системе, рекламе, СМИ, а также в системе образования, функцию приоритетности при выборе иностранного языка для изучения. По мнению Д. Кристала, устойчивое экономическое, политическое и военное положение государства способствует созданию условий для признания языка страны глобальным, с точки зрения его функционирования в мировом сообществе. Указанным требованиям вполне соответствует на сегодняшний день английский язык. Влияние английского языка на многие языки мира, в том числе на современный русский язык, отмечается в ряде современных лингвистических исследований (Аммар, 2005; Ушаков, 2009; Тарасова, 2009).

В настоящее время в жизни мирового сообщества во всех сферах (политической, экономической, культурной, языковой) наблюдаются мощнейшие преобразования. Индикатором происходящих в обществе перемен являются средства массовой информации: телевидение, радио, кино, периодические издания. В глобализующемся социуме наблюдается ориентация либо на западный образ жизни, либо на ассимиляцию с американской культурной моделью, либо на особый тип мироощущения – космополитизм. Английский язык становится международным в науке, в бизнесе, в дипломатии и активно используется во всех видах СМК и СМИ. В сфере компьютерных технологий и интернет-пользовании ан-

лийский выступает уже как универсальное средство общения. Важнейшим фактором столь быстрого распространения английского языка является и то, что в Азии, Африке и Европе непрерывно увеличивается число людей, использующих английский язык как для профессионального, так и для повседневного общения в ситуациях межкультурного взаимодействия. Следует отметить также функционирование глобального языка, не являющегося родным для говорящих, в виде множества его ненативных коммуникативных вариантов – английского как второго языка (ESL), английского как иностранного языка (EFL), английского как лингва франка (ELF), в противовес английскому как родному, нативному (ENL). Число ненативных носителей английского языка, использующих его на сегодняшний день в ежедневном общении, в межкультурной коммуникации, значительно превышает число его нативных носителей (Crystal, 2010). Как известно, Б. Качру разделил мировые варианты английского языка на три концентрических круга (Kachru, 1985).

1. Внутренний круг (*The Inner Circle*) представляет страны, в которых английский является родным языком: США, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Канада, Австралия, Новая Зеландия.

2. Внешний круг (*The Outer Circle*) представляет страны, где английский язык имеет особый статус и используется как второй язык в качестве *lingua franca*: Сингапур, Индия, Малайзия, Филиппины и более 50 других стран.

3. Расширяющийся круг (*The Expanding Circle*) включает страны, в которых английский изучается и используется как иностранный язык: страны Центральной и Восточной Европы, Китай, Япония, Израиль, Греция и мн. др.

На территориях бывших колоний Великобритании (например, Индии, Сингапура, Гонконга, Южной Африки, Нигерии, Кении, Малайзии, стран Карибского бассейна), подвергаясь продолжительному влиянию языков коренного населения, английский язык приобретает ряд специфических черт, отличающих его от национальных вариантов Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. В результате переноса свойств языковых систем коренных языков на языковую систему АЯ (английского языка) зародились качественно новые языковые образования, так называемые *New Englishes* (Kirkpatrick, 2007; Bolton, 2006; Crystal, 2010). Новые варианты английского языка имеют своеобразные

характеристики на всех уровнях языка, служащие средством национальной идентификации говорящего (Казакова, 2017). Кроме термина *New Englishes*, используемого для обозначения развивающихся вариантов английского языка как глобального, часто используется термин *World Englishes* в наиболее общем значении мировых вариантов английского языка. В последнее время вместо термина *World Englishes*, применяемого для обозначения множества территориальных вариантов английского языка второго и третьего круга, стал использоваться термин *Global Englishes*, предложенный Дженнифер Дженкинс (Jenkins, 2015). По мнению ученого, указанный термин более точно определяет расширяющийся круг тех многочисленных вариантов английского языка, на которых говорят ненативные носители в условиях глобальной коммуникации. В лингвистической литературе существуют описания особых типов английского языка, которыми пользуются носители иных языков, – это так называемые «денглиш», «франглиш», «рунглиш / руслиш», «спанглиш», «чанглиш», «джапанглиш», «хинглиш», «синглиш» и др. Так, например, «хинглиш» – хинди-английское двуязычие – представляет собой смешение языков английского и хинди, «рунглиш (или руслиш)» – смешение английского и русского языков и т.д. При смешении английского и русского языков в повседневной речи наблюдается преобразование английских слов или фраз на русский манер при помощи приставок, суффиксов и окончаний, свойственных англоязычной лексике. «Денглиш», немецкий язык, пропитанный англицизмами, так же как и «рунглиш», часто относят к молодежному жаргону.

Приоритетное положение английского языка как *lingua franca* и связанное с ним усиление процессов языкового контактирования и массового распространения билингвизма и мультилингвизма стали предметом пристального внимания лингвистов XXI в. В условиях глобализации межкультурные контакты приводят, с одной стороны, к поиску *единого языка общения*, к возрастанию роли языков международного общения, а с другой – к укреплению *национально-языковой идентичности* (Смоктин, 2011; Казакова, 2017). Современное глобализующееся общество характеризуется тенденцией к расширению коммуникативных возможностей людей в ситуации неизбежности и необходимости тесных межъязыковых и межкультурных контактов. Именно поэтому в период языковой глобализации вопросы билингвизма становятся особенно актуальными. Лингвистическая наука сегодня дает опи-

сание множества типов билингвизма, основанное на различных подходах к его проявлению (собственно лингвистическом, психолингвистическом, психологическом, социологическом, лингводидактическом, когнитивном и др.). Основатель теории языковых контактов У. Вайнрайх (Weinreich, 1953) выделял три основных типа билингвизма – координативный (coordinate), смешанный (compound) и субординативный (subordinate). В лингвистической литературе чаще всего обсуждаются следующие дихотомии билингвизма: естественный и искусственный, массовый и индивидуальный, непосредственный и опосредованный, рецептивный и продуктивный, координативный и субординативный, чистый и смешанный, ранний и поздний, детский и взрослый, активный и пассивный, нарастающий и угасающий, нормативный и ненормативный, сбалансированный и доминантный, симультанный и разновременный, стихийный и естественный, элитарный и бытовой и др. (Вишневецкая, 1997; Beardsmore, 1986; Fabbro, 2013). Многие виды билингвизма достаточно подробно исследованы, однако остается актуальным изучение множества билингвальных ситуаций и комбинаций языковых контактов, вызывающих потребность в научном описании.

В связи с оживлением всех языковых процессов в условиях глобализации контактная лингвистика ставит перед собой задачу изучения и описания новых форм существования языка и множества *языковых преобразований*, вызванных к жизни языковыми контактами. Изменения, обусловленные языковыми контактами, имеют место в истории каждого языка. Развитие языка вне всякого влияния со стороны окружающей среды невозможно, поэтому и не существует так называемых генетически чистых языков, не имеющих примесей, не затронутых каким-либо воздействием. Нет языка монолингвального, поскольку практически каждый современный язык состоит из сплава языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных, языков и диалектов. Несмотря на большое число фундаментальных языковедческих работ, посвященных языковым изменениям, связанным с эволюционными тенденциями глобализующегося современного общества, еще не все вопросы языковой глобализации получили глубокое и полное освещение в лингвистической теории. Английский язык как *lingua franca*, как язык-посредник эпохи глобализации, представляет собой уникальный случай языковой вариативности, обусловленной, прежде всего, территориальными (включая региональные) и соци-

альными факторами. Непрерывное изменение экстралингвистических факторов в современном мире, при которых языки вступают в контакт друг с другом в сложных мультикультурных обстоятельствах, приводит к значительным изменениям внутри самих языков и к возникновению разнообразных гибридных форм контактирующих языков (Russian English, Indian English, Singapore English, French English и др.), имеющих специфические лингвистические характеристики, особенно ярко маркированные в звучащей форме речи на фонетическом уровне.

Постоянное изменение является универсальной характеристикой всех языков мира. Носители языков, постоянно общаясь между собой, закрепляют лингвистические изменения. Язык восприимчив к изменениям в социальной жизни общества, к явлениям научной и технической эволюции, к культурным изменениям. Темпы развития экономики и процессов глобализации в ее сфере вызывают не всегда оправданную замену исконно русских, немецких, французских слов и слов других языков английскими терминами (*маркетинг, лейбл, бренд, шопинг, менеджер, риелтор* и т.д.). Изучение языка, равно как и его преподавание, невозможно без учета фактора вариативности. Любой современный язык – живая, динамическая сущность, проявляющая себя в виде речевых реализаций, характер которых определяется множеством внутренних и внешних факторов.

Язык в трактовке Гумбольдта есть непрерывный творческий процесс, формой его существования является движение. Язык объективен и субъективен: «Язык имеет самостоятельное бытие, и хотя действительную жизнь получает только в употреблении между людьми, но в то же время в существе своем он не зависит от отдельных лиц» (Гумбольдт, 1985, с. 60). Явления языковых изменений пронизывают всю систему языка и ее реализацию в речи. В любом языке постоянно происходят видоизменения частностей при сохранении главного (общего, инвариантного). Согласно теории «языкового дрейфа», предложенной Сепиром, язык движется во времени и пространстве по своему собственному течению; индивидуальные вариации речи движутся в определенном направлении, предопределяемом «дрейфом» языка: «У языкового дрейфа есть свое направление... в нем закрепляются только те индивидуальные вариации, которые движутся в определенном направлении, подобно тому, как только некоторые движения волн в бухте соответствуют приливу и отливу. Дрейф языка осуществляется через

неконтролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределенному направлению» (Сепир, 2001, с. 144).

В связи с тем что гуманитарные науки XXI в. переживают период кризиса и обновления, назрела необходимость изменения их философских и методологических оснований в соответствии с требованиями времени, а также с учетом внедрения новых гуманитарных технологий в их взаимодействии с технологиями естественно-научными и информационными. Ноосфера XXI в. требует глубокого анализа тех форм существования языка и тех языковых преобразований, которые вызваны активными процессами речетворчества в условиях тесных языковых контактов доминирующих языков с другими языками мира.

Во многих отечественных и зарубежных работах лингвистов по истории языка говорится о вариативности и динамизме языковых изменений. Динамическая сущность языка проявляется в определенных законах фонетической, лексической и грамматической вариативности в каждом конкретном языке. Реальные механизмы языковых изменений определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Среди факторов лингвистической вариативности можно выделить следующие: 1) *социолингвистическая вариативность* (условия социального общения); 2) *текстуальная вариативность* (степень лингвистической экспрессии, характер дискурса и способ передачи информации); 3) *стилистическая вариативность* (стиль и жанр общения); 4) *региональная вариативность* (различия и сходства региональных разновидностей языка); 5) *территориальная вариативность* (варианты языка); 6) *гендерная вариативность* (особенности мужской и женской речи, стилей общения); 6) вариативность, вызванная *интерференцией* контактирующих языков (лексическая, грамматическая, фонетическая); 7) вариативность *индивидуальная* и некоторые другие.

Наиболее существенным фактором вариативности в условиях языковой глобализации является собственно языковой контакт, порождающий явления *языковой интерференции*. Все речевое поведение билингва, являющегося активным объектом реализации языкового контакта, маркировано интерференцией. Это явление всесторонне описано в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов (Вайнрайх, 1953; Хауген, 1972; Щерба, 1974; Виноградов, 1990; Rindler, 1983; Kramsch, 2014). Под интерференцией

понимаются случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя и более языками, т.е. вследствие языкового контакта (Вайнрайх, 1979, с. 22). Проблема языкового контакта рассматривалась до появления специальных работ академика Л.В. Щербы главным образом на уровне языка (заимствования, конвергенция, дивергенция и проч.). Между тем двуязычие как живой процесс происходит прежде всего не в языке, а в речи. Именно с работ Л.В. Щербы (Щерба, 1939, 1974) началось изучение двуязычия как контактного процесса, осуществляемого в речевой деятельности билингва. В современной лингвистике существует множество трактовок понятия «интерференция». Чаще всего интерференция понимается как процесс и результат взаимодействия языковых систем в речи билингва, из которых одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия во вторичной, приобретенной языковой системе. Результат взаимодействия контактирующих языковых систем может быть, как полагают лингвисты, как отрицательным, так и положительным.

Известно, что У. Вайнрайх (Вайнрайх, 1979) считал *заимствование* начальной стадией интерференции при билингвизме. Однако, как справедливо отмечает Ж. Багана (Багана, 2008, с. 49), по традиции, идущей от У. Вайнрайха, мы «...предпочитаем считать интерференцией любое изменение в системе языка под воздействием другого языка и, следовательно, включаем сюда и лексические заимствования». Признавая тот факт, что процессы лексического заимствования представляют собой самый распространенный и заметный невооруженным взглядом тип интерференционных явлений, ученый полагает, что «...лексические заимствования, пожалуй, единственный вид интерференции, для которого не является необходимым двуязычие, и в сколько-нибудь значительной степени заимствования быстро распространяются в одноязычном сообществе. Но невозможно не признать, что словарь двуязычных индивидов более подвержен лексическим инновациям, так как одноязычный располагает лишь исконным материалом и теми заимствованиями, которые перешли к нему от предшественников, а двуязычный имеет в своем распоряжении еще один язык. Кроме того, двуязычный более, чем одноязычный, способен принимать иноязычные обозначения новых предметов, ибо знакомство с иной культурой способствует большему осознанию новизны» (там же).

«Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема – синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка

в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» (ЛЭС, 2002, с. 158). Лексические заимствования, как показывают исследования, являются одним из наиболее дискуссионных вопросов языковой глобализации, обсуждаемых в лингвистических работах (Никитин, 2010). Типы лексических заимствований разнообразны. Многочисленны причины, источники и пути проникновения заимствований в иной язык. Заимствование – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего слово или полнозначная морфема). По общему признанию лингвистов, эволюция заимствований в новой языковой системе происходит в соответствии с законами языка-приемника на фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом уровнях. Появление большого числа заимствований из английского языка и других языков мира можно рассматривать как результат интенсивных и экстенсивных контактов в свете мировых глобализационных процессов.

Активизация процесса развития языков на современном этапе происходит в значительной степени именно за счет заимствований, что объясняется рядом причин (Сморозин, 2006): большой приток заимствований вызван бурным ростом достижений науки и техники; универсальный характер современной техники требует более адекватной передачи значения иноязычного термина; более широкое знакомство с иностранными языками, а также поток переводной информации делают обмен между словарями контактирующих языков более интенсивным и более разнообразным по форме. Одним из языковых следствий этого процесса является изменение точки зрения на англицизмы: они воспринимаются, например, в русском языке уже не как «чужое», а как «свое» – не как варваризмы, экзотизмы, а как слова, подлежащие заимствованию и усвоению (Сморозин, 2006). Влияние английского языка на русский в течение последних лет продолжает резко увеличиваться, и активность процесса заимствования англицизмов становится чрезвычайно высокой. Это особенно заметно в языке компьютерных журналов, где заимствованная лексика и вкрапления, по некоторым подсчетам, составляют примерно 30–35% от общего количества используемых слов (там же). Если в начале 90-х годов можно было говорить о проникновении в русскую речь большого числа компьютерных, экономических, финансовых, торговых и др. терминов и терминологических сочетаний из английского языка, то теперь, в

начале XXI в., английские заимствования часто присутствуют и в сленге, и в общественно-политической лексике, и в новой бытовой и терминологической лексике: *байк, кеш, киллер, массмедиа, ноутбук, плеер, принтер, топ-модель, шейпинг, шоп и др.* Характерной особенностью современной речи является и то, что вместе с заимствованными словами возникают и новые понятия, реалии, явления, то новое в жизни русскоязычного общества, требует и нового языка описания. Особый интерес в этом плане представляет язык компьютерной периодики. С одной стороны, английские слова в большинстве своем являются более емкими и удобными в использовании по сравнению с русскими эквивалентами и зачастую позволяют избежать громоздкого описательного перевода, поскольку бывает нелегко найти в русском языке эквиваленты английских заимствований (Сморозин, 2006). С другой стороны, этот факт может быть связан с недостаточным уровнем профессионализма переводчиков либо с нежеланием подобрать эквивалент, поскольку гораздо легче взять уже готовое слово, т.е. произвести транслитерацию, транскрибирование или калькирование. Во многих современных русскоязычных журналах наблюдается частое употребление английских слов и словосочетаний в исконной английской графике.

При анализе билингвизма как явления следует также отдельно выделить рассматриваемое в социалингвистике параллельно понятие *диглоссии*, под которой Ч. Фергюсон понимает использование говорящими двух или более разновидностей одного языка (Ferguson, 1959). Параллельно с билингвизмом и диглоссией отмечается и важное понятие *переключения кода* (Blom, Gumperz, 1972), характеризующее ситуацию использования нескольких языков или субкодов одним социальным субъектом (человеком или группой лиц в контексте социального взаимодействия). Отличие от диглоссии заключается в том, что диглоссия характерна для разных сфер коммуникации, тогда как переключение кода – лишь для одной. Переключение кода максимально отделено от дискурса, тогда как заимствование является полноценным его компонентом. Переключение кода спонтанно, тогда как заимствование может быть прослежено диахронически. Смешение кодов достаточно близко по своей специфике к переключению и встречается, когда компоненты разных языков употребляются вместе (Швейцер, 2008; Бондалетов, 2011). Явления переключения и смешения кодов –

ситуативные и речевые, однако они могут становиться базой для последующих заимствований. К. Шридхар выделяет пять отличий смешения кодов от заимствований (Stridhar, 1992).

1. Заимствования редко являются полноценными фразами, это чаще отдельные лексемы. Смешение кодов задействует все уровни языка.

2. Заимствования проявляются и в речи монолингвов, тогда как смешение кодов – явление, характерное только для билингвов.

3. Выражения, подверженные заимствованию, обычно не имеют эквивалентов в заимствующем языке, тогда как для смешения кодов характерна ситуация дублирования.

4. Заимствования представляют собой ограниченный набор выражений, тогда как смешение кодов вовлекает весь набор средств языка.

5. Наибольшее число заимствований – существительные, тогда как смешение кодов вовлекает все части речи.

Рассмотрим далее еще один аспект языкового взаимодействия, более всего подверженный интерференции при языковом контакте, а именно *фонетический аспект речи*. В известном труде У. Вайнрайха (Weinreich, 1953) наиболее подробно описаны именно явления *фонетической интерференции*. При языковом контакте отрицательное воздействие фонетической интерференции наиболее существенно, поскольку отклонение от произносительной нормы в речи коммуниканта значительно снижает результативность процесса коммуникации. Феномен фонетической интерференции У. Вайнрайх объясняет следующим образом: «Использование одинаковых фонетических особенностей в обоих языках – это эффективный способ облегчить себе бремя лингвистических структур. <...> На самом деле, говорящему необходим относительно высокий уровень культурного опыта в обоих языках, чтобы овладеть всем структурным разнообразием специфических субфонетических особенностей в каждом языке» (Weinreich, 1953, p. 24).

Изучение фонетической интерференции особенно важно с точки зрения ее коммуникативного эффекта (Вишневская, 2011). Произносительная сторона речевой коммуникации (в частности, акустические параметры голосового тона, темпа говорения, тембра) выполняет ведущую роль в формировании суждения о личности собеседника. Носитель языка обнаруживает принадлежность билингва к другой языковой общности прежде всего по характеру его произношения, т.е. особой фонетической окрашенности речи,

вызванной интерферирующим влиянием фонетики родного языка говорящего. Комбинация фонетических характеристик речи, отражающая языковую, территориальную либо социальную принадлежность говорящего, создает произносительную картину речи, именуемую акцентом. *Иноязычный акцент* в речи билингва, являясь следствием интерференции, ярко маркирует его речевое поведение. Акцент как речевая характеристика говорящего является важнейшим показателем идентификации личности говорящего в процессе речевой коммуникации. Первоначально термин «акцент» (лат. *accentus* – ударение) связывали с выделением отдельных элементов в потоке речи (гласных звуков, слогов, слов, частей фраз) голосом. В современной лингвистике термин «акцент» используется не только применительно к ударению в слове или во фразе, но и для описания особого характера произношения говорящего, не владеющего общепринятой произносительной нормой данного языка. Ранее для характеристики отличительных фонетических особенностей речи человека использовались слова «гóвор», «говóря», «выговор». Существующий ныне термин «иноязычный акцент», как правило, связывают с особенностями произношения говорящего на чужом языке. Изучение особенностей произношения индивида вполне может стать предметом изучения отдельного раздела науки, который можно назвать «детективной лингвистикой». Фонетика звучащей речи содержит большой объем информации о говорящем, которую носитель данного языка может легко «расшифровать», поскольку он обладает естественным даром «туземца» – речевым слухом, воспитанным в культуре данного языка (Вишневецкая, 2011). Носитель языка моментально фиксирует слухом и опознает «чужое качество» в речи говорящего. В этом проявляются уникальные свойства речевого слуха человека, воспитанного на слуховом опыте родного языка. Именно благодаря речевому слуху можно составить фонетический портрет человека, в котором отражены индивидуальные, социальные, территориальные, классовые, национальные характеристики его речевой культуры. Произносительный акцент является сложным речевым феноменом. Отклонения от произносительной нормы в неродной речи говорящего, с одной стороны, обладают определенной спецификой, отражающей языковую (национальную, социальную, территориальную) принадлежность человека, говорящего с акцентом. Но акцентная речь одновременно маркирована и общими признаками, характерными для любого человека, говорящего на не-

родном языке и не владеющего им в совершенстве вследствие отсутствия автоматизированных навыков говорения, в силу определенного психологического барьера при переходе на неродной язык в речевом общении и по ряду других причин, пока еще недостаточно изученных. Как общие, так и специфические признаки нарушения произносительной нормы в речи билингва на приобретенном языке составляют в восприятии и языковом сознании носителя языка общую картину акцентной речи. Эти наблюдения получены на материале богатого опыта преподавания иностранного языка в разноязычных аудиториях. Отклонения в произношении отмечаются как на сегментном (звуковом), так и на сверхсегментном (просодическом) уровнях звучащей речи. Случаи языковых нарушений на грамматическом и лексическом уровнях иногда относят к понятию «контаминация речи». Акцент в речи билингва проявляется в комплексе основных и сопутствующих признаков нарушения произносительной нормы как общего, так и специфического свойства (Вишневская, 2011). Нельзя не заметить, что отклонения от кодифицированной нормы наблюдаются и в речи носителей языка, характеризующейся так называемым местным акцентом, они также могут иметь системный и устойчивый характер. Некоторые отклонения от нормы в речи носителей языка могут свидетельствовать о степени речевой культуры человека. Многие речевые нарушения носят случайный характер. Они могут быть обусловлены ситуацией общения, общим эмоциональным состоянием говорящего, его отношением к собеседнику, а также индивидуальными свойствами речи. Отклонения от нормы наблюдаются и в детской речи на родном языке, особенно в начальный период формирования и становления языковых норм. Однако, по справедливому мнению В.А. Виноградова, «как далеко от литературной нормы ни отклонялась бы речь ребенка, она не становится для нас акцентной» (Виноградов, 1976, с. 14). Отклонения от кодифицированной нормы представлены в речи билингва в наиболее концентрированном виде на начальной стадии усвоения неродного языка. «Чужое качество» речи ассоциируется в сознании носителя языка при восприятии такой речи с «не нормой», составляющей определенную модель акцента: «русский акцент», «английский акцент», «немецкий акцент», «прибалтийский акцент», «кавказский акцент» и т.д. Акцент – категория динамическая. Речь билингва проходит несколько стадий развития в процессе усвоения им неродного языка по шкале – от сильного акцента до едва заметного

(Вишневская, 2011). Ситуация двуязычия характеризуется различной «степенью свободы» говорящего в использовании неродного языка как средства общения. В задачи лингвистического описания иноязычного акцента входит установление и описание комплекса признаков, составляющих специфику звучания конкретного типа акцента, а также степени проявления акцента, т.е. его места на шкале акцентной речи. В ситуации двуязычия формирование фонетической стороны речи билингва происходит не только на уровне речепроизводства. Качество звучания на неродном языке зависит и от адекватности восприятия билингвом особенностей произношения неродного языка. Идея наличия у говорящего «фонологического сита» родного языка, через которое он пропускает звуки чужого языка, рассматривалась в трудах Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, Н.С. Трубецкого. Ученые полагали, что фонетические представления родной речи «мешают» адекватному восприятию чужой фонетики и порождают на уровне производства речи явления иноязычного акцента в произношении. Речевая коммуникация – двусторонний процесс, предполагающий не только говорение, но и слушание. Развитие разговора между коммуникантами зависит от степени взаимопонимания между ними, от их способности адекватно воспринимать сообщения. В условиях интерференции речевая активность билингва обычно значительно снижена по сравнению с естественными условиями общения на родном языке и характеризуется замедленностью действия механизмов восприятия и порождения речи. Внимание билингва в процессе речевого общения с носителем языка больше направлено на языковую форму речи собеседника, на поиск прямого смысла высказывания, нежели на его скрытый смысл, зависящий от ситуации общения, отношения собеседника к партнеру по коммуникации и других экстралингвистических факторов. Адекватная реакция билингва на речь носителя языка является необходимым условием активного двустороннего контакта в процессе общения. Прогнозирование как механизм речевого действия недостаточно сформировано у билингва, оно функционирует замедленно и не дает того преимущества, которое обеспечивает прогнозирование в норме: точности и быстроты совершаемого действия. Вместе с тем неспособность оценить лингвистическую ситуацию приводит к снижению возможности воспринять индивидуальное своеобразие речи, оценить ее выразительность и силу воздействия. Хорошее владение иностранным языком только на уровне продуцирования речи

не обеспечивает готовности билингва к участию в речевом общении. Отсутствие навыка восприятия беглой иноязычной речи билингом заводит его общение с носителем языка в тупик и, соответственно, создает отрицательный коммуникативный эффект.

Социальная значимость акцента в речи говорящего неслучайно все больше привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. Пока еще феномен акцентной речи недостаточно изучен с точки зрения его коммуникативной значимости. Изучение воздействия «чужого качества» речи на партнера по общению является одной из важнейших проблем межкультурной коммуникации. Чаще всего акцент оценивается носителем языка отрицательно, поскольку восприятие речи билингва, насыщенной «помехами» (акцентными ошибками, отклонениями от нормы), затруднено и приводит к снижению заинтересованности носителя языка в акте общения. Не случайно С.И. Бернштейн рассматривал неприятие иноязычного акцента как неосознанную форму «протеста против принуждения к непродуктивной затрате умственной энергии» (Бернштейн, 1975, с. 18). С другой стороны, известны и случаи положительного воздействия иноязычного акцента на носителя языка, когда небольшие отклонения от нормы в речи билингва не затрудняли восприятие его речи, а следовательно, и процесс коммуникации. При небольшой степени акцента некоторое своеобразие речи говорящего может способствовать улучшению коммуникации (Honey, 1991). Вопросу социальной значимости голосовых качеств человека уделяется все больше внимания в жизни современного общества. «Социальные маркеры», наблюдаемые в речи современных политиков, отражают их происхождение, уровень образования и культуры, род занятий и их профессиональный опыт, что существенно влияет на общественное мнение и, следовательно, на успешность общественной или политической карьеры личности. Некоторые политические лидеры нынешнего российского правительства, к сожалению, игнорируют такую важную черту своей личностной характеристики и речевого поведения, как качество голоса. Недостатки речевого поведения со всей очевидностью проявляются на телеэкране: это и плохая дикция, и неправильная расстановка ударения, и невыразительная интонация, и неадекватная либо неумеренная жестикация. Некоторые речевые и произносительные ошибки политических деятелей становятся предметом насмешек и темой анекдотов о курьезах речи. О важности роли качества голоса, или «голосового акцента», в

политической судьбе некоторых государственных деятелей свидетельствуют многие примеры (Honey, 1991).

За последнее время усилился интерес не только ученых, но и широкой общественности к вопросам «языковой политики». Особенно остро он стоит сейчас в американском обществе. С одной стороны, в США преобладают настроения коренной части населения, призывающего к поголовному использованию английского языка в обществе, с другой – американская конституция декларирует право на существование и равноправное функционирование национальных языков различных групп населения на территории страны. Английский язык, используемый иммигрантами в американском обществе, маркирован значительным воздействием их родного языка. Акцент в английской речи иммигрантов имеет сильный отрицательный социально-коммуникативный резонанс. Повышенные требования к владению нормативной английской речью при приеме на работу породили создание множества институтов в США, занятых исправлением нежелательного акцента в речи людей – выходцев из других стран, вынужденных овладеть официальным английским (official English) для обеспечения успешной карьеры в американском обществе (Crawford, 1992). Политика исключительно английского языка (The politics of English only) в США привела к созданию множества образовательных учреждений, занятых исключительно разработкой программ по исправлению «акцента» для ненативных носителей языка в стране, порой подвергающихся дискриминации на рабочем месте из-за сильной степени акцента в английской речи.

В настоящее время в российском обществе наблюдается огромная тяга молодежи к изучению иностранных языков, не только английского, но также китайского, арабского, испанского, итальянского и др. Билингвизм (и полилингвизм) распространяется в мире высокими темпами в связи с массовой миграцией населения на планете в XXI в. Одним из актуальных направлений в гуманитарной науке периода глобализации стал *детский билингвизм*, наблюдаемый на материале множества языковых контактов. В последние годы детский билингвизм значительно «помолодел» и заметно активизировался. Как отмечает Г.Н. Чиршева (Чиршева, 2017), количество стран, вовлеченных в географию исследования детского билингвизма, значительно увеличилось. В детском билингвизме английский язык комбинируется с испанским, французским, немецким, шведским, японским, русским, китайским, корей-

ским, чешским, словацким, турецким и другими языками. Вопросы становления языковой системы детей в ситуации одноязычия, двуязычия и многоязычия пристально изучаются российскими учеными (Цейтлин, Елисеева, 2011). Широко известны труды ученых кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), руководимой уже много лет профессором С.Н. Цейтлин, а также материалы международных конференций по онтолингвистике, ежегодно организуемых при этой кафедре. На конференции «Онтолингвистика – 2017: освоение и функционирование языка в ситуации двуязычия», прошедшей в Санкт-Петербурге 26–28 мая 2017 г., обсуждались теоретические основы изучения детского билингвизма, вопросы государственной и семейной языковой политики, проблемы билингвального образования, лингвистические вопросы становления и развития детского билингвизма и др.

Распространение английского языка на российской почве способствует более эффективному вхождению россиян в мировое культурное пространство. Нельзя не признать, что билингвизм становится естественным, быстро распространяющимся явлением межкультурной коммуникации в современном обществе, которому невозможно противостоять и последствия которого пока трудно предугадать. Двуязычие, несомненно, представляет огромный интерес как для ученых, так и для всех тех, кто стремится к овладению еще одним языком в целях осуществления реального речевого общения с носителями иных культур. Кроме того, как справедливо писал еще в XX в. известный отечественный лингвист В.Ю. Розенцвейг (Розенцвейг, 1972, с. 5), «из вопроса сугубо теоретического, интересовавшего лингвистов в связи со сравнительно-историческими исследованиями и решавшегося почти исключительно на индоевропейском материале, языковые контакты переросли в вопрос общественной и государственной практики...». В качестве примера можно привести ситуацию *государственного (или политического) билингвизма*, связанного с языковой политикой на государственном уровне в тех странах, где два или три языка имеют официальный статус (Канада, Швейцария, Бельгия, Афганистан, Ирак, Уганда, Марокко и др.). Многоязычные страны чаще всего выбирают один из двух подходов для сохранения билингвизма – персональный или территориальный (Снесарева, 2016). В первом случае основное внимание уделяется обеспечению индивидуальных прав человека говорить на том или ином языке, в то время как территориальный подход предполагает сохранение билингвизма внутри

конкретного региона (подобная языковая политика проводится в Бельгии). В Индии, где официально признаются 23 языка, используется «формула трех языков» (Annamalai, 2001), в соответствии с которой помимо двух национальных языков страны, хинди и английского, школьники могут выучить еще один язык (язык их штата). В современной Канаде английский и французский языки признаны государственными, что обусловлено историческими, политическими и социальными причинами (Вишневецкая, Абызов, 2016).

Как известно, язык возникает, развивается и существует прежде всего как социальный феномен, востребованный человеком для целей коммуникации как внутри каждой конкретной общности, так и между различными общностями. Социолингвистика изучает множество проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества. Отметим, что интенсивный обмен информацией во всемирном масштабе, поддерживаемый неуклонно развивающимися высокими технологиями, Интернетом, телевидением, всеми средствами массовой коммуникации, способствует дальнейшему развитию глобальных процессов взаимодействия языков международного общения (прежде всего английского) и активизации явлений билингвизма и полилингвизма. Билингвизм в настоящее время становится реальностью вследствие языковой глобализации и интеграции планетарного сообщества. Именно в этот период становится все более востребованным билингвальное образование, столь необходимое для формирования коммуникативной компетентности и осуществления успешной межкультурной коммуникации в глобализующемся мировом пространстве.

Список литературы

- Аммар Х.С.* Лексические заимствования как средство обогащения и развития русского литературного языка в социологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2005. – 289 с.
- Багана Ж.* Об отношении заимствования и интерференции // Научные ведомости. – Белгород, 2008. – № 11 (51). – С. 46–50.
- Бернштейн С.И.* Вопросы обучения произношению: (Применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучения произношению. – М., 1975. – С. 5–61.
- Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика. – М., 2011. – 200 с.

- Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и коммент. Жлуктенко Ю.А. – Киев, 1979. – 260 с.
- Виноградов В.А.* К проблеме иноязычного акцента в фонетике // Лингвистические аспекты обучения языку. – М., 1976. – Вып. 2. – С. 28–56.
- Вишневская Г.М.* Социальная маркированность звучащей речи // Социофонетика звучащей речи // Вестн. МГЛУ. Сер. Языкознание. – М., 2011. – № 1 (607). – С. 76–82.
- Вишневская Г.М.* Билингвизм и его аспекты. – Иваново, 1997. – 99 с.
- Вишневская Г.М.* Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм // Ярослав. пед. вестн. – Ярославль, 2002. – № 1 (30). – С. 29–35.
- Вишневская Г.М., Абызов А.А.* Канадский языковой разлом: (Англо-французский билингвизм). – Иваново, 2016. – 200 с.
- Гавранек Б.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6: Языковые контакты. – С. 94–111.
- Гумбольдт В.* Язык и философия культуры / Пер. с нем. – М., 1985. – 452 с.
- Казакова О.В.* Просодия вариантов английского языка в Индии и Гонконге как средство выражения национальной идентичности: Экспериментально-фонетическое исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 230 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. Ярцева В.Н. – 2-е изд. – М., 2002. – 709 с. – (ЛЭС).
- Михайлов М.М.* Двужычие: Проблемы, поиски. – Чебоксары, 1989. – 160 с.
- Никитин Д.С.* Структурно-функциональные особенности иноязычных заимствований в тексте современной газеты: Дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2010. – 193 с.
- Розенцвейг В.Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6: Языковые контакты. – С. 5–24.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ.; под ред., предисл. Кибрика А.Е. – 2-изд. – М., 2001. – 656 с.
- Смокотин В.М.* Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: Комплементарность в условиях глобализации: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Томск, 2011. – 34 с.
- Сморodin А.Ю.* Социолингвистическая природа заимствованной лексики: на основе публицистических материалов по компьютерной технике: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 165 с.
- Снарцева М.Ю.* Дистрибуция палатализованных и непалатализованных согласных в речи билингов с несбаласированным англо-ирландским двужычием: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 285 с.
- Тарасова М.В.* Семантические изменения английских заимствований в русском и немецком языках в условиях глобализации: Дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2009. – 192 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 624 с.
- Ушаков Б.Ю.* Семантика и функции лексических заимствований в современной русской прессе: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 212 с.
- Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6: Языковые контакты. – С. 61–80.

- Цейтлин С.Н., Елисеева М.Б.* Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. – М., 2011. – 320 с.
- Чиршова Г.Н.* Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков. – СПб., 2017. – 488 с.
- Швейцер А.Д.* Современная социалингвистика: Теория, проблемы, методы. – М., 2012. – 176 с.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социалингвистику. – М., 1978. – 216 с.
- Шевченко Т.И.* Социальный контекст и вариативность английского произношения // Вестн. МГЛУ. Сер. Языкознание. – М., 2015. – № 1 (712). – С. 241–254.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка: Очерк французского произношения в сравнении с русским. – 2-е изд. – Л., 1939. – 573 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 4-е. – Л., 1974. – 432 с.
- Annamalai E.* Managing multilingualism in India: political and linguistic manifestations. – New Delhi, 2001. – 244 p.
- Baetens-Beardsmore H.* Bilingualism: Basic principles. – Clevedon, 1982. – 172 p.
- Blom J., Gumperz J.* Social meaning in linguistic structure: Codeswitching // Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication: Norway. – N.Y., 1972. – P. 407–434.
- Bolton K.* World Englishes today // The handbook of world Englishes. – Oxford, 2006. – P. 240–269.
- Crawford J.* Hold your tongue: Bilingualism and the politics of «English only». – Reading (Mass.), 1992. – 324 p.
- Crystal D.* English as a global language. – 2nd ed. – Cambridge, 2003. – 212 p.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge, 2010. – 488 p.
- Ferguson Ch.* Diglossia // Word. – 1959. – Vol. 15. – P. 325–340.
- Fabbro F.* The neuroloinguistics of bilingualism: Introduction. – N.Y., 2013. – 250 p.
- Honey J.* Does accent matter? The Pygmalion factor. – L., 1991. – 214 p.
- Jenkins J.* World Englishes: A resource book for students. – L.; N.Y., 2003. – 233 p.
- Jenkins J.* Global Englishes: A resource book for students. – 3rd ed. – L.; N.Y., 2015. – 280 p.
- Kachru B.* Standards, codification, and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle // English in the World: Teaching and learning the language and literatures. – Cambridge, 1985. – P. 11–30.
- Kirkpatrick A.* World Englishes: Implications for International communication and English language teaching. – Cambridge, 2007. – 257 p.
- Kramsch C.* The Challenge of globalization for the teaching of foreign languages and cultures // Electronic j. of foreign lang. teaching. – 2014. – Vol. 11, N 2. – P. 249–254.
- Johnson A.* The rise of English: The language of globalization in China and the European Union // Macalester international. – 2009. – Vol. 22, Iss. 1. – 39 p.
- Richler H.* Global mother tongue: The eight flavours of English. – Montreal, 2007. – 169 p.
- Sridhar S.N.* The ecology of bilingual competence: Language interaction in the syntax of indigenized varieties of English // World Englishes. – 1992. – N 11. – P. 141–150.
- Weinreich U.* Languages in contact: Findings and problems. – The Hague, 1953. – 148 p.

И.А. Гусейнова

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье описываются две основные стратегии, характерные для современного институционального общения в условиях многополярного мира. Одна стратегия, сервиллистская, связана с внедрением в институциональную среду практики «лингвистического империализма», применение другой стратегии, так называемой «мягкой силы», способствует формированию положительного имиджа в различных типах среды. Русский язык как язык институционального общения играет значимую роль в реализации стратегии «мягкой силы», в то время как языки, претендующие на статус *lingua franca*, нередко служат реализации противоположных целей.

Институциональное общение – один из наиболее важных современных феноменов гуманитарной науки, который служит разъяснению специфики коммуникации между организациями, между отдельными индивидами и учреждениями в ходе межкультурного взаимодействия в профессиональной (межличностной и компьютерно опосредованной) сфере. Подобный тип общения предполагает знание иностранного языка, знакомство с геополитическим контекстом, владение профессиональным или отраслевым компонентом. В широком смысле институциональное общение предполагает продвижение родного языка и культуры с целью освоения коммуникативно-дискурсивного пространства в разных типах сред – в социальной, виртуальной, профессиональной и др. Освоение пространств обуславливает применение различных технологий и стратегий. Наиболее популярным принято считать применение дискурсивных стратегий, основанных на знании культурного своеобразия партнера по коммуникации. Как справедливо

отмечают отечественные исследователи, «передаваемые из поколения в поколение нормы <...> как и другие институциональные нормы, становятся традициями, направляющими образ жизни и мышления людей в определенное русло» (Леонтович, Якушева, 2014, с. 10). Со временем, подвергаясь процессам стереотипизации, указанные нормы приобретают формат стереотипов – «упрощенных ментальных репрезентаций различных категорий людей, преувеличивающих моменты сходства между ними и игнорирующие различия» (Леонтович, Якушева, 2014, с. 88). Важно, что нормы в институциональной среде в условиях межкультурной коммуникации обладают границами, а в их основе лежит оппозиция «свой – чужой». Для институционального общения вышесказанное имеет методологическое значение, так как коммуникация в институциональной среде может развиваться по трем сценариям, детально описанным в работе О.А. Леонтович и Е.В. Якушевой: «1) доминирование знаков одной культуры над знаками другой; 2) их равноправное сосуществование; 3) использование третьей знаковой системы, выполняющей посредническую роль» (Леонтович, Якушева, 2014, с. 93).

Известно, что при «равноправном сосуществовании» успешно функционируют *смешение* и *переключение кодов*, что выражается в усиленном употреблении языковых гибридов и интернационализмов, свидетельствующем о стремлении всех участников институционального общения достичь консенсуса и взаимопонимания. При использовании «третьей знаковой системы» существенную роль играет уровень сформированности различных компетенций всех участников межкультурной коммуникации, их профессиональные знания и, безусловно, компетентность переводчика. Однако, по нашим наблюдениям, в современной институциональной среде всю большую распространенность приобретает «доминирование знаков одной культуры над знаками другой», что приводит к повсеместному использованию двух противоположных коммуникативно-дискурсивных стратегий – стратегии «лингвистического империализма» и стратегии «мягкой силы».

Принято считать, что геополитические факторы оказывают существенное влияние на институциональное взаимодействие. Напомним, что события геополитического значения представляют собой совокупность факторов, воздействующих не только на политическую, экономическую и социальную сферы, но и на роль и статус языков, которые относятся к разряду языков международ-

ного общения. Обратимся к некоторым общеизвестным фактам. Так, немецкий язык, на котором разговаривают не менее 90 млн человек, в мировом масштабе локализовался и не приобрел того значения, как это было даже в прошлом и более ранние века, когда немецкий язык трактовался как язык науки и ученых людей. Изменения немецкого языка под влиянием нивелированных стандартов, поп-культуры оказались весьма существенными, что привело к внесению предложения «ввести до 2010 г. в Германии английский язык как второй равноправный официальный язык» (Трошина, Раренко, 2005, с. 138–139). Данное предложение не было принято, но американизация институциональной среды, например в виртуальном немецкоязычном дискурсе, продолжается, что приводит к насильственному внедрению английского языка в институциональное общение. В результате, во-первых, происходит вытеснение из профессиональной среды других языков международного и национального общения, а их место занимает английский язык; во-вторых, осуществляется постепенное обеднение национального языка, что может привести к потере национально-культурной идентичности; в-третьих, формируется гибридный язык, не позволяющий сохранить родной язык и овладеть английским языком на высоком профессиональном уровне. Следствием происходящих геополитических процессов становится маргинализация тех или иных языков и стран, соответственно.

Утрачивает позиции языка международного общения и французский язык, хотя и сегодня он остается языком международной дипломатии. Известно, что «французский язык является одним из шести официальных языков ООН и одним из двух рабочих языков ее Секретариата (наряду с английским)» (Солнцев, 2015, с. 139). Несмотря на то что французский язык формально широко употребляется в глобальных и межправительственных организациях, «в конце XX столетия наметился фактический отход от принципов многоязычия в пользу доминирования английского языка, в том числе и по экономическим соображениям» (Солнцев, 2015, с. 140).

Вышесказанное применимо также к такому языку, как урду, который является государственным языком Пакистана. Е.А. Гурбик отмечает в печатных изданиях Пакистана «двойственную политику в тематической направленности СМИ» (Гурбик, 2017, с. 29). По наблюдениям ученого, газеты и журналы на урду отличаются глубоким описанием обстановки в стране, в то время

как в газетах и журналах, публикуемых на английском языке, информация представлена с учетом интересов иностранных граждан и проживающих за рубежом пакистанских иммигрантов. Иными словами, геополитические факторы оказывают влияние на содержание современных СМИ и других не менее важных институтов. Научное обоснование отбора информации для представления в СМИ детально представлено в работах польского исследователя А.К. Киклевича. По его мнению, существенную роль при выборе значения слова играет «постулат потребности» (Киклевич, 2016, с. 137), который выделяет определенный признак в качестве исходного, находящегося в «фокусе интереса субъекта» (Киклевич, 2016, с. 137). Обычно речь идет о предметах и лицах ближайшего окружения, однако в результате анализа разнообразного эмпирического материала А.К. Киклевич приходит к выводу о том, что эффективная речевая деятельность обусловлена единством следующих сил: «1) системы языка; 2) объективной действительности; 3) системы социального поведения» (Киклевич, 2016, с. 145). Далее А.К. Киклевич проводит различие между терминами *информация* и *интерпретация*, справедливо утверждая, что оба понятия тесно связаны с категорией ценности, неотделимой от человека, и понятием субъективности, так как «ценным является что-то для кого-то (и в какой-то ситуации)» (Киклевич, 2016, с. 260). Данное высказывание соответствует взглядам отечественных исследователей. Так, Р.К. Потапова¹ в одной из своих статей отмечает, что гибридные системы, в том числе гибридные сети отличаются «повышенной чувствительностью к контексту» и для понимания информации любого характера необходимо «искусственно расширять границы фрейма и включать в обрабатываемый сегмент соседние» (Потапова, 2017, с. 317). Итак, отбор информации связан с личностными или групповыми интересами, обуславливающими, по мнению А.К. Киклевича, тот факт, что «в СМИ информация неизбежно равнозначна интерпретации» (Киклевич, 2016, с. 264). Вышесказанное имеет отношение к институциональному, прежде всего политическому дискурсу, в котором наиболее наглядно применяются суггестивные технологии и информационные войны,

¹ Потапова Родмонга Кондратьевна – выдающийся советский и российский лингвист, автор многочисленных статей и 16 монографических исследований, посвященных фундаментальным вопросам современной теоретической и прикладной лингвистики. – *Прим. авт.*

реализуемые преимущественно при помощи следующего набора лингвистических средств: «1) многократное повторение информации; 2) упрощение; 3) прайминг, т.е. учет ранее сформировавшихся у адресатов убеждений, представлений и оценок; 4) субъективная селекция информации; 5) замена информации комментарием; 6) *Triple-Appeal Principle*, т.е. апелляция к трем типам рефлексивных систем: рациональным, эмоциональным и этическим» (Киклевич, 2016, с. 267). Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что для современного институционального общения, в том числе и для института СМИ типично применение различных персуазивных приемов, в том числе фальсификации – «целенаправленного искажения действительности» (Киклевич, 2016, с. 270), «манипулятивного использования визуальной информации» (Киклевич, 2016, с. 273); троллинга – «имитации участия в дискуссионных интернет-группах, за которой кроется целенаправленное распространение провокационных сообщений, направляющих дискуссию в определенное русло» (Киклевич, 2016, с. 277) и др.

Глобализация, изменения геополитического характера, а также унификация процессов и гармонизация институционального пространства обуславливают появление и распространение противоположной тенденции, выражающейся в стремлении к сохранению своего языка и культуры. Это антиномическое единство проявляется в одновременном использовании в институциональной среде двух стратегий – стратегий «лингвистического империализма» и «мягкой силы». Парадоксальным образом стратегия «лингвистического империализма» в зарубежных публикациях устойчиво ассоциируется с Россией и русским языком, вытесняя из широкого употребления понятие «мягкой силы», в то время как лингвистический анализ публикаций, представленных в открытых источниках, подтверждает применение российской стороной именно «мягкой силы».

Отметим, что в последнее время в международном научном экспертном сообществе словосочетание «лингвистический империализм» стало модным. Этот термин обозначает настойчивое, нередко насильственное внедрение того или иного языка в качестве единственно возможного языка межкультурного общения. Наши наблюдения показывают, что упомянутый термин употребляется исключительно по отношению к русскому языку, в то время как английский язык рассматривается в качестве универсального

языка межкультурной коммуникации, так называемого *lingua franca*, а китайский язык, например, справедливо трактуется в качестве одного из наиболее *распространенных* языков. Напомним, что понятие *наиболее распространенного языка* относится к тем языкам, которые широко представлены в мире, охватывают большие географические пространства, как, например, испанский, португальский или арабский языки. Таким образом, негативная оценка применяется только по отношению к русскому языку, в то время как другие языки характеризуются преимущественно нейтрально, приобретая в контекстном употреблении положительную оценку. Подобные декларативные заявления, безусловно, стимулируют изучение ситуации с русским языком не только внутри страны, но и за ее пределами, а также дают толчок к поиску аргументов, свидетельствующих об отсутствии комплекса мер по «навязыванию» русского языка в качестве языка международного и межнационального общения. Это обстоятельство, однако, не исключает осуществления практических действий, направленных на сохранение и развитие русского языка в качестве языка институционального общения.

В свете вышесказанного нам представляется целесообразным уточнить содержание понятия «империализм». Безусловно, толкование термина предполагает учет идеологического компонента государственной политики. Тем не менее следует подчеркнуть, что упомянутый термин во все времена имел негативное значение, и это нашло отражение в справочной литературе и энциклопедических словарях. Обратимся к конкретным фактам из опубликованных ранее источников. Известно, что империализм (лат. *imperium* – *господство, власть*) в политической предметно-специальной литературе рассматривается как явление экономическое и как одна из стадий развитого капитализма, при которой наблюдается концентрация финансового капитала, а его вывоз осуществляется с целью его внедрения в экономику других государств, что оказывает существенное влияние на их социальную, экономическую и политическую виды деятельности (Большая советская энциклопедия [Электрон. ресурс]). В этом смысле «лингвистический империализм»¹ представляет собой с точки зре-

¹ Данный термин был широко представлен на международной научной конференции Sustainable multilingualism 2017, которая проходила в г. Каунасе (Литва) 26–27 мая 2017 г. – *Прим. авт.*

ния современного языковедения *когнитивную метафору*, где донором выступает сфера экономики, а гуманитарный дискурс – реципиентом. Одновременно данная когнитивная метафора свидетельствует не только о слиянии политических и экономических интересов, но и об их внедрении в социальное и гуманитарное пространство. Одновременно следует отметить, что устойчивые словосочетания типа *воинствующий империализм* (ср. англ., нем., фр. *militant*) используются не только в русском, но и в других языках. Это свидетельствует о том, что указанные словосочетания носят клишированный характер и приобрели свойства стереотипов, во многом формирующих отношение к тому или иному государству, той или иной стране не только политиков, но и массового реципиента. В свете вышесказанного можно предположить, что язык выступает, с одной стороны, в роли инструмента, конструирующего различные виды пространства; а с другой – в качестве инструмента управления социальной действительностью, с другой. Рассмотрим далее, насколько справедливы оценки, «выставляемые» в отношении русского языка.

При анализе языковых фактов мы придерживаемся холистического подхода к русскому языку, что предполагает «синергетическое взаимодействие языка и среды» (Киклевич, 2016, с. 90), а также учет глобального социального контекста при анализе ситуаций употребления языковых средств, ср.: «*die Berücksichtigung des gesamten sozialen Kontexts des Sprachgebrauchs*» (Rensch, 2014, S. 111).

Для объяснения динамической природы многих лингвистических явлений служит понятие амбисемии, которая «означает принцип конфигурации двух элементов значения единицы в системе языка: номинативного и интерпретативного» (Киклевич, 2016, с. 92). При этом номинативный элемент отражается в форме и структуре знака, т.е. имеет объективный категорематичный характер, а интерпретативный обеспечивает реализацию инференции в процессе речевой деятельности, которая сопровождается «интенциональным состоянием речевого субъекта, т.е. тем, что он знает, помнит, наблюдает» (Киклевич, 2016, с. 92).

В свете вышесказанного нам представляется целесообразным использовать данные утверждения применительно к русскому языку как языку институционального общения.

Итак, по данным ООН, на русском языке разговаривают около 250 млн человек, из которых только для 150 млн русский

язык является родным. На этом основании русский язык может быть причислен к разряду наиболее распространенных языков в мире. Кроме того, данные цифры свидетельствуют о том, что русский язык занимает пятое место в мире после китайского, английского, хинди и урду, испанского. Иными словами, к русскому языку применимо понятие «наиболее распространенного языка».

Как официальный язык государственного управления русский язык представлен не только в России, но и в Республике Беларусь. Разными способами русский язык институционализирован в таких государствах – участниках СНГ, как Киргизия, Казахстан, Молдова и Таджикистан. В указанных государствах он используется в двух ипостасях: 1) как официальный государственный язык; 2) как язык межнационального общения. В Армении, Азербайджане, Грузии и Украине русский язык не имеет институционального статуса, рассматривается в качестве иностранного языка. Таким образом, русский язык в ряде государств институционализирован после распада СССР, т.е. не является навязанным извне феноменом, а является инструментом государственной политики упомянутых выше независимых государств.

В международном масштабе русский язык является одним из официальных языков Организации Объединенных Наций: «В соответствии с Уставом официальными языками Организации Объединенных Наций являются английский, испанский, китайский, русский и французский. В 1973 году в качестве официального языка к ним был добавлен арабский» (Основные сведения об Организации Объединенных Наций, 2014, с. 5).

В открытых официальных русскоязычных источниках, рассчитанных на широкий круг пользователей, присутствует информация следующего содержания: «Современный русский язык применяется в различных сферах международного и межгосударственного общения. Например, он активно используется в качестве средства общения ученых (около 70% научной литературы печатается на английском и русском языках). Также он является средством передачи информации в мировых системах коммуникации – радиопередачи, авиалинии т.п.» (Русский язык в международном общении [Электрон. ресурс]).

Стратегия «лингвистического империализма» не могла не породить противоположную стратегию, а именно стратегию «мягкой силы», обеспечивающую постоянное продвижение локусных брендов как внутри России, так и за ее пределами.

В современном гуманитарном знании принято считать, что термин «soft power» введен в употребление американским политологом Джозефом Наем¹, впервые выделившим две стратегии государственного уровня управления – «жесткую» и «мягкую». По мнению Дж. Ная (Най, 2004; Nye, 2004), под «жесткой силой» следует понимать способность к обеспечению внешнеполитических интересов за счет военной и экономической мощи страны; под «мягкой силой» – умение государства привлекать своей культурой, своими общественно-политическими ценностями. Напомним, что термин «сила / power» является многозначным и трактуется как «власть, мощь, влияние» (ср. англ.: authority, force, influence и др.). Подобная многозначность термина позволяет выделить в стратегии «soft power» (Най, 2004; Nye, 2004) на сегодняшний день три важных для институционального взаимодействия компонента: 1) **культурный компонент** – систему базовых ценностей, разделяемых всеми членами данного социума; 2) **идеологический компонент** – совокупность убеждений в самых различных сферах – от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении, принятых в социуме; 3) **внешнеполитический компонент** – дипломатию в широком понимании и употреблении этого слова. Культурный и идеологический компонент воплощают стабильную сторону стратегии «soft power», в то время как внешнеполитический компонент является динамическим, вариативным.

В условиях глобализации стратегия «soft power» обеспечивает установление партнерских отношений между государствами, формируя таким образом многополярное пространство и условия многоязычия.

Одновременно стратегия «мягкой силы» широко применяется в сфере локусного брендинга, который, по мнению П.Б. Паршина² (Паршин, 2015), способствует реализации концепции «мягкой силы».

¹ Джозеф Най (Joseph S. Nye) – автор 13 книг, среди них: Bound to lead: The changing nature of American power. – N.Y., 1990. – 167 p.; The paradox of American power. – Oxford, 2002. – 222 p.

Soft power: The means to success in world politics (Nye, 2004) и др. – *Прим. авт.*

² Павел Борисович Паршин – ведущий научный сотрудник Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО (Университет) МИД России, канд. филол. наук, профессор Мос. гос. лингв. ун-та, почетный профессор Мос. гос. ун-та печати; специалист в области лингвистической семантики, теории политического текста, политической и маркетинговой коммуникации. – *Прим. авт.*

Под локусным брендом П.Б. Паршин понимает «знак, содержательно обладающий свойствами бренда, ‘добрым именем, обещающим обеспечить желаемые переживания’, имеющим топоним в качестве законносителя и указывающим на некоторый локус (территориальную единицу, географический объект, территорию, место, город, регион и т.п.) в качестве денотата» (Паршин, 2015, с. 33). Понятие локусного брендинга сформировалось во многом под влиянием исследований национальной идентичности и так называемого «эффекта страны происхождения» (country of origin effect, COE) (Паршин, 2015, с. 29). В немалой степени этому способствовало указание на место происхождения товара «Made in...», представляющее собой «знак, носителем которого является включенное в определенную лексико-грамматическую рамку географическое название (топоним), а денотатом – носящий это название локус: страна, город, регион и т.п.» (Паршин, 2015, с. 41). По наблюдениям П.Б. Паршина, в локусном маркетинге интенсивно применяются коммуникативные технологии – «осознанные и часто институционализированные способы использования различных знаковых систем и различных форм коммуникации для упорядоченного и воспроизводимого с относительно стабильными результатами воздействия на сознание и / или поведение индивидов или социальных групп» (Паршин, 2015, с. 62).

В свете вышесказанного можно предположить, что сервилитские настроения опираются на понятие империализма, в то время как освоение коммуникативно-дискурсивного пространства требует применения лингвистического инструментария «мягкой силы», реализующей гуманизированный подход к различным этносоциумам.

Итак, лингвистический империализм означает «навязывание» языка как языка институционального общения в ущерб национальным языкам. Иными словами, представители определенной лингвокультуры должны применять в профессиональной среде не свой национальный язык, а иностранный. Применительно к языковой ситуации в России наблюдается явная замена объекта: во-первых, в бытовой коммуникации и в образовательных организациях или социальных институтах в различных регионах РФ наряду с русским языком, языком межнационального общения, используется также язык локальной культуры. Другое дело, что люди зачастую обращаются к ресурсам русского языка, поскольку он удобен именно для использования в социальной коммуникации при решении профессиональных задач в институциональном дис-

курсе. Во-вторых, жители различных регионов РФ имеют возможность, как, например, в Удмуртии или Тыве, изучать иностранный язык, минуя язык-посредник, в данном случае русский язык. В этом случае, безусловно, это приводит к увеличению нагрузки на учителей и преподавателей. Ведь в этом случае возникает необходимость разработки собственных двуязычных словарей и учебников, подготовки преподавателей и специалистов, владеющих языком локальной культуры и иностранным языком, например английским. В контексте вышесказанного актуальным становится вопрос о том, как и где будут работать специалисты, проживающие на территории РФ, но владеющие только родным и иностранным (английским) языком. Стратегия лингвистического империализма дает однозначный ответ – в отдельно взятом государстве, в то время как стратегия «мягкой силы» ориентирует страны на выстраивание партнерских отношений в условиях мультиязычия и поликультурности.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что русский язык как язык институционального общения находится под сильнейшим влиянием геополитических факторов, транслируемых различными институтами при помощи ресурсов амбисемии, позволяющих использовать различные технологии, как сервиллистских, так и гуманизированных. Это обстоятельство, на наш взгляд, придает русскому языку институциональную устойчивость в условиях многополярного мира, позволяя ему сохранить свои позиции во всех типах сред.

Список литературы

- Большая советская энциклопедия. – М., 1969–1978. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_sovet/Imperializm-19829.html
- Гурбик Е.А. Английский язык в средствах массовой информации Пакистана // Актуальные проблемы современной прикладной лингвистики: Сб. науч. статей. – Минск, 2017. – С. 27–32.
- Клиевич А.К. Притяжение языка. – Олштын, 2016. – Т. 4: Языковая деятельность: Семантические и прагматические аспекты. – 372 с.
- Леонтович О.А., Якушева Е.В. Понимание – начало согласия: Межкультурная семейная коммуникация. – М., 2014. – 224 с.
- Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – С. 14–31.

- Основные сведения об Организации Объединенных Наций: Справочник. – Нью-Йорк; М., 2014. – 322 с.
- Паришин П.Б.* Территория как бренд: Маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. – М., 2015. – 195 с.
- Потапова Р.К.* Перспективы использования гибридных систем распознавания речи: (Применительно к обучающим системам) // Актуальные проблемы современной прикладной лингвистики: Сб. науч. статей. – Минск, 2017. – С. 315–319.
- Най Дж.С.* Мягкая сила: Слагаемые успеха в мировой политике / Пер. с англ. – Нью-Йорк, 2004. – 192 с.
- Солнцев Е.М.* Французский язык в современном мире: Науч.-аналит. обзор // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – С. 136–145
- Трошина Н.Н., Раренко М.Б.* Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность: Гуманитарные аспекты: Ежегодник. Теории истины: Язык в контексте глобализации / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – С. 131–164.
- Русский язык в международном общении [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://kak-bog.ru/russkiy-yazyk-v-mezhdunarodnom-obshchenii>
- Nye J.S.* Soft power: The means to success in world politics. – N.Y., 2004. – 192 p.
- Rensch Th.* Philosophie des 20. Jahrhunderts: Von Husserl bis Derrida. – München, 2014. – 128 S.

Г.Е. Кедрова

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. С начала XXI в. английский язык выдвинулся на роль универсального языка-посредника – лингва франка – в экономике, политике, образовании, а также в глобальном научном дискурсе. На укрепление позиций английского языка как главного средства информационного обмена в современном мире, в том числе и в научной сфере, работают несколько факторов – политических, экономических, культурных и др. Новые информационно-коммуникационные технологии – в первую очередь компьютерные технологии, и особенно социальные сервисы Интернета, также оказывают существенное влияние на этот процесс. Хотя в каждой стране наблюдаются свои уникальные особенности взаимодействия национального языка с английским языком как универсальным языком-посредником, в большинстве посвященных этой теме теоретических и экспериментальных работ выделяются две ключевые тенденции, которые задают вектор глобального развития в этой области. Это тенденция к лингвистической гомогенизации, когда некий «усредненный» вариант английского языка постепенно распространяется на отдельные сферы коммуникации, вытесняя местные языки, и тенденция к гибридации, когда местные языки перерабатывают и интегрируют исходно англоязычные лингвистические модели (новые слова и понятия, синтаксические и фразеологические паттерны и т.п.), сохраняя при этом свою идентичность. Обе эти тенденции принято рассматривать в контексте общего направления развития, которое обозначается в мировой экономике термином *глокализация*. Поскольку наука является неотъемлемой частью социально-культурной жизни общества, изучение принятых норм научного общения и возникающих в связи с глобализацией новых тенденций не может проходить без рассмотрения этой сферы коммуникативной активности в общем контексте информационной жизни общества.

Информационно-коммуникационные технологии предоставляют для этого обширный фактический материал. В настоящее время для экспериментального изучения лингвистической основы современного научного дискурса используются собранные в транснациональных и локальных научных информационных репозиториях и специализированных БД источники. Эти ресурсы позволили при-

ступить к всестороннему изучению особенностей научного языка с использованием корпусных и статистических методов анализа. Проведенные в разных странах экспериментальные исследования англоязычного научного дискурса показали, что, несмотря на высокую степень кодификации письменного научного текста, национальные стандарты научной речи в значительной мере довлеют над большинством неанглоязычных ученых, публикующих статьи на английском языке. Таким образом, можно утверждать, что в современном научном дискурсе, как и в других сферах глобального информационного обмена, также сосуществуют обе обозначенные в соответствии с идеей глокализации тенденции: с одной стороны, стремление к языковой гомогенизации на базе английского языка как лингва франка, с другой – гибридизация, во многом благодаря которой появляется возможность сохранения лучших традиций национальных научных школ и научных направлений. Вопрос о том, как может в будущем измениться баланс между этими тенденциями, пока остается открытым. Однако уже сегодня в мировом научном сообществе высказывается мнение, что совершенно необязательно «подгонять» под англоязычные нормативы национальные стандарты научной речи и тем самым менять доказавшие свою эффективность традиционные нормы оформления научных текстов, как предлагают некоторые исследователи. В глобальном научном дискурсе крайне важно в равной степени учитывать интересы всех участников коммуникации, каждый из которых может привнести в эту сферу свои лингвистические наработки и тем самым расширить общий инвентарь доступных языковых средств. Представляется, что ведущую роль в этом процессе могут сыграть академические социальные сети (*Academic social networking sites*), поскольку именно в этой коммуникативной среде присутствуют все типы и жанры научного дискурса, а также постоянно ведется неформальное межличностное общение. Специализированные профессиональные социальные сети, таким образом, превращаются в эффективный полигон для формирования и становления новых стандартов универсального англоязычного научного стиля, который в перспективе сможет в наибольшей степени соответствовать потребностям глобальной коммуникации.

В XXI в. как никогда раньше обострились дискуссии о взаимосвязи национальных языков и языков, которые, в силу ряда объективных причин, прежде всего экономического и политического характера, выдвигаются на роль языков-посредников в условиях информационной глобализации. В разные исторические периоды и в разных регионах на эту роль могут претендовать разные языки. В настоящее время основным языком межкультурной и межгосударственной коммуникации принято считать английский язык. О доминантной роли английского языка в современных информационных процессах свидетельствует также то, что именно английский язык все чаще называют термином *lingua franca* (*лингва франка*) и в этом качестве английский язык рассматривается в большинстве теоретических исследований современных коммуни-

кативных процессов. Термин *лингва франка* возник в Средние века и использовался для обозначения франко-итальянского гибридного языка, который обслуживал торговые отношения между государствами Средиземноморья. Однако впоследствии, когда в Европе основным источником обмена информацией в самых разных сферах, в том числе юридической, экономической и научно-образовательной, становится сначала латинский язык, а потом на эту роль попеременно выдвигаются разные региональные языки, термин *лингва франка* распространился на любой язык, который может выступать посредником в межкультурном общении. Как пишет Н.Б. Мечковская, в роли «лингва франка могут выступать разные языки в зависимости от исторической и географической ситуации их использования и распространения. <...> С.А. Старостин, говоря о русском языке, называет его ‘lingua franka’ всего бывшего Советского Союза» (Мечковская, 2001, с. 176). Сегодня английский язык признается в качестве главного языка-посредника и в сфере науки.

Представление об абсолютном доминировании английского языка как глобального языка науки было выдвинуто в начале XXI в. выдающимся лингвистом Дэвидом Кристалом (Crystal, 2003). В дополнение к аргументации Кристала в поддержку универсальной роли английского языка в науке выступают в последнее время и некоторые новые факторы. Так, в современном научном сообществе существенно возросла роль англоязычных научных журналов, большинство из которых имеют высокий импакт-фактор и публикации в которых очень важны для формирования научного авторитета ученого, его карьерного роста и профессионального развития. Библиографические стандарты оформления научной публикации, которые приняты в этих журналах, распространились сегодня *de facto* и на все национальные и региональные научные издания, в которых обязателен перевод на английский язык названия, ключевых слов и аннотации каждой публикации, а в некоторых случаях и транслитерация всех ее библиографических источников. Правомерность такой ситуации вызывает сегодня острые споры в научном сообществе, так как рассматривается в качестве основы «коммуникативного неравенства» авторов, для которых английский язык не является родным. Известно, что такие ученые часто испытывают определенные затруднения при изложении своих мыслей на неродном языке и вследствие этого ощущают себя недостаточно компетентными по отношению к лицам, при-

нимающим решение о принятии к публикации их текстов на английском языке (редакторам, рецензентам и т.п.) (Hyland, 2016). В связи с усиливающейся тенденцией к «англификации» глобального научного дискурса существенно возрастает актуальность исследования реальной коммуникативной практики в сфере науки, которая позволила бы получить ответ на вопрос о месте и роли английского языка как универсального языка для обмена информацией в современном научном коммуникативном пространстве.

Поскольку наука является неотъемлемой частью социально-культурной жизни любого общества, изучение принятых норм научного общения и возникающих в связи с глобализацией новых тенденций не может проходить без рассмотрения этой сферы коммуникативной активности в общем контексте информационной жизни общества. Поэтому нам представляется необходимым рассмотреть основные представления о формах взаимодействия английского языка как главного претендента на роль лингва франка и других национальных языков в условиях переживаемой миром информационной глобализации. Прежде всего, отметим, что предложение признать безусловное доминирование английского языка в современном информационном пространстве и вследствие этого постоянно предпринимаемые в разных странах попытки законодательно закрепить этот его статус вызывают далеко не однозначное отношение в мире. Во многом это обусловлено внутренними закономерностями самого процесса глобализации. Теоретические предпосылки для утверждения универсальной роли английского языка в современном коммуникативном информационном пространстве зачастую напрямую выводятся из концепции постиндустриального общества как *глобальной деревни* (global village), обмен информацией в которой обеспечивается в первую очередь новыми информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ / ICT), которые, в свою очередь, исторически тесно связаны с английским языком.

Наиболее известным теоретиком воздействия средств коммуникации на модели поведения человека, а также автором самого термина Global Village является американско-канадский философ McLuhan (McLuhan, 1962). Знаменитое программное заявление McLuhan в отношении информационно-коммуникационных технологий «The Medium is the Message» очень хорошо объясняет многие аспекты компьютерной информационной революции, хотя и вызывает до сих пор споры и имеет неоднозначные толкования

(McLuhan, 1995). В своих сочинениях McLuhan утверждает, что наступающая эпоха электронных цифровых медиа кардинальным образом изменит человеческое общество, так как эти средства информационного обмена сформируют принципиально новые модели межиндивидуального общения и социального взаимодействия. В частности, он предсказал чрезвычайно быстрое распространение электронных средств коммуникации и их глобальный характер, показал, как совершенствование ИКТ может привести не просто к ускорению процессов обмена информацией, но также, что еще более важно, к нивелированию любых расстояний и различий между участниками процесса коммуникации, превращая каждого в непосредственного свидетеля и активного участника всего происходящего в мире. С другой стороны, такая «глобализация», как предупреждал McLuhan, может привести к достаточно масштабным цивилизационным столкновениям. Когда в том или ином сообществе, которое ощущает себя частью *глобальной деревни*, возникает опасность потери своей культурно-политической идентичности, обществом предпринимаются попытки ее восстановления в предшествующем надвигающимся изменениям виде, чаще всего в наиболее архаичной форме. В результате такие попытки воссоздания архаичных моделей коммуникации осуществляются «любой ценой», что может привести к открытым межцивилизационным конфликтам (McLuhan, 1968). Сегодня эти высказывания философа признаны особенно актуальными в связи с активными процессами предсказанной им информационной и цивилизационной глобальной революции.

Поскольку основные процессы глобализации в современном информационном пространстве проявляются непосредственно в сфере языковой коммуникации, их принято рассматривать через соотношение и взаимодействие (или противостояние) разных языков – прежде всего, английского языка и других национальных и региональных языков. В первую очередь это проявляется в оценке степени ‘англификации’ национальных коммуникативных практик. Как показывает изучение развития и взаимодействия современных национальных языков, в каждой стране проникновение и внедрение английского языка в разные сферы коммуникации имеет свои особенности. Для российского общества это хорошо показала С.Г. Тер-Минасова в статье «The Dialectics of International Communication» (Ter-Minasova, 2014). В частности, она утверждает, что особая роль английского языка в российском языковом созна-

нии может быть тесно связана с периодом политической и экономической самоизоляции страны во второй половине XX в., обусловленной задачами холодной войны. Поэтому после распада СССР российское общество испытало и продолжает испытывать массивную атаку английского языка и англоязычной культуры практически во всех сферах. В первую очередь это особенно заметно в бизнес-коммуникации и в разных секторах инновационной экономики, которые, несомненно, оказывают очень большое влияние на все другие языковые практики. Отметим также, что в современном российском обществе, как и во многих других странах, столь агрессивные по отношению к местному языку и местным обычаям процессы не могли не вызвать активного сопротивления национального самосознания, принимающего порой довольно экстремальные формы.

Как же на самом деле взаимодействуют сегодня в глобальном масштабе национальные языки и английский язык, традиционно выступавший в некоторых регионах как линва франка? Для ответа на этот вопрос полезно обратиться к опыту стран, в которых мультилингвизм с включением английского языка является лингвистической нормой. В частности, особая лингвистическая ситуация сложилась в Гонконге в силу уникальности социально-политической ситуации в этом районе (смена государственной принадлежности – переход от британско-ориентированного и административного культурного эталона к китайскому), поэтому лингвистические процессы в информационно-коммуникативной сфере этого региона получили наиболее подробное освещение. В результате проведенного исследования Н. Tong и L. Cheung пришли к выводу о формировании в регионе специфических языковых моделей коммуникации – Chinenglish, или Гонконгский английский (Hong Kong English), и Гонконгский путунхуа (Hong Kong Putonghua) вместо теоретически ожидаемого мульти- или полилингвизма. Аналогичные тенденции обнаруживаются и в еще более лингвистически многокомпонентном обществе – в Сингапуре с его местным фактическим четырехязычием (Tong, Cheung, 2011). В материковом Китае одним из лингвистических результатов глобализации стало формирование так называемого «гибридного» языка межкультурного общения, получившего название New Chinglish (Wei, 2016). Отмечается, что этот вариант английского языка, который широко используется в речи молодых китайцев и поддерживается средствами массовой информации, имеет отчет-

ливо выраженные черты китайского языка, что не мешает ему успешно исполнять роль языка-посредника в самых разных сферах общественной коммуникации. Аналогичные наблюдения были сделаны и на материале такого мультикультурного и мультиязыкового ареала, как Адриатический регион. Для обозначения проходящих в нем активных процессов гибридизации и креолизации, связанных с миграцией, был предложен термин «трансидиоматические практики», который позволяет более точно отразить современную мультикультурную языковую реальность (Jacquemet, 2005).

Исследования англоязычных заимствований, проведенные на материале восточноевропейских языков, также свидетельствуют об особом месте англоязычной лексики в лексиконе и обнаруживают целый ряд общих тенденций в освоения иноязычной лексики, которые рассматриваются в контексте естественного процесса языкового развития. В исследовании О. Odegova и К. Zabulionite отмечается, что как в русском языке, так и в немецком и современные словари, и материалы СМИ фиксируют высокую долю англицизмов, значительно большую, чем доля заимствований из всех других языков, которые вошли в язык за предыдущие периоды его развития. Показательно также, что большинство англицизмов, которые зафиксированы в словарях новых слов в обоих сравниваемых языках (русском и немецком), не требуют перевода и не имеют каких-либо специальных помет. В результате авторы исследования приходят к выводу, что иноязычные заимствования, независимо от их вида и количества, естественным образом интегрируются в современные языки. Эти слова используются для передачи нового знания, что, по мнению авторов исследования, безусловно, является позитивным явлением (Odegova, Zabulionite, 2014). Аналогичное мнение высказывает и Natalia Zemljanaja, автор масштабного проекта по изучению процессов лексических и иных заимствований в польском и русском языках (Zemljanaja, 2016). Она отмечает спонтанный характер процессов англоязычных заимствований, которые, как утверждают и другие авторы, активно проникают в сферу повседневного общения (Шкапенко, 2016), и также выдвигает гипотезу о доминировании в славянских языках при освоении иноязычных заимствований моделей ‘гибридизации’ не только в отношении отдельных слов, но и на уровне словосочетания и синтаксических конструкций (предложения). Таким образом, сравнение основных тенденций языкового развития в столь удаленных друг от друга регионах, как европейский и азиатский, по-

зволяет обнаружить явный параллелизм наблюдаемых изменений в языковом узусе и способствует выработке более взвешенного подхода к взаимодействию английского языка с локальными национальными языками, которое часто неправомерно расценивается крайне негативно, исключительно как «языковая агрессия».

Идея культурно-языковой *гибридизации*¹, которая считается проявлением общей тенденции *глокализации*¹, постепенно становится доминирующей в оценке процессов информационной глобализации. Эта идея активно разрабатывается в настоящее время в отношении англоцентричной модели массовой культуры, которая распространялась в 1980–1990-е годы средствами массовой информации (Kraidy, 2017). Ранее А.Н. Kuppens убедительно продемонстрировала тесную связь процессов распространения англоцентричной культуры и англоязычных СМИ с процессами возникновения и укрепления региональных вариантов английского языка, используемого в качестве лингва франка (Kuppens, 2013). Таким образом, именно междисциплинарный подход к изучению процессов языкового взаимодействия в условиях глобализации представляется большинству ученых наиболее продуктивным. Теоретической основой большинства работ междисциплинарного характера, в которых исследуется феномен распространения английского языка как языка межнационального общения, послужили труды А. Пеннускоок (Pennuscook, 2007). В них обосновывался подход к изучению языка как базовой составляющей всех идеологических, культурных, социальных и политических процессов развития общества. Именно эти работы заложили основы изучения процессов языковой гибридизации, которые оказались плодотворными и при исследовании взаимовлияния английского и других национальных языков в сфере научной коммуникации.

Хотя научная сфера, как никакая другая, является достаточно жестко кодифицируемой областью, в которой обязательным условием успешной коммуникации является требование терминологического и понятийного единства, нам представляется, что идущие в ней языковые процессы, диктуемые современной глобализацией, не являются, так же как и в других сферах информационного обмена в

¹ От англ. glocalisation = global + local. Термин, впервые введенный R. Robertson (Robertson, 1994), обозначает одновременное действие тенденций к универсализации и специализации в социальной, политической и экономической системах. – *Прим. авт.*

обществе, простыми и однонаправленными. Лингвистические вопросы информационного обмена в научной сфере приобрели в последнее время особое значение, поскольку благодаря инновациям чрезвычайно возросла скорость прироста нового знания, вследствие чего стала еще более насущной потребность в максимально свободном обмене научными данными. Эта проблема стоит особенно остро в междисциплинарных исследованиях, которые сегодня выдвинулись на первый план в качестве основной движущей силы научного прогресса в любой из ее областей. В последнее время вопросы выбора языка-посредника и особенности функционирования английского языка как универсального языка в сфере обмена научной информацией получили также новое измерение, так как к традиционным субъектам распространения научного знания – научным издательствам, редакциям научных и научно-популярных изданий, традиционным и электронным научным библиотекам и разного рода информационным репозиториям – присоединились формируемые самим интернациональным научным сообществом ресурсы глобальных специализированных профессиональных научных социальных сетей. Поэтому вопрос о реальных активных процессах, которые происходят в языке современной науки, в частности выборе учеными моделей гибридизации или гомогенизации, глокализации или трансидиоматизации в отношении английского языка как основного языка представления научной информации, вызвал большой интерес в научном сообществе, и ему в последнее время посвящено достаточно много специальных исследований.

Сегодня для изучения лингвистической основы современного научного дискурса используется обширный фактический материал, накопленный в транснациональных и локальных научных информационных репозиториях и специализированных БД, эти ресурсы позволили приступить к всестороннему изучению особенностей «научного» английского языка с использованием корпусных и статистических методов анализа. Проведенные исследования позволили обнаружить, что несмотря на высокую степень лингвистической кодификации научных публикаций, в которых английский язык выступает в качестве базового языка информационного обмена, они часто имеют выраженный национальный характер. Одними из первых значимых работ в этой области стали серия сопоставительных исследований особенностей научного письменного дискурса, проведенных на материале электронных научных библиотек и специализированных многоязычных корпусов научной

речи (в частности, таких лингвистических корпусов, как: British National Corpus (BNC), Spanish English Research Article Corpus (SERAC); Italian Corpus of Academic English (CADIS); Norwegian Kulturell Identitet i Akademisk Prosa / Cultural Identity in Academic Prose (KIAP), Coruña Corpus of English Scientific Writing (CC) и др.). Полученные результаты и основные выводы этих исследований были опубликованы в специальном тематическом сборнике (Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse, 2009). В нем, среди прочих наблюдений над современным языком науки, отмечалось, что для русских авторов в большей степени характерны ссылки на общепризнанные научные постулаты и авторитеты в изучаемой области (о чем свидетельствовала аномально высокая частотность употребления в тексте выражений типа «как известно...») и недостаточное внимание к полному описанию источников цитирования. В то же время в аналогичных по жанру статьях немецкоязычных авторов отмечалась перегруженность постраничными сносками, которая не наблюдалась в работах авторов другой национальной принадлежности (Janik, 2009). При сравнении стиля научных публикаций американских и испанских авторов обнаружилось, что американские ученые скрупулезно отслеживают и включают в свой текст все сведения о работах, которые легли в основу проводимого исследования, в то время как в научных статьях испано-язычных авторов нормой является менее подробный и тщательный анализ использованной литературы (Duenas, 2009). Различной оказалась и авторская позиция по отношению к тексту. Так, английские авторы научных статей по экономике обычно выбирают роль автора как активно действующего исследователя, в отличие от своих норвежских коллег, которые тяготеют к более нейтральной роли «составителя» текста (Dahl, 2009). Постоянным стилистическим признаком лингвистических публикаций английских авторов оказалось использование стилистических средств, характерных для назидательного и даже несколько нравоучительного стиля изложения, которые практически отсутствуют в работах неанглоязычных коллег.

При сопоставлении междисциплинарных научных текстов на английском языке, подготовленных американскими и испаноязычными учеными, также была отмечена выраженная национальная специфика в отношении как базовых композиционных и лексико-семантических параметров текста, так и принципов формирования и оформления стандартов научного цитирования (Lafuente-Millan,

Duenas, Lores-Sanz, 2009). Например, утверждается, что испанские авторы в своих текстах на английском языке кажутся более «закрытыми», общий стиль публикаций указывает на наличие вполне конкретного адресата статей – в первую очередь это их испанские и латиноамериканские коллеги. В отличие от испанских авторов американские ученые изначально позиционируют себя как членов глобального профессионального научного сообщества и поэтому при оформлении своих текстов стараются учитывать интересы интернациональной и мультикультурной целевой аудитории. Эти различия в авторской позиции проявляются в том, что испанские авторы чаще выбирали менее диалогичные формы выражения, уделяли меньше внимания детальному разбору и подробному разъяснению связей между излагаемыми идеями, в их текстах отмечено отсутствие дефиниций используемых терминов и эксплицитно выраженных связей между элементами композиционной структуры текста. В отличие от американских коллег испаноязычные авторы не стремились подчеркнуть свою роль как авторов публикации; они также редко прибегали к однозначному обозначению авторской позиции, всячески избегали ситуаций, которые могли бы спровоцировать критическое осмысление излагаемых в статье данных и сделанных в результате проведенного исследования выводов. В результате сопоставительного исследования английского языка испанских и американских научных публикаций Lafuente-Millan и др. пришли к выводу, что основные наблюдаемые различия в оформлении научных публикаций на английском языке американских и испаноязычных ученых обусловлены в первую очередь базовыми интенциями авторов, усвоенными в процессе обучения. Так, для испанских авторов научных публикаций это ориентированность на восприятие публикуемых текстов более ограниченным и более гомогенным в отношении принятых норм научного дискурса национальным научным сообществом, в отличие от ориентированности на глобального, интернационального адресата статей американских ученых. Поэтому авторы сопоставительного исследования приходят к выводу об определяющем влиянии жанровых стилистических норм национального языка (в данном случае испанского) при использовании англоязычных языковых средств, а также отражение глобального статуса в научной коммуникации английского языка. Аналогичные результаты были получены при изучении языковых средств цитирования и оформления ссылок на использованную литературу в англоязычных науч-

ных публикациях итальянских и английских авторов. В частности, утверждается, что итальянские и английские ученые существенно различаются по частотности использования личных местоимений, безличных глаголов, глагольных форм страдательного залога и т.п. референциальных показателей, что объясняется, по мнению авторов исследования, доминированием итальянских норм академического дискурса и исторически обусловленными различиями в понимании целей и задач научной публикации (Molino, 2010).

Показательно, что англоязычные научные коммуникативные практики, сформировавшиеся в восточнославянском языковом ареале, также достаточно рано привлекли внимание исследователей. Считается, что они предоставляют материал для сопоставительного изучения лингвистических моделей, сложившихся в условиях относительной информационной изоляции (особенно в области гуманитарного знания) научных сообществ СССР и стран Восточной Европы, с одной стороны, и западноевропейской и американской науки – с другой. Вместе с тем, несмотря на несомненное влияние экстралингвистических факторов на стиль научных публикаций на английском языке, авторами которых были русскоязычные ученые из СССР, сводить все различия только к влиянию политических факторов представляется неправомерным. О некорректности упрощенного социокультурного подхода к объяснению различий в научной речи на английском языке носителей и не носителей языка предупредила Татьяна Яхонтова (T. Yakhontova), которой принадлежит серия исследований по междисциплинарному сопоставлению языка научных публикаций английских, русских и украинских авторов (Yakhontova, 2006). Яхонтова показала, что важную роль в академическом дискурсе, независимо от родного языка автора, играют в первую очередь международные стандарты и нормы представления научного знания. Отметим также, что в последнее время влияние стандартов, регламентирующих композиционно-содержательные модели научной статьи, еще более усиливается. Например, общеизвестный стандарт оформления научной публикации IMRAD, или AIMRAD, который был разработан и изначально рекомендован Национальным американским институтом стандартов в 1972 г. в качестве базового стандарта для научных публикаций в биологии и медицине, распространился сегодня и на все другие научные дисциплины.

Поскольку в качестве материала для своих исследований Яхонтова брала англоязычные научные публикации в двух в неко-

тором роде противоположных научных областях – в прикладной математике и в прикладной лингвистике, – авторами которых были английские и американские ученые и ученые из России и Украины, ею был выявлен набор признаков, которые могут быть соотнесены с зависимостью лингвистического оформления публикации от конкретной научной дисциплины. Например, было обнаружено, что в отношении языковых особенностей изучаемых текстов весь корпус статей по прикладной лингвистике распадался на три группы, которые имели существенное сходство в лингвистическом оформлении: (1) публикации по прикладной лингвистике русскоязычных и украинских ученых, (2) такие же публикации по прикладной математике и (3) публикации англоязычных авторов по математике. По мнению автора, это свидетельствует о большей кодифицированности языковых моделей научной речи в естественно-научной сфере по сравнению с гуманитарным знанием, подтверждая, таким образом, гипотезу о зависимости языка научной публикации от особенностей представления информации в той или иной научной дисциплине.

Еще одним значимым результатом сопоставительного исследования языка научного дискурса, проведенного Яхонтовой, стало выявление особенностей англоязычного научного текста, которые связаны не столько с универсальными глобальными стандартами или с определенной научной дисциплиной, в русле которой создана публикация, но с исторически сложившимися национальными стандартами научной письменной речи, принятыми в том или ином научном сообществе. С учетом особенностей научных текстов, обусловленных конкретной научной дисциплиной, Яхонтова приходит к выводу о несомненном кросс-дисциплинарном и достаточно существенном влиянии норм родного языка авторов научных публикаций, которое проявилось в целом ряде общих базовых параметров текста.

В качестве одного из наиболее заметных дифференцирующих признаков, связанных, по мнению Яхонтовой, с дискурсивными моделями, принятыми в той или иной языковой культуре, отмечается более подробный, фактографический, а также более перспективный и в некоторой степени «рекламный» стиль работ английских авторов, в отличие от нейтрального по модальности, объективизированного жанра доклада (отчета), который использовали авторы из России и Украины. Особенно ярко это проявилось в лингвистическом оформлении аннотаций: если текст украинских

авторов соответствовал композиционно-стилевым схемам детального отчета о результатах научного исследования, то аналогичные по жанру публикации англоязычных ученых чаще всего представляли собой беглый очерк отдельных аспектов проделанной работы, которые предлагалось более подробно рассмотреть в последующем тексте; при этом английские тексты отличались также явно выраженной «саморекламой», особенно заметной в лингвистических текстах, что не допускалось в славянском научном дискурсе. Известно, что в отношении авторской «саморекламы» в научном тексте, отсутствие которой в публикациях советских ученых было замечено достаточно давно, неоднократно высказывалось мнение, что этот параметр научного дискурса отсутствовал в СССР из-за «нерыночности» экономики и фактического отсутствия конкуренции в полностью регулируемой государством научной сфере. Однако проведенное Яхонтовой исследование, а также аналогичные исследования, проведенные впоследствии на материале других языков¹, не подтверждают эти наблюдения, поскольку эти особенности, по-видимому, более зависимы от той или иной научной дисциплины, а не от родного языка авторов.

В итоге как сама Яхонтова, так и другие исследователи лингвистических особенностей англоязычного научного дискурса, пришли к выводу, что для понимания особенностей современного англоязычного научного дискурса необходимо изучать специфику коммуникации, исторически сформировавшуюся в разных академических культурах и в отношении различных научных дисциплин. Очевидно, что такие локальные модели являются достаточно устойчивыми благодаря консервативности регламентов научного стиля речи, которая поддерживается и постоянно воспроизводится образовательными и культурными традициями и установками данного сообщества. Показательно также, что для объяснения наблюдаемых междисциплинарных различий в языке научных публикаций по естественным и по гуманитарным наукам в славянском языковом ареале в сопоставлении со статьями американских и английских авторов Яхонтова апеллирует к более интенсивному информационному обмену в области естественных наук как наименее идеологизированной сфере духовной жизни общества в странах социалистического лагеря в эпоху информационной изо-

¹ Аналогичные данные были получены при сопоставлении англоязычных научных публикаций испанских и американских ученых (Duenas, 2007). – *Прим. авт.*

ляции. Поэтому она выдвигает гипотезу, что расширение и ускорение такого обмена через освоение мировым научным сообществом новых форм и средств, в первую очередь электронных цифровых медиа, может существенно повлиять на принятые дискурсивные практики и будет способствовать выработке новых лингвистических моделей научной коммуникации. Сейчас уже можно констатировать, что это предсказание получило возможность реализации – в первую очередь в результате возникновения и распространения специализированных профессиональных научных социальных сетей – *академических социальных сетей* (Academic social networking sites, или Academic SNSs).

Социальные сети являются сегодня одним из самых мощных средств глобальной и локальной культурной интеграции, в которых консолидирующую роль играет язык общения. Научные социальные сети, в которых английский язык преобладает как основное средство информационного обмена, становятся, таким образом, главной площадкой для формирования полноценного лингва франка науки на базе английского языка. Поэтому влияние специализированных профессиональных научных социальных сетей на выработку новых коммуникативных практик в глобальном научном дискурсе трудно переоценить. Высказывается даже мнение, что они вообще «изменяют весь научный процесс таким образом, который невозможно полностью предугадать» (Noorden, 2014, p. 126). К основным системообразующим академическим социальным сетям, которые были запущены в 2008 г. и очень быстро превратились в глобальные интернет-проекты с многомиллионной аудиторией, относятся ResearchGate (более 11 млн пользователей), Academia.edu (более 48 млн участников) и Mendeley (4,6 млн пользователей) (по данным Wikipedia.org). Эти три основные профессиональные научно-образовательные социальные сети принято называть «большой тройкой» – «big three», формирующей костяк современного научного информационно-коммуникативного пространства. Сегодня эти социальные сети фактически стали главным мультифункциональным онлайн-интернет-сервисом, сконцентрированным на предоставлении информационной поддержки научно-исследовательской деятельности в глобальном масштабе (Oh, Jeng, 2011). Поэтому они представляют особый интерес для исследователей, поскольку в них на практике выбатываются новые стандарты коммуникации в мультинациональном научном сообществе и формируются эталонные компьютерные

средства их поддержки, в том числе на базе английского языка как основного языка современных академических социальных сетей.

Несмотря на периодически высказываемый скептицизм по отношению к феномену профессиональных научных социальных сетей¹, практически все исследователи отмечают их уникальные возможности для управления информационными потоками и формирования нового знания, что нашло отражение в представлении социальных сетей как некоего эксплицитного выражения «коллективного разума» (Lévy, 1997). Структурную основу информационного наполнения академической социальной сети составляет профессиональный «профиль» ученого и формируемый всеми участниками сети общедоступный репозиторий научных материалов (как опубликованных статей, препринтов, так и рукописных материалов, экспериментальных протоколов и предварительных данных исследований), которые могут сопровождаться профессиональными комментариями и развернутыми рекомендациями специалистов. Кроме того, в современных сетях предоставляется возможность импортировать данные из внешних по отношению к социальной сети электронных библиотек и репозиториев, формировать в индивидуальных цифровых библиотечных ресурсах списки использованной литературы на основе автоматически генерируемых перекрестных ссылок, а также отслеживать статистику прочтения и цитирования публикаций. Эти функции являются обязательными для любой научной социальной сети, однако в последнее время к ним добавился целый ряд новых полезных дополнительных сервисов, способствующих активизации информационного обмена и переводящих его в более личную, индивидуальную плоскость.

Одним из таких специфических сервисов академической социальной сети, который может значительно ускорить процессы глобализации научного знания и способствовать лингвистической гомогенизации, является возможность задать вопрос и опубликовать ответ на вопрос, заданный пользователями сети, в общедоступной ленте «вопросов – ответов». Благодаря этому любой участник сети может получить квалифицированный ответ на вопрос о содержании тех или иных научных терминов и концептуальных понятий, которые, в силу исторического развития, получили раз-

¹ Критике подвергаются прежде всего вопросы охраны авторских прав и легитимность общей бизнес-модели профилированных социальных сетей (Duffy, Pooley, 2017). – *Прим. авт.*

ную интерпретацию в рамках различных национальных научных школ. Заметим, что актуальность решения такого рода проблем неоднократно обсуждалась в российской лингвистической науке, в частности, в качестве примера приводилось различие понятий «концепт», «concept», «das Konzept» в российской, американской и немецкой когнитивистике и другие подобные случаи, которые не способствуют установлению взаимопонимания между учеными разных стран и поэтому требуют особого внимания в преподавании (Томская, 2011). Не удивительно, что именно «вопросно-ответная» функция академической социальной сети, по данным специального опроса, проведенного журналом «Nature», является сегодня наиболее востребованной. Эта функция единодушно признана специалистами одним из самых эффективных средств для формирования единого концептуального, терминологического и лингвистического базиса как научного дискурса в целом, так и для обмена информацией в конкретной научной дисциплине, независимо от национальной и территориальной принадлежности участников коммуникации.

Возможности социальных сетей оказались востребованы глобальным научным сообществом, о чем свидетельствует чрезвычайно быстрый рост числа их участников. Симптоматично, что особенно интенсивно, как показывает статистический анализ пользовательской активности, такими социальными сетями пользуются студенты, аспиранты и докторанты, что ставит эти ресурсы в особое положение по отношению к современному образовательному процессу. Специализированные социальные сети могут рассматриваться не только как мультидисциплинарная онлайн-научная библиотека, эффективный справочный ресурс и площадка для научных дискуссий, но и как новая эффективная модель виртуального образовательного пространства (Virtual Learning Environment – VLE), отвечающего потребностям самого широкого круга членов профессиональных сообществ. В частности, специализированные социальные сетевые сервисы уже доказали сегодня свою эффективность на стадии формирования базовых образовательных и исследовательских знаний и навыков, а именно: умения использовать английский язык для поиска и отбора релевантной и актуальной информации, овладения навыками критического осмысления и анализа англоязычного научного дискурса, представляющего разные региональные научные школы и течения, освоения алгоритмов и технологий совместной работы в мультязычной

среде, умения делиться информацией, корректно вести дискуссию на языке-посреднике и других необходимых в условиях информационной глобализации коммуникативных компетенций (Кедрова, 2016).

Современные исследования глобального англоязычного научного дискурса подтвердили, что, несмотря на высокую степень кодификации письменного научного текста, национальные стандарты научной речи в значительной мере довлеют над большинством неанглоязычных ученых, публикующих статьи на английском языке. Поэтому можно констатировать, что в современном научном дискурсе, как и на всем пространстве глобального информационного обмена, сосуществуют обе обозначенные в соответствии с идеей *глокализации* тенденции: с одной стороны, стремление к языковой *гомогенизации* на базе английского языка как лингва франка, с другой – *гибридизация*, во многом благодаря которой появляется возможность сохранения лучших традиций национальных научных школ и научных направлений. Вопрос о том, как может в будущем измениться баланс между этими тенденциями, остается открытым. Однако уже сейчас в мировом научном сообществе высказывается мнение, что совершенно не обязательно «подгонять» под англоязычные нормативы национальные стандарты научной речи и тем самым менять доказавшие свою эффективность традиционные нормы оформления научных текстов, как предлагают некоторые исследователи, но что необходимо в равной степени учитывать интересы всех участников коммуникации, каждый из которых может привнести в эту сферу свои лингвистические наработки и тем самым расширить общий инвентарь языковых средств данного жанра. Ведущую роль в этом процессе могут сыграть академические социальные сети, поскольку именно в этой коммуникативной среде, благодаря постоянно идущему межличностному общению, проходит сегодня формирование и становление новых стандартов англоязычного научного стиля.

Список литературы

- Кедрова Г.Е. Профессионально-ориентированные коммуникативные сервисы Веб 2.0 как основа научно-образовательной виртуальной среды нового типа: (На примере специализированных профессиональных социальных сетей) // Вестн. РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. – М., 2016. – № 4(6). – С. 103–118.

- Мечковская Н.Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – 2-е изд. – М., 2001. – 312 с.
- Томская М.В.* Национально-культурный аспект научной коммуникации // Вестн. МГЛУ. – М., 2011. – Вып. 19 (625). – С. 49–57.
- Шкапенко Т.М.* Англо-американское междометие «вау» в современном русском языке // Вестн. РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М., 2016. – № 4. – С. 141–149.
- Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse. – L., 2009. – 275 p.
- Crystal D.* English as a global language. – 2 nd ed. – Cambridge, 2003. – 491 p.
- Dahl T.* Author identity in economics and linguistics abstracts // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse. – Amsterdam; Philadelphia, 2009. – P. 123–135.
- Duenas P.-M.* Citation in business management research articles: A contrastive (English-Spanish) corpus-based analysis // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse. – Amsterdam; Philadelphia, 2009. – P. 49–60.
- Duenas P.-M.* ‘I/we focus ony’: A cross-cultural analysis of self-mentions in business management research articles // J. of English for acad. purposes. – 2007. – Vol. 6. – P. 143–162.
- Duffy B.E., Pooley J.D.* «Facebook for Academics»: The convergence of self-branding and social media logic on Academia.edu // Social Media + Society. – 2017. – January-March. – P. 1–11.
- Hyland K.* Academic publishing and the myth of linguistic injustice // J. of second lang. writing. – 2016. – Vol. 31. – P. 58–69.
- Jacquemet M.* Transidiomatic practices: Language and power in the age of globalization // Lang. a. communication. – 2005. – Vol. 25. – P. 257–277.
- Janik C.* Marking of evidentiality // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse. – Amsterdam; Philadelphia, 2009. – P. 19–32.
- Kraidy M.* Hybridity, or the cultural logic of globalization. – Philadelphia, 2005. – 232 p.
- Kuppens A.H.* Cultural globalization and the global spread of English: From separate fields, similar paradigms to a transdisciplinary approach // Globalizations. – 2013. – Vol. 10, N 2. – P. 327–342.
- Lafuente-Millan E., Mur-Duenas P., Lores-Sanz R.* Interpersonality in written academic discourse: Three analytical perspectives // Constructing interpersonality: Multiple perspectives on written academic genres. – Cambridge, 2010. – P. 337–356.
- Lévy P.* Collective intelligence: Mankind’s emerging world in cyberspace. – Cambridge (Mass.), 1997. – 120 p.
- McLuhan M.* The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. – Toronto, 1962. – 275 p.
- McLuhan M.* Understanding media: The extensions of man. – Cambridge; L., 1995. – 355 p.
- McLuhan M.* War and peace in the Global village. – N.Y. etc., 1968. – 192 p.
- Molino A.* Personal and impersonal authorial references: A contrastive study of English and Italian linguistics research articles // J. of English for acad. purposes. – 2010. – Vol. 9, Iss. 2. – P. 86–101.

- Noorden R., van.* Scientists and the social networks // *Nature*. – 2014. – Vol. 512, N 14. – P. 126–129.
- Odegova O.V., Zabulionite K.-A.* Linguacultural globalization: Objective tendencies and the perspective issue // *Procedia – Social a. behavioral sciences*. – 2014. – Vol. 154. – P. 475–481.
- Oh J., Jeng W.* Groups in academic social networking services: An exploration of their potential as a platform for multidisciplinary collaboration // *Proceedings of IEEE Third Intern. conference on social computing (Social Com)*. – Taipei, 2011. – P. 245–248.
- Pennycook A.* Global Englishes and transcultural flows. – L., 2007. – VIII, 189 p.
- Robertson R.* Globalisation or glocalisation? // *J. of intern. communication*. – 2012. – Vol. 18, N 2. – P. 191–208.
- Ter-Minasova S.G.* The dialectics of international communication // *Procedia – Social a. behavioral sciences*. – 2014. – Vol. 154. – P. 8–13.
- Tong H.K., Cheung L.H.* Cultural identity and language: A proposed framework for cultural globalisation and glocalisation // *J. of multilingual a. multicultural development*. – 2011. – Vol. 32, Iss. 1. – P. 55–69.
- Wei L.* New Chinglish and the post-multilingualism challenge: Translanguaging ELF in China // *J. of Engl. as a lingua franca*. – 2016. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 1–25.
- Yakhontova T.* Cultural and disciplinary variation in academic discourse: The issue of influencing factors // *J. of Engl. for acad. purposes*. – 2006. – Vol. 5. – P. 153–167.
- Zemlanaja N.* On manifestations of the influence of globalization on Polish and Russian languages: Research intentions // *Slavia orientalis*. – 2016. – Vol. 65, N 1. – P. 131–145.

Е.Г. Беляевская

**ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ
НА НАУЧНУЮ КОММУНИКАЦИЮ:
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ**

Аннотация. Как показывают исследования в рамках контрастивной риторики (Contrastive Rhetoric), для разных языковых семей, а также для разных географических ареалов характерны культурно-специфичные особенности в организации смысловой структуры абзаца и смысловой структуры текста аргументации. Отмечается тенденция к унификации научного изложения под влиянием формальных требований к англоязычному аргументативному дискурсу, направленных на нивелирование национально-культурных различий в эссе и в стиле научной прозы.

Процессы глобализации, особенно активно протекавшие в последней трети XX в. (о глобализации см. (Scholte, 2000)), существенным образом изменили статус английского языка, который превратился из одного из языков межнационального общения, в практически единственный доминирующий язык-посредник. При этом английский язык проникал и все больше проникает в те сферы, которые раньше считались культурно-специфичными, т.е. требующими использования только национального языка. Особенно это заметно, когда общественные деятели и даже лидеры европейских (и не только европейских) стран в большинстве случаев дают интервью в средствах массовой информации на английском языке.

На первый взгляд может показаться, что в сфере науки влияние английского языка аналогично тому влиянию, которое он оказывает в других сферах. Действительно, на научных конференциях, независимо от того, в какой стране эта конференция проводится,

английский язык обычно присутствует в качестве рабочего языка, но на деле оказывается, что все заседания проводятся именно на английском языке.

Ведение научной дискуссии, подготовка научных публикаций, выступление на международной научной конференции считаются культурно-универсальными. Предполагается, что все эти виды научной деятельности обусловлены только особенностями соответствующей науки и общими законами логического изложения. Однако, как показывают исследования последних лет, стилевые нормы научной прозы в английском языке существенно отличаются от соответствующих параметров в других языках, в частности в русском, и, кроме того, в разных языках различаются модели аргументации и принципы построения научного текста. Таким образом, переход на английский язык в научных изданиях и на научных конференциях может оказать более серьезное, системное влияние на конструирование научного текста и презентацию научных результатов в ходе межкультурной научной коммуникации.

Подобное утверждение кажется весьма странным, поскольку совершенно очевидно, что закономерности развития наук не связаны с тем языком, который является родным для исследователя. Именно поэтому проблема изучения культурно-специфичных особенностей научной аргументации не сразу привлекла внимание исследователей. Толчком к ее рассмотрению послужил еще один аспект, связанный с глобализацией, – расширение международных научных контактов. С начала 90-х годов XX в. в международные научные издания (подавляющее большинство которых издается на английском языке) стали поступать статьи, написанные учеными из стран Восточной Европы, из России, а также из бывших республик Советского Союза. При этом обнаружилась одна особенность, ранее отмеченная редакторами подобных научных изданий в отношении статей ученых из стран Западной Европы, Азии и Африки, написанных на английском языке.

Специалисты из разных стран, предлагавшие научные статьи на неродном для них английском языке, никак не могли считаться людьми, плохо знающими английский язык. Многие из них долгое время провели в Великобритании и США, работая бок о бок с коллегами – носителями английского языка. У них не было того, что обычно называют «языковым барьером»; уровень их владения английским языком определялся как самый высокий, и вполне естественно, что ни грамматических, ни лексических, ни терминологических

гических ошибок в предлагаемых ими текстах статей не было. Тем не менее редакторы каждый раз отмечали, что статьи были написаны как бы «не по-английски», и просили авторов «поработать над языковой стороной» поданных ими текстов.

Когда парадоксальный факт *очень хорошего владения английским языком и одновременного «неумения» написать приемлемый текст научной статьи по специальности на английском языке* привлек внимание исследователей, он поначалу казался абсолютно необъяснимым. Анализ проблемы подводил к выводу о том, что логическая организация научного текста в разных языках может быть разной.

Мысль о том, что не только устная (бытовая) коммуникация, но и общая логика изложения, а также принципы составления текстов разных стилей и жанров обладают национально-культурной спецификой, была впервые высказана еще в 1966 г. американским ученым Робертом В. Капланом в его статье «Культурно специфичные модели изложения мысли и обучение иностранному языку» (Kaplan, 1966). Р. Каплан использовал в качестве материала исследования эссе, написанные студентами разных национальностей, изучающими английский язык. Результаты анализа позволили ему высказать революционную по тем временам мысль о том, что *следует анализировать не столько национально-культурную специфику отдельных высказываний, сколько национально-культурную специфику всего текста*. Продолжая эту идею, Р. Каплан высказал предположение о том, что формы выражения мысли могут быть различными в разных языках. Р. Каплан утверждал, что логика развертывания информации и принципы формирования текстов на том или ином языке – явления взаимосвязанные. Более того, он считал, что «в каждом конкретном языке последовательность развертывания мысли тесно связана с общим грамматическим строем языка» (Kaplan, 1966, p. 4).

Данная концепция, которая в дальнейшем получила название сопоставительной риторики (Contrastive rhetoric) (Connor, 1996), первоначально основывалась на изучении структуры абзаца как отражения логики построения текста и развертывания аргументации, позволяющей транслировать основную идею речевого сообщения получателю информации. Исследование показало, что для разных групп родственных языков характерны разные структуры абзацев. Всего (на этом этапе) было выделено пять разных типов конструирования абзаца.

Структура английского абзаца описывается как линейная, идущая от основного тезиса, формулируемого в самом начале и фиксирующего основную идею абзаца, к примерам, которые подтверждают, т.е. доказывают эту основную идею. Графически этот тип абзаца можно представить как стрелку, идущую вертикально вниз без отступлений от основной логики изложения.

В отличие от английского языка в романских языках в структуре абзаца допускаются отступления от основного прямого доказательства – дополнительные примеры, параллели и рассуждения, лишь косвенно связанные с тем тезисом, который подлежит доказательству. Система доказательства в русском языке и, соответственно, конструкция абзаца близка к модели, характерной для романских языков, но допускает еще большие отступления от прямой логической структуры изложения и может включать соображения, связанные с доказываемым тезисом только по ассоциации. В свою очередь, в семитских языках система аргументации напоминает конструкцию, состоящую из ряда параллельных доказательств, причем каждый последующий аргумент опирается на предыдущий и остается неразрывно связанным с ним, но продвигает доказательство на шаг вперед. Языки, которые Р. Каплан называет «восточными» (Oriental), конструируют абзац «циклически», т.е. автор текста возвращается к основной идее абзаца несколько раз, каждый раз добавляя к доказательству некоторую новую информацию. Структуру такого абзаца можно представить в виде спирали с последовательно расширяющимся информационным полем (Kaplan, 1966; Connor, 1996, p. 14–16).

Следует отметить, что исследование Р. Каплана носило ограниченный характер и сформулированные им выводы относительно структуры абзаца в разных культурах было значительным упрощением. Тем не менее демонстрация того, что абзацы в разных языках строятся в соответствии культурно-специфичными моделями, послужила толчком для дальнейших исследований в этом направлении.

Сопоставительное изучение закономерностей изложения материала и особенностей аргументации в разных языковых системах дало очень интересные результаты.

Так, например, Т. Сильва суммировал данные по изучению особенностей письменной речи в английском языке, а также еще в 27 других языках (Silva, 1993). Эти материалы в значительной степени относятся к тем языкам, носители которых составляют основной контингент обучающихся английскому языку в США;

имеются материалы по организации аргументации в арабском, китайском, японском, корейском, немецком, финском, испанском и чешском языках.

В арабском языке и других семитских языках наиболее предпочтительным считается стиль письменного изложения, основанный на цепочках сложносочиненных предложений. В английском языке информацию о том, что «мальчик пришел и выпил молоко», можно передать несколькими способами. Можно сказать: The boy was here, and he drank the milk (*здесь был мальчик, и он выпил молоко*), или The boy was here. He drank the milk (*Здесь был мальчик. Он выпил молоко*), или The milk was drunk by the boy who was here (*Молоко было выпито мальчиком, который был здесь*). В арабском языке предпочтительным является вариант типа: *Мальчик пришел сюда, и он был здесь, и он выпил молоко*. Именно таким образом строится и абзац в арабском языке. Подобный стиль изложения легко представить себе, если вспомнить тексты Библии в переводе на русский или на английский язык: «и пошел он..., и видел он..., и сказал он...».

Арабы, пишущие на английском языке, в большинстве случаев следовали письменной традиции своего родного языка и начинали каждую новую мысль с некоторого обобщающего утверждения; также в соответствии с письменной традицией арабского языка они заканчивали абзац (или группу абзацев, развивающих одну мысль) каким-либо поучительным выводом или пословицей.

Более частные исследования показали, что в текстах, написанных арабами на английском языке, встречается значительно больше повторов, чем в текстах, составленных носителями английского языка. В арабских текстах, построенных на аргументации, присутствуют повторы морфем, лексические повторы (т.е. повторы слов и словосочетаний), а также повторы целых фраз и текстовых блоков (см. также: (Ostler, 1987)).

При анализе материалов, описывающих особенности системы аргументации в китайском языке, можно констатировать, что эта система весьма своеобразна и совсем не похожа ни на европейскую, ни на арабскую. В китайском языке эссе имеет восьмичастную структуру, включающую в себя «начало» (введение), «усиление», «предварительную экспозицию», «первый аргумент», «второй аргумент», «третий аргумент», «последний аргумент» и «заключение». Наиболее важной частью является вторая часть ченг-ти (усиление – amplification). В этой части автор составляемого письменного тек-

ста описывает тему своего сообщения и эксплицитно высказывает основную идею, которую он будет далее развивать.

Китайцы, пишущие на английском языке, обычно воздерживаются от высказывания своих личных взглядов и оценок, от упоминания своих чувств и переживаний. Американские исследователи – преподаватели английского языка оценивают эссе, написанные студентами-китайцами, изучающими английский язык, как туманные и описывают форму представления материала читателю как «непрямую» (indirect). С точки зрения европейского читателя в текстах аргументации, написанных на английском языке студентами-китайцами, аргументы и доказательства оторваны от самих тезисов, в них часто присутствует повествование и описание некоторых событий, не относящихся прямо к теме сочинения, и, кроме того, отдельные тезисы кажутся мало связанными между собой.

Система аргументации, характерная для японского языка, напоминает китайскую, однако имеет и некоторые отличия. Эссе в японском языке строятся по четырехчастной модели, причем введение, изложение основной идеи, доказательство и заключение связаны между собой ассоциативными связями. Читатели-европейцы часто говорят, что такие тексты бессвязны, в них не выделена главная мысль, а отдельные абзацы никак не соотносятся между собой.

У японских текстов есть еще одна особенность, которая оказывается неожиданной для читателей-европейцев. Дело в том, что в европейской традиции принято различать две основные системы доказательства – *индуктивную* и *дедуктивную*. Для английского языка характерна дедуктивная система доказательства; индуктивная система доказательства встречается намного реже. В японской традиции обычно встречается или индуктивная система доказательства, или некий симбиоз индуктивной и дедуктивной аргументативной систем, когда основной тезис располагается в середине текста и подается в неявном виде. Кроме того, в японской аргументативной системе нарушается принятый в западноевропейской традиции принцип «необходимого объема доказательств». Этот принцип гласит, что для доказательства каждого тезиса необходимо приводить *только те аргументы-доказательства, которые абсолютно необходимы для его экспликации*. Предполагается, что слишком большое количество аргументов «перегружает» изложение и делает текст скучным и монотонным, поскольку читателю уже давно все понятно, а автор текста все продолжает доказывать уже всем ясное положение.

Для корейского языка в целом характерны те же особенности аргументативного изложения, что и для китайского и японского языков. Студенты-корейцы, пишущие по-английски, используют квазииндуктивный стиль изложения, рассмотренный нами выше. Они также стараются расположить основной тезис в середине или в конце текста, используют более обширный доказательный материал, чем это необходимо, и часто прибегают к обобщенным и в определенной степени расплывчатым формулировкам.

Проведенные сопоставительные исследования письменных компетенций студентов-корейцев позволили получить один неожиданный результат, свидетельствующий о том, что проблема различий в системах аргументации, а также различий в последовательности развертывания мысли в текстах аргументации выходит далеко за рамки чисто практических потребностей обучения принципам составления текста на английском языке. У. Эггингтон (Eggington, 1987), изучавший типичные ошибки корейских студентов при составлении ими текстов эссе, неожиданно обнаружил, что линейная система доказательств, принятая в европейской аргументативной традиции, не позволяет студентам-корейцам полностью извлекать информацию из текстов, написанных на английском языке, т.е. адекватно *понимать* англоязычные тексты. Эти данные позволяют предположить, что ***система аргументации и развертывания мысли, принятая в том или ином языке, существенно влияет не только на конструирование абзаца и текста, но и на процессы запоминания информации и процессы понимания.***

Выше мы рассматривали данные об особенностях систем аргументации, принятых в тех языках, где в силу географического положения и культурно-исторических причин можно было ожидать существенных отличий от западноевропейской традиции. Возникает вопрос: следует ли считать, что в основных европейских языках реализуются одна и та же система аргументации и одни и те же принципы организации аргументативного дискурса? Иными словами, имеются ли существенные различия в принципах дискурсивного развертывания мысли в основных европейских культурах?

Данные научных исследований свидетельствуют о том, что и здесь наблюдаются значительные расхождения.

Немецкий язык представляет особый интерес прежде всего потому, что принципы аргументации, характерные для этого язы-

ка, в том числе и по историческим причинам, наиболее близки к закономерностям русского языка.

М. Клайн (Clune, 1987), который одним из первых провел сопоставление подходов к аргументации в английском и в немецком языках, пришел к выводу о том, что в англоговорящих странах основное внимание уделяется *форме текстов аргументативного дискурса*. Это означает, что при написании эссе предлагается выдерживать достаточно жесткую структуру: определенным образом начинать текст, во втором абзаце обязательно четко формулировать основной тезис, далее коротко представлять аргументы, подтверждающие основной тезис, упоминать возможные контраргументы и коротко формулировать основные выводы. Содержанию во многих случаях уделяется меньше внимания.

В отличие от англоязычной в немецкоязычной традиции основное внимание уделяется *содержанию*. Предполагается, что недостаточно четкое и последовательное изложение материала может быть минимизировано читателем, который должен сам восполнить недостающие логические звенья.

На чисто формальном уровне отличие немецкоязычных эссе от англоязычных эссе проявляется в том, что в англоязычных текстах реализуется большое количество соединительных элементов – наречий, союзов и устойчивых словосочетаний, указывающих на связь отдельных участков текста и на направление хода мысли автора. В немецких текстах подобные «формальные опоры» очень немногочисленны, а зачастую и вовсе отсутствуют.

Немецкий язык, который почти до середины XX в. был языком европейской науки, оказал огромное влияние на формы научной аргументации стран как Западной, так и Восточной Европы. Поэтому исследования, посвященные анализу научных текстов в английском языке в сопоставлении с чешским, испанским, финским и другими языками, приходят к тем же выводам, что и М. Клайн, который изучал материал немецкого языка.

Особый интерес представляет работа И. Вентола и А. Моранена (Ventola, Mauranen, 1991), материалом для которой послужили статьи, написанные финскими и шведскими физиками на английском языке и присланные в международные журналы для опубликования. Вентола и Моранен сравнивали три текста: во-первых, это был оригинальный текст, написанный автором, для которого английский язык не являлся родным; во-вторых, исследовался текст оригинальной статьи, исправленный редактором –

носителем английского языка; и, наконец, в-третьих, анализу подвергался текст, написанный носителем английского языка. Для получения этого «третьего» образца для сравнения физикам – носителям английского языка предлагались фразы из оригинального (исходного) текста и задавался вопрос: как бы вы сами выразили эту мысль, если бы вы писали статью на данную тему?

Целью исследования являлось определение того, что можно считать адекватным и что можно считать приемлемым в тексте научной статьи, написанном специалистом, который не является носителем английского языка. Некоторые результаты были вполне предсказуемыми: оказалось, что финны и шведы (авторы статей) испытывали некоторые затруднения в использовании артиклей, в использовании синонимов, а также в выборе отдельных грамматических конструкций – типичные трудности студентов, изучающих английский язык.

Другая группа проблем, возникающих у «не-носителей» английского языка, составляющих текст научной статьи, касалась «манеры» изложения научного материала и во многом оказалась несколько неожиданной для Вентолы и Моранена. Исследователи отмечали, что основной проблемой для авторов оригинальных текстов научных статей являлось то, что во многих случаях они не умели «логично» соединять отдельные предложения и целые текстовые блоки в единое целое. Основную причину такого положения дел Вентола и Моранен увидели в нарушении тема-рематической организации текста. Авторы даже отметили, что, по их мнению, соединение отдельных фраз в англоязычных текстах, написанных финнами и шведами, осуществлялось по принципу, который можно было бы назвать «принципом свободных ассоциаций или принципом потока сознания» (Ventola, Mauranen, 1991, p. 484).

Важно отметить, что тема-рематическая структура каждого отдельного предложения в тексте должна соответствовать общей тема-рематической структуре этого текста (Слюсарева, 1981). Именно эту особенность организации всего текста, по мнению Вентолы и Моранена, и нарушают специалисты-физики, когда они формируют текст научной статьи на неродном для них английском языке. Финны и шведы, пишущие на английском языке, как бы все время «меняют» тему и рему высказывания в каждом предложении, в результате чего текст становится малопонятным.

Однако представленные далее результаты проведенного Вентолой и Мораненом исследования опровергают предложенное

ими объяснение тех причин, которые делают текст, написанный финном или шведом на английском языке, «нелогичным» в точки зрения читателя – носителя английского языка. Дело в том, что в предпринятом Вентолой и Мораненом сопоставлении текстов, помимо авторов научных статей, для которых английский язык не являлся родным, участвовали *две* группы носителей языка, и сопоставление их «редакции» исходных научных текстов представляет особый интерес. Те носители языка, которым в рамках проводимого эксперимента предлагалось отредактировать исходный текст, в основном обращали внимание на «технические» ошибки и исправляли артикли, орфографические ошибки, единственное / множественное число существительных, грамматические формы времени и неправильное употребление предлогов. В свою очередь, редакторы, которым предлагалось изменить текст «по своему усмотрению», меняли текст весьма кардинально, и последующий анализ показал, что основной целью вносимых ими изменений, по их собственным словам, было «сделать текст более естественным и, следовательно, более удобным для чтения». Приведем примеры. В исходном тексте присутствовал следующий абзац:

Welder's age and welding experience distributed normally, but the luminance viewed through filter plates distributed log-normally (fig. 1). The latter was expected, because the glare sensation is known to be a logarithmic function of the source luminance.

Первый редактор – носитель английского языка предложил слегка измененный вариант:

Welder's age and welding experience distributed normally, but the luminance viewed through filter plates distributed log-normally (fig. 1). The latter was expected, because the glare sensation is known to be logarithmic function of the source luminance.

Отредактированный вариант полностью совпадает с первоначальным (исходным) вариантом, за исключением неопределенного артикля перед словосочетанием *logarithmic function* во втором предложении. Подобная правка показывает, что грамматически представленный выше вариант, написанный физиком-финном, был правильным, т.е. соответствующим грамматическим нормам английского языка. Удаление неопределенного артикля в данном случае не является исправлением грамматической ошибки; скорее это смысловая правка: в исходном тексте говорится о том, что степень яркости является *одной из* логарифмических функций силы света источника, в то время как после правки в этом высказывании ре-

лизуется мысль о том, что *степень яркости является тем, что известно как логарифмическая функция силы света источника.*

Текст второго редактора – носителя языка достаточно существенно отличается от первоначального авторского варианта (сохраненные элементы исходного текста отмечены жирным шрифтом):

*In the present study **the welder's age and welding experience were found to be normally distributed.** Furthermore, as figure 1 shows, the luminances which were **viewed through filter plates** were **distributed log-normally.** This could be expected, because it is known that **glare sensation is a logarithmic function of the source luminance.***

Чем же отличается данный текст от исходного текста? В нем меняется сам «порядок» развертывания предоставляемой читателю информации. Пишущий как бы «восстанавливает» ход исследования и ход мысли автора. Сначала говорится о тех характеристиках, которые имеют нормальное распределение, затем упоминается предлагаемый читателю график и говорится о характеристиках, которые имеют логарифмически-нормальное распределение, вслед за этим идет авторский комментарий, содержащий оценку полученных результатов: такого распределения можно было ожидать, поскольку оно согласуется с ранее полученными (или ранее известными из специальной литературы) данными.

Представляется, что изменения, внесенные в исходный текст вторым редактором – носителем языка, вряд ли можно объяснить так, как их объясняют Вентола и Моранен, – т.е. через восстановление коммуникативной перспективы предложения и восстановление порядка следования темы и ремы сообщения. Напротив, новая информация и уже известная читателю информация представлена и в исходном, и в отредактированном тексте приблизительно одинаково. Меняется «манера» изложения – в отредактированном тексте она ближе к последовательному «объяснению» того, как автор сообщения приходит к тому выводу, который он предлагает читателю, в то время как в тексте, написанном не-носителями языка, вся информация подается не последовательно, а «кучно», в едином блоке.

Материалы эксперимента, проведенного Вентолой и Мораненом, свидетельствуют о более глубоких причинах, по которым практически безупречные с лексической и грамматической точки зрения тексты научных статей авторов, не являющихся носителями английского языка, воспринимаются английскими и американ-

скими редакторами как «нарушающие нормы английской научной прозы».

Сравнивая систему аргументации в английском языке, с одной стороны, и в других рассмотренных выше языках, с другой стороны, следует отметить, что имеются объективные причины описанных выше различий, связанные с устройством самой системы английского языка.

В качестве основной причины отличий в построении аргументации (и текста аргументации) в английском языке и в других языках можно назвать *разную дискурсивную практику*, характерную для аргументативного (в первую очередь научного) дискурса в рассматриваемых культурах. *В английском языке аргументативный дискурс конструируется как (относительно свободный) диалог с читателем, в то время как в других языках текст аргументации конструируется как изложение и обоснование личной (авторской) точки зрения на рассматриваемую проблему.*

Из различий в прагматических установках проистекают и некоторые следствия. Так, в русском языке автор текста аргументации излагает материал и полученные результаты, избегая прямого обращения к читателю. Носитель русского языка сразу скажет, что фраза типа *«теперь, когда мы с вами рассмотрели, как меняется в течение дня температура окружающего воздуха в данном климатическом поясе, мы можем переходить к сопоставлению температурных колебаний в разных климатических поясах»* скорее характерна для научно-популярного текста, чем для текста научной статьи. Напротив, в англоязычном тексте аргументации автор постоянно обращается к читателю, он может задавать читателю вопросы и указывать на то, что автор и читатель вместе проводят исследование и вместе продвигаются по тексту научной статьи в своеобразном совместном путешествии (*another step to be taken is...; now we turn to...; passing over to...*).

Второй причиной отличий англоязычного научного стиля от, например, научного стиля в русском или в немецком языках является более *жесткая информационная структура научного текста в английском языке и более свободная информационная структура текста в других языках*, в частности в русском и в немецком языках. Свободная информационная структура связана с грамматической избыточностью флективных языков, которая в значительной степени *компенсирует информационные потери*,

возникающие вследствие непоследовательной организации материала.

Тот факт, что грамматические форманты выполняют самостоятельную смысловую функцию, подтверждается и следующим замечанием акад. Л.В. Щербы: «Для подтверждения сказанного попробуем взять текст и уничтожить в нем знаменательные его элементы, оставив только строевые. Текст, конечно, перестанет быть непосредственно понятным, однако строй его фраз при внимательном рассмотрении будет совершенно прозрачен, и стоит подсказать несколько его знаменательных элементов, как общий смысл текста станет ясен» (Щерба, 1974, с. 330). В английском языке отсутствуют грамматические показатели рода, падежа, спряжения, что приводит к усилению роли порядка слов и к необходимости следить за формальными показателями связи между предложениями. Отсюда, по-видимому, и происходит формирование основной риторической модели англоязычной научной аргументации как линейной структуры развертывания мысли, которая по возможности должна избегать каких-либо отступлений, основанных на ассоциации.

Таким образом, в центре внимания в англоязычном тексте научной аргументации находятся формальные принципы его организации, в то время как в других языках (по крайней мере, в тех языках, которые были рассмотрены выше) акцентируются позиция автора текста, его мнение и полученные им результаты. Неслучайно поэтому англоязычные журналы рассылают Style Files – требования к присылаемым статьям, которые в основном описывают фиксированную структуру статьи, где обязательно должны присутствовать такие рубрики, как introduction, previous treatments, experiment, method, results, discussion, conclusion. В настоящее время такая практика (требования к структуре научной статьи) широко распространилась и характерна для очень многих изданий, что также может рассматриваться как одно из проявлений глобализации.

Особенности структурной организации англоязычного научного текста и формы подачи материала в англоязычной научной прозе приводят еще к одному важному следствию – к персонификации научного текста, который *предоставляет информацию, обсуждает, рассказывает* и т.д. (the text / paper presents, discusses, tells, proves, looks at, etc.).

С конца 80-х годов XX в. в лингвистической литературе уже открыто говорят о *глобализации в сфере моделей дискурса* (globalization of discourse patterns) (Connor, 1996, p. 173).

Описанные выше процессы глобализации в области научного изложения подводят к целому ряду вопросов, которые некоторые исследователи называют *дилеммами*.

Прежде всего, отметим одну важную особенность Контрастивной риторики (Contrastive Rhetoric), которую мы до сих пор не акцентировали. Дело в том, что *«неадекватность» текста научной статьи нормам английского языка определяется не на основании каких-либо объективных критериев, а на основании интуитивных ощущений редакторов, для которых английский язык являлся родным.*

Подобная субъективность многими исследователями в мире воспринимается как давление. Совершенно очевидно, что унификация научного изложения – это одной из следствий глобализации. И это, в свою очередь, заставляет многих задаваться вопросом о том, не являются ли жесткие формальные требования к написанию научной статьи на английском языке, предъявляемые ученым, для которых английский язык не является родным, попыткой угодить некоей неведомой научной общественности, привыкшей больше внимания уделять «риторической правильности» и формальным параметрам, а не сущности научных результатов (Aljamhoor, 2001, p. 40).

При этом возникают два вопроса, на которые пока нет ответа. Во-первых: насколько велики различия между системами аргументации и, соответственно, структурой и логикой построения научной статьи в разных языках? И разве самым важным аспектом научной статьи является ее форма, а не проведенное исследование и его результаты? Во-вторых: как быть с возможностями перевода научных статей и эссе с какого-либо языка на английский? Следует ли при этом первоначально перестраивать текст оригинала так, чтобы он соответствовал нормам развития научной мысли, принятым в английском языке? И насколько перевод в таком случае будет «адекватен» оригиналу, и будет ли он вообще «воссоздавать» текст оригинала или станет совсем новым текстовым произведением?

В связи с этим появились исследования, призванные доказать, что различия между языками в аргументативном дискурсе не так уж и велики (Aljamhoor, 2001; Trujillo Sáez, 2001).

Так, испанский исследователь Трухильо Саез провел сопоставление аргументативных текстов, написанных студентами-испанцами на испанском языке и студентами-американцами на английском языке. По мнению этого автора, сопоставление выявило только два существенных (статистически значимых) различия:

в эссе, написанных испанцами, абзацы были значительно длиннее и отмечалось значительно меньшее количество дискурсивных маркеров – соединительных элементов (предлогов и вводных слов), указывающих на логику развертывания информации. Несмотря на то что именно эти параметры на формальном уровне указывают на порядок выдвижения тезисов, объем предоставляемых доказательств (аргументов) и связь высказываний в тексте, Трухильо Саез сделал вывод о практическом совпадении «риторических моделей», т.е. аргументативных структур, в английском и испанском языках. Более того, исследователь подчеркивает, что Контрастивная риторика пока не предоставляет достаточных доказательств того, что аргументативные структуры различаются в разных языках и разных культурах, и указывает на необходимость дальнейшего экспериментального изучения тех гипотез, которые выдвигаются в ее рамках, особо отмечая, что данные Контрастивной риторики не могут использоваться в качестве критериев оценки качества презентации материала в англоязычной научной статье (Trujillo Sáez, 2001, p. 502).

В свою очередь, исследователи, которые проводят исследования в области Контрастивной риторики и для которых родным является арабский язык, прямо говорят о том, что различия в аргументативных дискурсивных практиках, характерных для разных языков и культур, сильно преувеличены (Aljamhoog, 2001). А. Альджамхур, который провел анализ текстов аргументации, написанных арабами по-английски, пришел к выводу о том, что нет оснований для того, чтобы подтвердить базовую для Контрастивной риторики гипотезу о существовании культурно-специфичных моделей формирования аргументативного дискурса. Исследователь полагает, что речь должна идти скорее о разработке более эффективных методов обучения написанию научной статьи на английском языке, чем о поиске различий в ментальных формах представления информации в разных культурах.

Последний аспект представляется наиболее важным, поскольку многие лингвисты, опираясь на первые результаты экспериментов Р. Каплана и его последователей, сразу поспешили поставить знак равенства между мысленным содержанием (ходом развития мысли) и тем, как это отражается в письменной форме. Иными словами, многие были склонны считать, что если человек, говорящий на английском языке, строит абзац, переходя от основной идеи к доказательствам, т.е. по простой логической цепочке,

то он и мыслит подобным образом. По аналогии, если человек строит абзац «циклически», т.е. возвращается к основной идее абзаца несколько раз, каждый раз добавляя к доказательству некоторую новую информацию, то и его подход к обдумыванию проблемы конструируется по такой же модели. Это утверждение является не только упрощением, но и существенной вульгаризацией идей Контрастивной риторики.

Тем не менее дилемма, возникшая в связи с унификацией научного изложения, остается. С одной стороны, научные статьи, написанные на английском языке и посылаемые в англоязычные научные издания, должны, по определению, соответствовать нормам англоязычного научного стиля. С другой стороны, такая практика существенно сужает возможности демонстрации научных традиций разных стран и, возможно, затрудняет доступ к научной информации, поскольку, как упоминалось выше, если принципы формирования научного текста в английском языке значительно отличаются от того, что характерно для родного языка, то это может препятствовать адекватному декодированию информации, содержащейся в англоязычном тексте.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что лингвистический аспект глобализации – доминирование английского языка в самых разных коммуникативных сферах – может не только касаться чисто механического распространения англоязычных практик, но и включать в себя более глубокие языковые и когнитивные процессы, которые нуждаются в дальнейшем исследовании.

Список литературы

- Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М., 1981. – 206 с.
- Щерба Л.В.* Грамматика и ее взаимоотношение с лексикой с методической точки зрения // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. – С. 326–338.
- Aljamhoor A.* A cross-cultural analysis of written discourse of Arabic-speaking learners of English // Lang. a. translation. – Riyadh: King Saud univ., 2001. – Vol. 13. – P. 25–44.
- Clyne M.G.* Cultural differences in the organization of academic texts: English and German // J. in pragmatics. – 1987. – Vol. 11, N 2. – P. 211–247.
- Connor U.* Contrastive rhetoric: Cross-cultural aspects of second-language writing. – Cambridge, 1996. – 201 p.

- Eggington W.G.* Written academic discourse in Korean: Implications for effective communication // *Writing across languages: Analysis of L2 Text.* – Reading (Mass.), 1987. – P. 153–168.
- Kaplan R.* Cultural thought patterns in intercultural education // *Lang. learning.* – 1966. – N 16. – P. 1–20.
- Ostler S.E.* English in parallels: A comparison of English and Arabic prose // *Writing across languages: Analysis of L2 Text.* – Reading (Mass.), 1987. – P. 169–185.
- Scholte J.A.* Globalization: A critical introduction. – L., 2000. – 361 p.
- Silva T.* Towards an understanding of the distinct nature of L2 writing // *The ESL research a. its implications. TESOL quart.* – 1993. – Vol. 27, N 4. – P. 657–677.
- Trujillo Sáez F.* An analysis of argumentative texts for contrastive rhetoric // *English language teaching: Changing perspectives in context.* – Cadiz, 2001. – P. 493–505.
- Ventola E., Mauranen A.* Non-native writing and native revising of scientific articles // *Functional and systemic linguistics: Approaches and uses.* – B., 1991. – P. 457–492.

Т.И. Шевченко

ПРОСОДИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Аннотация. Ударение и ритм, в отличие от мелодики, были названы самыми стабильными компонентами фонологической системы английского языка, которые обеспечивают его использование в качестве средства международной коммуникации, на фоне беспрецедентного глобального распространения и вариативности английских типов произношения. Однако современные исследования, включая корпусный анализ звучащих текстов, предоставляют новые данные о вариативности словесного и фразового ударения, ритма, как и мелодики. Эти явления очень важны для разборчивости, понятности и интерпретации речи на английском языке. Они могут повлиять на социокультурную оценку ее носителей, что существенно для эффективного межкультурного общения. В качестве пути к согласию и сближению предлагается естественный путь адаптации на просодическом уровне.

Введение: Вариативность английского языка и выбор стандарта для обучения и общения

В глобальном масштабе, как известно, бывшее могущество Британской империи и современное экономическое и политическое влияние США, прежде всего через средства массовой коммуникации, в том числе Интернет и видео, а также через институты международного сотрудничества в области финансов и торговли, науки и культуры, обеспечили беспрецедентное распространение одного языка в мире. Можно либо ликовать по поводу удобного для всех народов «глобального английского», обеспечивающего международную коммуникацию, либо клеймить это явление как «лингвистический империализм», вытесняющий с европейского континента другие традиционные языки общения, например такие,

как французский, немецкий, испанский и русский, но этот факт требует не столько эмоциональной оценки, сколько внимательного изучения последствий такого глобального эксперимента для международного общения и для самого английского языка. В нашу задачу входит необходимость оценить роль просодии английского языка в современной ситуации.

Необходимость устного общения больших групп людей на профессиональной основе посредством английского языка ставит вопрос о взаимопонимании людей, принадлежащих к различным культурам, при условии как минимум элементарной разборчивости речи при сохранении собственной национальной идентичности, а при более высоких запросах – создания благоприятной обстановки для эффективного общения. Частный вопрос, который стоит перед образованием, состоит в том, какой из вариантов английского языка избирается в качестве нормы для обучения и общения. Напомним о возникновении «новых английских языков», например индийского, нигерийского, гонконгского, сингапурского, принадлежащих по классификации Б. Качру к «внешнему кругу», в противоположность традиционным национальным вариантам «внутреннего круга», т.е. британскому, американскому, канадскому, австралийскому, новозеландскому и южноафриканскому (белое население ЮАР). Само употребление слова «английский» во множественном числе уже не вызывает возражений, особенно после того как Б. Качру основал журнал *World Englishes*, узаконив эту словоформу и уважительное отношение лингвистов к новым образованиям (Kachru, 1990). То, что фонетико-фонологическая вариативность развивается на почве различных культур, вызывает некоторое сомнение относительно неустановившихся стандартов «норморазвивающих» стран: «Мой язык, твоя культура, а чья же коммуникативная компетентность?» Этот вопрос вынесла в заголовок автор одной статьи в сборнике, посвященном английским языкам мира (Nelson, 1985).

Фонетико-фонологическая вариативность, которая, с одной стороны, приветствуется как признак многообразия англоязычного мира, с другой стороны, – препятствует носителям языка в том, чтобы принимать и позитивно оценивать это многообразие в реальной устной коммуникации.

По классификации Б. Качру, традиционные национальные варианты английского языка являются «нормообразующими», в то время как страны, получившие английский язык в качестве колониального наследия и сохранившие его для доступа к современ-

ному прогрессу, называются «норморазвивающими». Тем же странам, которые избрали английский как основной иностранный язык для среднего школьного образования, среди них Россия, Китай, Бразилия, Израиль, присвоен статус «нормозависимых», вынужденных избирать британский или американский вариант в качестве образца. Россия, следуя европейской традиции, избирает британский вариант, Бразилия – американский, в то время как выбор большинства стран Азии не столь очевиден.

Между странами «внутреннего круга» существует значительная фонетико-фонологическая дифференциация, которая дополняется региональной и социальной вариативностью, что, как известно, зависит от времени перенесения английского языка на данную территорию, от социального состава его носителей, от контактов с разными языками. Так, например, в самой Великобритании на территории Британских островов сохраняется как региональная вариативность исконно кельтских регионов, что дает шотландский, ирландский, валлийский варианты произношения, так и социально-территориальное противопоставление северных диалектов Англии, которые ассоциируются с произношением рабочего класса, в отличие от юго-восточного типа произношения среднего класса на приближенных к Лондону территориях. В современную эпоху массовых миграций в это традиционное социальное расслоение вторгается «мультикультурное лондонское произношение» смешанного контингента иммигрантов из восточных районов города Лондона: букет из афроамериканского Карибского бассейна, панджабского из Индии и Пакистана, азиатского из Юго-Восточной Азии, все это на фоне кокни из рабочих кварталов. Подростки с такими разнообразными фоновыми лингвистическими знаниями вырабатывают новые языковые нормы «мультикультурного Лондона» на основе своей социальной иерархии. В городах с более однородным этническим составом некоторых районов, например с панджабским в городе Лидсе, английское произношение приобретает более определенную окраску под влиянием одного контактирующего языка.

Аналогичная практика, связанная с противопоставлением обширных регионов страны, имеющих разную историю заселения, наблюдается в США, менее выражена эта тенденция в Канаде, в Австралии и Новой Зеландии, в ЮАР. В США, в частности, противопоставлены регионы Юга, включая Южный Мидленд, как наследие рабовладельческого Юга по отношению к индустриальному Северу, Северному Мидленду и Западу. Значительно дифференци-

ровано произношение в крупных городах, и это различие значительно усилилось за последние 50 лет, как показало массовое обследование вокалических систем жителей США в лаборатории Пенсильванского университета под руководством У. Лабова (Labov, Ash, Boberg, 2006). И, наконец, в каждом из больших городов Севера и так называемого «Среднего Запада» есть районы города, в которых компактно проживают носители афроамериканского диалекта или иммигранты из азиатских стран, а также испаноговорящие жители Америки, переселенцы из Мексики, Кубы и других латиноамериканских стран. По мнению известного лингвиста Л. Милрой, особенность американской «идеологии стандарта» состоит в противопоставлении речи белого населения из среднего класса речевым характеристикам этнических групп, при этом комментируются чаще всего их лексико-грамматические, в меньшей степени – фонетические особенности (Milroy, 2001).

Признавая бесконечное многообразие фонетико-фонологических форм произношения, авторы учебной литературы фокусируют внимание на лексико-грамматических правилах британского либо американского вариантов, считая это основой для понимания речи на английском языке. Понимание классифицируется как три этапа: разборчивость речи (*intelligibility*), понимание смысла всех слов и выражений (*comprehensibility*), интерпретация намерения говорящего (*interpretability*), требующая знакомства с культурой говорящего. Чтобы проверить, как люди мира справляются с такими задачами, большой эксперимент с естественными носителями языка (*native speakers*) из «внутреннего круга» и теми, для кого английский язык является вторым языком (*non-native speakers*), включая такие страны, как Индия и Филиппины, принадлежащие к «внешнему кругу», а также Япония, Китай, Индонезия, которые относятся к «расширяющемуся кругу», был проведен американскими исследователями Л. Смитом и С. Нельсон. Проверялись не только понимание девяти национальных образцов речи в диалоге, но и отношение к ним, оценка с точки зрения принадлежности к стандарту. С точки зрения понимания смысла речи большинство информантов справились на 60%, при этом носители британского и американского вариантов не проявили себя лучше, чем «не-носители», к тому же их речь не была более понятной и узнаваемой по национальной принадлежности. Речь американца, например, была названа «нестандартной». Исследователи пришли к выводу, что для понимания смысла слов и выражений известные

международные тесты типа TOEFL могут быть полезными, а для полного понимания намерения говорящего и его идентификации очень важен предварительный опыт знакомства с культурой и общения с использованием конкретного варианта английского языка (Smith, Nelson, 2006). Авторы не комментируют роль фонетико-фонологического компонента речи, но мы считаем, что опыт общения дает именно эту необходимую настройку на произношение собеседника, что проявляется прежде всего в качестве гласных и в просодии.

Среди компонентов просодии мы выделим ударение (словесное и фразовое), ритм и мелодику. Попытаемся оценить значимость просодии как части фонологической и социокультурной компетентности человека, который владеет английским языком и использует его как средство межкультурного общения (Галочкина, Шевченко, 2010).

Ударение (словесное и фразовое)

Самое яркое проявление специфики просодии английского языка в разных странах, которое может усложнять понимание речи, – это различия в словесном и фразовом ударении. Напомним, что словесное ударение – это выделение одного и более слогов на фоне других слогов в слове, а фразовое ударение выделяет одно или несколько слов во фразе. Понять слово – это значит понять речь. В английском языке стратегия слушающего состоит в узнавании ударного слога, который обозначает короткое односложное слово или начало многосложного существительного, что соответствует наибольшей частотности ударения в английских существительных на первом слоге (Cutler, Carter, 1987). Методы анализа словесного ударения описаны подробно, но характер и значимость локализации ударения в национальных вариантах английского языка все еще обсуждаются (Социофонетические методы анализа звучащей речи / Шевченко и др., 2015).

На базе Кембриджского словаря и словаря Лонгман, двух авторитетных источников орфоэпической нормы в английском языке, было выявлено около 1400 случаев несовпадения ударений между британской и американской нормами, что по отношению к лексикону этих словарей составляет 1,4% и 4% соответственно (Berg, 1999; Бурая, 2010). Авторы справедливо делают вывод, ранее от-

раженный в работах Д.А. Шахбаговой (Шахбагова, 1992), о том, что словесное ударение относится к самым устойчивым, наименее вариативным частям английской фонологической системы. Однако опыт международного общения подсказывает, что часть этих слов имеют довольно высокую частотность и могут служить средством национальной идентичности, создавая при этом если не препятствия на пути понимания, то по крайней мере «шум», который отвлекает от восприятия содержания.

К таким словам относится вариативное произношение двусложных слов типа ADress – addRESS, DEtail – deTAIL, CIGarette – cigaRETTE. В силу частотности своего употребления двусложные слова особенно выразительно звучат в незнакомом произношении.

Опираясь на полученные ранее данные, Д.Т. Поздеева проверила список британо-американских несоответствий на материале канадского словаря, а также использовала национальные корпуса британской, американской и канадской речи для выявления типично канадских моделей словесного ударения. Так было найдено 79 слов с частотностью 50 единиц на миллион слов, которые в значительной степени демонстрировали ритмическую тенденцию определенного образца, характерную именно для канадцев. Однако канадцы, как и жители других англоязычных стран, представляют собой мультикультурное сообщество, что выявилось в ходе опроса: «англофоны» использовали типично канадские модели, «франкофоны-билингвы» предпочли британские модели, а «аллофоны» (все другие носители, у которых английский – неродной язык) выбрали американские модели (Поздеева, 2017). Такому выбору способствовали социоисторические условия формирования канадской нормы на основе британской системы обучения среди американских переселенцев с ирландско-шотландскими корнями, в контакте с французским языком и языками канадских индейцев, под влиянием современной американской культуры и массового притока иммигрантов во второй половине XX в. Даже учитывая бо́льшую толерантность канадцев к искажениям в произношении, чем, скажем, москвичей в выборе ударения в словах «позво-нишь» или «творог», мы должны признать, что в международном общении такие различия могут вызвать непонимание, если, например, это ударение звучит в ключевом слове в сообщении (Field, 2005). Наш опыт показывает, что речь носителей польского и французского языков, когда они говорят по-английски, особенно трудна для понимания, поскольку они автоматически переносят

все ударения согласно фиксированным правилам своего родного языка на предпоследний или на последний слог. Эксперименты показали, что французы, например, «глухи» к изменениям ударения даже в знакомых им словах английского языка, а тем более – в нонсенс-словах (*A disressing deafness in French?* 1997). А речь канадской девушки из Квебека после выступлений разноязычных «не-носителей» языка звучит как музыка для фонетиста, чье ухо настроено на британский вариант.

Затруднения иного порядка возникают, когда по-английски говорят носители азиатских и африканских языков под влиянием слогового ритма: в их произношении безударные гласные не редуцируются, что противоречит восприятию ударных слогов носителями языка, прежде всего в зависимости от качества гласного (Cutler, 2015). Сопоставление восприятия ударения голландцами и австралийцами доказало, однако, что просодическая информация высотного и темпорального характера также считывается австралийцами в родном английском языке (Cooper, Cutler, Wales, 2002; Cutler, 2012).

В отношении фразового ударения, которое выделяет самое информативное слово во фразе, приведем пример высокой значимости фразового ударения по результатам корпусного анализа (IViE) в Британии, где 108 подростков из девяти городов Англии, Уэльса и Ирландии прочитали около 20 предложений различной синтаксической структуры без контекста, и практически во всех предложениях, за небольшим исключением в общих вопросах и вопросах-повторах, локализация фразовых ударений у всех совпала. Это было то общее, что давало носителям английского языка право считать, что они говорят на одном и том же языке. Авторы проекта делают вывод, что именно размещению фразовых ударений следует учить в области интонационной фонологии, в то время как мелодика обладает высокой степенью вариативности и может быть источником непонимания между жителями Великобритании (Grabe, 2004).

И действительно, Д. Дженкинс, лингвист с большим опытом преподавания английского языка в странах Юго-Восточной Азии, перечисляя минимально необходимые черты английской фонологии, которые должны быть учтены при обучении английскому языку, из просодических характеристик называет только «ядерное ударение», т.е. выделение коммуникативного центра во фразе (Jenkins, 2001). Российский исследователь Е.Н. Макарова, изучая размещение коммуникативного центра во фразе на материале речи

испаноговорящих билингвов на юге США и русских студентов, обучающихся английскому языку в Уральском университете, отмечает высокую коммуникативную значимость этого феномена (Макарова, 2015). Коммуникативный, или интонационный, центр в английской фразе представляет собой, как правило (80% случаев), последнее фразовое ударение на последнем лексически значимом слове, которое аккумулирует все просодические максимумы: интенсивности, частоты основного тона (ЧОТ) и длительности, что было показано на большом корпусе американской разговорной речи (Шевченко, Садовникова, Сибилева, 2012). Это правило, однако, имеет исключения, когда в зависимости от контекста, т.е. от прагматики и синтаксиса высказывания, фразовое ударение смещается влево от края фразы. Именно неумение выполнить это требование приводит к нарушениям смысла высказывания, особенно при автоматизме чтения у русских и испаноговорящих обучающихся (Макарова, 2015).

К этому можно добавить, что, на первый взгляд, фразовое ударение в английском языке не представляет особой сложности для русских обучающихся в силу типологического сходства: оба языка имеют тактосчитающий ритм и сходные правила расстановки фразовых ударений на знаменательных словах. Тем не менее экспериментально доказано, что русские обучающиеся делают в среднем 3–4 ударения во фразе, в то время как англичане – в среднем 2–3 ударения. На протяжении всего выступления, таким образом, накапливается ряд избыточных ударений, что, с точки зрения англичан, производит впечатление речи излишне эмоциональной, напористой. Такие отклонения, как ударение на личных местоимениях, смещение ударения, избыточное количество выделенных ударением слов в совокупности, как мы видим, влияет на оценку социокультурного образа говорящего.

В еще большей степени выделение личных местоимений, смещение интонационного центра в связи с измененным порядком слов в хинди приводит к полной коммуникативной неудаче, когда носитель индийского варианта говорит по-английски с работодателем (Mishra, 1997). Порядок слов и правила выделения коммуникативного центра, как и других фразовых ударений, существенно влияют на качество речи при трансференции (современный эквивалент слова «интерференция») навыков родного языка на английский язык.

Ритм

Последние десятилетия значительно обогатили наши знания о ритме как индексной характеристике языков, диалектов, стилей и личностей. Отталкиваясь от неудачи в поиске изохронности тактов и слогов в двух типах языков, тактосчитающем и слогосчитающем, фонетисты продолжали искать методы описания, соответствующие интуитивно воспринимаемому разнообразию ритмов в разных языках, в частности в таких вариантах английского языка, как, например, британский и сингапурский (Low, Grabe, Nolan, 2000; Deterding, 2001). В результате был предложен целый арсенал конкурирующих методик, которые в разной степени отражали всю известную шкалу ритмов с постепенным переходом от прототипических тактосчитающих, или акцентных, языков (германские) через смешанные типы к прототипическим слогосчитающим, или просто слоговым, языкам (романские и др.) (см. обзоры в Grabe, Low, 2002; Типология вариантов фонологической системы английского языка / Постникова и др., 2012; Социофонетические методы анализа звучащей речи / Шевченко и др., 2015).

В качестве единиц ритма рассматриваются не только ритмическая единица, характерная для русской традиции (Златоустова, 1981; Потапов, 1996), и даже не ранее описанная иерархия ритмических единиц от слога до сверхфразового единства (Антипова, 1982), а гласные и согласные, которые могут образовывать вокалические и консонатные комплексы по фонологическим (фонотактическим) законам каждого конкретного языка. По определенному индексу можно установить, к какому типу ритма тяготеет данный язык или его вариант. Так, например, большинство азиатских и африканских вариантов английского языка тяготеют к слоговому ритму, но в гонконгском варианте эта тенденция выражена сильнее, чем в индийском, в связи с интерферирующим влиянием кантонского диалекта (Казакова, 2015). Такие данные используются для автоматического распознавания языков, для дифференциации «носителей» и «не-носителей» языка.

В фокусе внимания – просодический аспект изучаемых ритмических единиц, прежде всего длительность, но в некоторых последних методиках предлагается измерять максимальные показатели ЧОТ, что приближает ритмический анализ к просодическому анализу дискурса. В некоторых работах используется комплексный метод, сочетающий анализ всех компонентов просодии, т.е. дли-

тельности, ЧОТ и интенсивности, что создает более цельную картину изучаемого явления (Сокорева, 2014; Sokoreva, Shevchenko, 2016).

Как уже было отмечено выше, ритм связан со словесным ударением. Известно, что в английском языке доминирующим является трохеический (то же, что хореический) ритм, при котором ударный (сильный / тяжелый) слог предшествует безударным, т.е. энклитикам. Этому типу соответствует рецессивная тенденция словесного ударения с ударением на первом слоге в существительных. Однако известно также, что благодаря массе заимствованных словоформ из романских языков, прежде всего из французского, английское словесное ударение приобрело «гибридный» характер, и рецессивной тенденции противостоит ритмическая, создающая чередование ударных слогов, смещение ударения в заимствованных из французского языка словах с последнего слога на первый. В разных национальных вариантах процесс ассимиляции заимствований проходил разными темпами и в зависимости от контактирующих языков, в результате чего в американском варианте сохранились двусложные слова с ямбическим ритмом, т.е. с ударением на втором слоге, как во французском: caFE, buFFET, baLLET, в отличие от британского варианта: CAfe, BUffet, BAallet.

Восприятие речи с «искажениями», т.е. с непривычным словесным ударением, как было отмечено ранее, создает «помехи» для понимания речи. В еще большей степени усложняется процесс обработки речевого сигнала, когда он квантуется на слоги, а не на такты. И хотя Д. Кристал, выдающийся британский лингвист, утверждает, что слоговой ритм способствует большей четкости речи, имея в виду разговор авиадиспетчеров и пилотов, что он уместен в рэпе и в детских дразнилках, он же отмечает, что более официальная речь требует приближения в тактосчитающему ритму, и это стилистическое варьирование, по мнению автора, может быть доступно каждому (Crystal, 1996). До сих пор, однако, не каждому, как показывает практика международных конференций, где участники опираются на ритм слогового языка, превалирующий во многих языках мира.

Мелодика

О взаимосвязи просодических признаков речи свидетельствует такое наблюдение: в валлийском варианте английского языка

все отмечают напевность (tilt), которая при детальном анализе складывается из следующих элементов: в субстрате, т.е. в валлийском языке ударение, как правило, падает на предпоследний слог, а последний слог имеет большую длительность и более высокие показатели ЧОТ, т.е. произносится с восходящим тоном. В результате ярко выраженный характер мелодики валлийского варианта английского языка связан с восходящим тоном (Shevchenko et al., 2017), но и все остальные просодические признаки участвуют в создании эффекта «напевности». Кроме того, этому типу произношения приписывают наличие слогового ритма, но это предположение пока не доказано.

Второй пример также относится к восходящему тону. В молодежной среде «англофонов» 80-х годов зазвучал восходящий тон в тех случаях, когда прагматика предполагала нисходящий тон, – в утверждениях, особенно в нарративе. В Соединенных Штатах и в Англии стали писать, что источник новой моды – австралийские молодежные телесериалы. Социологический анализ показал, что в Австралии такой интонационный стиль в большей степени характеризует малозащищенные группы населения – женщин, молодежь, малоимущих и эмигрантов (см. обзор в: Шевченко, 2009, с. 118–122). В США, однако, молодые бизнесмены также охотно используют этот стиль, называемый «uptalk». Автор настоящей статьи может свидетельствовать, что очень известная фонетист Дж. Хиршберг читала свой доклад, сопровождаемый слайдами, на пленарном заседании конференции Interspeech, завершая каждую смысловую группу и фразу исключительно восходящим тоном. А между тем еще в середине XX в. британский фонетист А. Краттенден писал статью «Миф о нисходящем тоне», показывая на примерах из ирландского варианта английского языка, что нисходящий тон не является универсалией в утверждениях. Когда мода на crosreak заставила этого интонолога задуматься, в чем смысл таких превращений локального явления в глобальные, он предложил свою интерпретацию, сходную с идеей американского интонолога Д. Болинджера (Cruttenden, 1995; Bolinger, 1965). Некатегоричность и неуверенность, которая приписывалась восходящему тону, сменилась пониманием того, что в процессе нарратива рассказчик ждет сигналов обратной связи, что совсем не подразумевалось в традиционном ирландском варианте английского языка. Это не объяснило, однако, почему молодые американские бизнесмены, наговаривая текст на автоответчик, сообщают о своем

отсутствии также с восходящим тоном. Единственное, что экспериментально доказано, это то, что восходящий тон, хоть он и апеллирует к собеседнику, не означает вопроса, требующего ответа. Настоящий вопрос, особенно вопрос, не оформленный грамматически, в котором интонация несет всю прагматическую нагрузку, произносится в более высоком регистре. Итак, реальный запрос информации и приглашение к соучастию в беседе значительно различаются по высотным уровням (Шевченко, 2007).

Каким образом такое интересное явление, как upspeak, может способствовать или, напротив, помешать международному диалогу на английском языке? Очевидно, что только взаимная просодическая настройка в диалоге может подсказать собеседнику, идет ли речь о вопросе или о необходимости обратной связи.

Адаптация и конвергенция

В предыдущих разделах мы рассматривали примеры, в которых вследствие несовпадения правил, принятых в разных частях англоязычного мира, создавались помехи для восприятия звучащей английской речи и, соответственно, создавались «помехи», иногда очень серьезно препятствующие взаимопониманию. Причиной могли быть сдвиги в словесном ударении, во фразовом ударении, непривычный ритм или мелодика. В данном разделе приведем примеры обратного свойства, т.е. успешного взаимодействия людей на просодическом уровне. На базе анализа двух известных корпусов диалогического характера, Switchboard (разнообразная тематика по выбору) и Galvano Games Corpus (корпус компьютерных игр), американские исследователи проверили, как собеседники, которые не видят друг друга, но стремятся к сотрудничеству или к выигрышу в общей игре с партнером, настраиваются друг на друга, ищут путь к согласию. Установлено, что настройка на уровень громкости собеседника происходит сразу в начале разговора. Индивидуальный темп (средняя длительность слога) и тембр голоса в целом сохраняются, но успешные партнеры не делают больших пауз, не перебивают друг друга, а подхваты между репликами, предвосхищающие завершение, не прерывают это завершение. Высотные уровни сближаются на границе реплик, но в дальнейшем каждый возвращается к своему среднему показателю. Участник различных диалогов меняется по уровню громкости и частич-

но по темпу в зависимости от собеседника. Все эти явления взаимной адаптации приводят к конвергенции в просодии, способствуют успешному выполнению задачи – выигрышу в конечном итоге. Эксперимент по адаптации, которую авторы назвали «настройкой маятников» (entrainment), подкрепляется статистическим анализом корпусных данных (Levitan, Hirshberg, 2011).

Д. Кристал назвал фонетическую аккомодацию в беседе «величайшим открытием XX в.», а себя как фонетиста – «великим аккомодатором» (Crystal, 2009). Действительно, этот феномен раскрывает механизм распространения фонетических явлений, с одной стороны, и способ достижения согласия – с другой.

Выводы

На фоне большой вариативности национальных, региональных и социальных типов произношения английского языка были рассмотрены возможности участия просодических явлений словесного и фразового ударения, ритма и мелодики в обеспечении разборчивости речи, узнавания слов в потоке речи и понимания намерения говорящего для нужд межкультурной коммуникации.

Важным путем приобретения нужного опыта для успешного взаимодействия на просодическом уровне является развитие адаптивных способностей для достижения согласия, избегания конфликтов и эффективности коммуникации.

Список литературы

- Антипова А.М.* Ритмико-интонационная система английского языка. – М., 1982. – 182 с.
- Бурая Е.А.* Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: Конвергенция или дивергенция? // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. – М., 2010. – № 1(580). – С. 23–41.
- Галочкина И.Е., Шевченко Т.И.* Мелодика и ритм как составляющие социокультурной компетенции // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. – М., 2010. – № 1(580). – С. 186–204.
- Златоустова Л.В.* Фонетические единицы русской речи. – М., 1981. – 108 с.
- Казакова О.В.* Некоторые особенности мелодической организации вариантов английского языка в Индии и в Гонконге // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание и литературоведение. – М., 2015. – № 1(712). – С. 57–73.

- Макарова Е.Н.* Фразовое ударение и порядок слов как основные средства выделения коммуникативного центра высказывания в испанском, английском и русском языках: (Экспериментальное исследование). – Екатеринбург, 2015. – 235 с.
- Поздеева Д.Т.* Канадская идентичность в словесном ударении // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – М., 2017. – Вып. 3. – С. 81–93.
- Потапов В.В.* Речевой ритм в диахронии и синхронии. – М., 1996. – 182 с.
- Сокорева Т.В.* Опыт сопоставления различных методик изучения ритма: (На материале речи американских женщин) // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. – М., 2014. – № 1 (687). – С. 233–251.
- Социофонетические методы анализа звучащей речи / Шевченко Т.И., Кузьмина М.О., Сокорева Т.В. и др. – Дубна, 2015. – 212 с.
- Типология вариантов фонологической системы английского языка / Постникова Л.В., Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И. – Тула, 2012. – 194 с.
- Шахбазова Д.А.* Фонетическая система английского языка в синхронии и диахронии: (На материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). – М., 1992. – 284 с.
- Шевченко Т.И.* Тенденции, проверенные временем: Гласные, согласные и просодия английского языка // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – М., 2007. – № 523. – С. 182–191.
- Шевченко Т.И.* Теоретическая фонетика английского языка. – Изд. 2-е. – М., 2009. – 191 с.
- Шевченко Т.И.* Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – Изд. 2-е, доп. – М., 2016. – 240 с.
- Шевченко Т.И., Садовникова Н.А., Сибилева Л.Н.* Ритм и смысл просодии дискурса: Когнитивный подход и статистика // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – М., 2012. – № 1(634). – С. 175–187.
- Berg T.* Stress variation in British and American English // *World Englishes*. – 1999. – N 18(2). – P. 123–143.
- Bolinger D.L.* Forms of English: Accent, morpheme, order. – Cambridge (Mass.), 1965. – 334 p.
- Cooper N., Cutler A., Wales R.* Constraints of lexical stress on lexical access in English: Evidence from native and non-native listeners // *Lang. a. speech*. – 2002. – № 45 (3). – P. 207–228.
- Cruttenden A.* Rises in English // *Studies in general and English phonetics: Essays in honour of prof. J.D. O'Connor*. – L., 1995. – P. 155–165.
- Crystal D.* Just a phrase I'm going through: My life in language. – L; N.Y., 2009. – 285 p.
- Crystal D.* The past, present, and future of English rhythm // *Changes in pronunciation (Special issue of Speak Out!)*. – IATEFL, 1996. – P. 8–13.
- Cutler A.* Lexical stress in English pronunciation // *The handbook of English pronunciation*. – Chichester, 2015. – P. 106–124.
- Cutler A., Carter D.M.* The predominance of strong initial syllables in the English vocabulary // *Computer speech a. lang.* – 1987. – N 2. – P. 133–142.
- Cutler A.* Native listening: The flexibility dimension // *Dutch j. of applied linguistics*. – 2012. – N 1–2. – P. 169–188.

- Deterding D.* 2001. The measurement of rhythm: a comparison of Singapore English and British English // *J. of phonetics*. – 2001. – N 29. – P. 217–230.
- A distressing deafness in French? / Dupoux E., Pallier C., Sebastian N., Mehler J. // *J. of memory a. lang.* – 1997. – N 36. – P. 406–421.
- Field J.* Intelligibility and the listener: The role of lexical stress // *TESOL Q.* – 2005. – N 39(3). – P. 399–424.
- Grabe E.* Intonational variation in urban dialects of English spoken on the British Isles // *Regional variation in intonation*. – Tuebingen, 2004. – P. 9–31.
- Grabe E., Low E.L.* Durational variability in speech and the rhythm class hypothesis // *Papers in laboratory phonology 7*. – 2002. – P. 515–546. – Mode of access: http://www.homes.uni-bielefeld.de/gibbon/AK-Phon/Rhythmus/Grabe/Grabe_Low-reformatted.pdf
- Jenkins J.* *The phonology of English as an international language*. – Oxford, 2001. – 258 p.
- Kachru B.B.* *World Englishes and applied linguistics* // *World Englishes*. – 1990. – N 9 (1). – P. 3–20.
- Labov W., Ash Sh., Boberg Ch.* *The atlas of North American English: Phonetics, phonology and sound change*. – B.; N.Y., 2006. – 335 p.
- Levitan R., Hirschberg J.* Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions. – 2011. – Mode of access: <http://www.cs.columbia.edu/nlp/papers/2011/p70791.pdf>
- Low E., Grabe E., Nolan F.* Quantitative characterization of speech rhythm: Syllable – timing in Singapore English // *Lang. a. speech*. – 2000. – N 43 (4). – P. 377–401.
- Milroy L.* Britain and the United States: Two nations divided by the same language (And different language ideologies) // *J. of linguistic anthropology*. – 2001. – N 10 (1). – P. 56–89.
- Mishra A.* *Discovering connections: Language and social identity*. – Cambridge, 1997. – P. 57–71.
- Nelson C.L.* My language, your culture: Whose communicative competence? // *World Englishes*. – 1985. – N 4/2. – P. 243–250.
- Smith L.E., Nelson C.L.* *World Englishes and issues of intelligibility* // *The handbook of world Englishes*. – Malden (Mass.), 2006. – P. 428–445.
- Sokoreva T., Shevchenko T.* Starting a conversation: Indexical rhythmical features across age and gender: (A corpus study) // *Lecture notes in computer science*: 9924. – 2016. – P. 495–505.

Р.К. Потапова, В.В. Потапов

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ «ДЕНГЛИША» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА

Аннотация. В статье представлены результаты исследования основных языковых характеристик немецкой разговорной речи в Интернете на материале немецкоязычного сегмента Интернета применительно к различным языковым уровням. В процессе полевых исследований была сформирована база данных, содержащая языковые примеры, иллюстрирующие функционирование современной немецкой разговорной речи в чате немецкоязычного сегмента Интернета. В ходе исследования немецких текстов в Интернете было установлено достаточно сильное влияние английского языка на лексический состав и способы словообразования немецкого языка. Выявлено, что наиболее подвержены «денглишизации» немецкие глаголы. Так, например, самым распространенным способом «денглишизации» оказалось добавление к основе английского глагола суффикса *-en*, относящегося с неопределенной формой глагола в немецком языке. При конкретизации рода имени существительного, заимствованного из английского языка, используется артикль, грамматический род которого находится в прямой зависимости от семантики слова. В статье приведены многочисленные примеры из современного «денглиша»¹ применительно к чату немецкоязычного сегмента Интернета с учетом различных способов словообразования.

В последние десятилетия (с конца 90-х годов XX в. вплоть до нашего времени) лингвисты всесторонне исследуют проблематику функционирования естественных языков во Всемирной сети. Так, например, в этой области знания успешно разрабатываются различные аспекты исследования языка и речи в интернет-пространстве (см., напр., такие работы, как: (Kresic, 2000; Потапова,

¹ Denglish – устоявшийся термин, обозначающий результат влияния английского языка на немецкий язык в Интернете. Данный композитум включает морфологические компоненты двух лексем: Deutsch, English.

2002 а; Потапова, 2002 б; Websprache.net: Sprache und Kommunikation im Internet, 2005; Дедова, 2008; Щипицина, 2010; Современный русский язык в Интернете, 2014; Федорова, Жгарева, Малюгина, 2016; Речевая коммуникация в информационном пространстве, 2017 и др.)), издаются соответствующие данной проблематике словари (см., напр., такие словари, как: (Хайдарова, 2012; Словарь языка Интернета.ru, 2016; Потапова, Комалова, 2015; Потапова, Комалова, 2017 и др.)). Следует подчеркнуть, что со второй половины XX в. именно английский язык¹ послужил основным фактором воздействия на другие языки мира в сфере функционирования в информационно-коммуникационном пространстве², что также оказывает всеобъемлющее влияние на все параметры интернет-коммуникации. В своей книге «Английский язык как глобальный» Д. Кристал отвечает на вопрос, каким образом английский язык сумел занять главенствующее положение в мире, и приходит к заключению, что «...английский язык продолжает оставаться главным языком всемирного общения в Интернете» (Кристал, 2001, с. 176), что и определило, по нашему мнению, эффект вербальной глобализации в медиасреде.

К числу наиболее актуальных проблем современной лингвистики в киберпространстве, требующих специального и глубокого изучения, предлагается отнести следующие:

каково соотношение письменных и устных форм языка в развивающемся особом языке виртуального общения, носящем симбиотический характер;

в чем специфика многоуровневой лингвистической организации речевых высказываний в режиме онлайн и офлайн коммуникации;

каково лингвистическое коммуникативное пространство, выход за рамки которого может привести к недопониманию и непониманию партнера по коммуникации в Интернете;

¹ Например, в этом отношении показательно название статьи «Мультикультурализм разрешен только на английском языке» (Macedo, Bartolome, 2014).

² О специфике современной коммуникации в условиях сформировавшегося единого информационного пространства и нарастающего глобального взаимовлияния отдельных микро- и макросоциумов см., напр., такие работы, как: (Миронова, 2009; Немецкий язык в глобальном мире, 2016; Проблемы языка в глобальном мире, 2016; Рудяков, 2016; Ammon, 2015, Речевая коммуникация в информационном пространстве, 2017) и др.

какие вербальные, паравербальные и невербальные факторы могут повлиять на формы успешного диалога / полилога и на коммуникацию в целом;

возможно ли при виртуальной коммуникации интенциональное «говорение», и с помощью каких средств оно может быть реализовано;

каковы границы применения модально-эмоциональных языковых и неязыковых средств воздействия на партнера по коммуникации (Потапова, 2002 а).

Подробный анализ виртуальной коммуникации в англоязычных чатах на материале американского варианта английского языка был проведен нами ранее (Потапова, 2002 б).

Объектом данного исследования являлись материалы немецкоязычных чатов¹ (Потапова, 2012 б, с. 140–152). При этом рассматривались следующие аспекты данной проблемы: роль чатов в Интернете; история их возникновения; основные языковые характеристики чатов; нетикет; немецкая и английская разговорная речь в чатах; неязыковые средства передачи информации; гендерные особенности и психологические аспекты общения в чатах, а также проблемы языковой типологии.

Названия самих немецких чатов свидетельствуют об огромном влиянии английского языка, например, Anyone1782, Apolike, Bugman1071, CounterZerO, Coolskyper, DragStar, Infinity, NoName, softboy, someone, SpaceWoman, hardcop и др. (Runkel, Schlobinski, Siever, 1998, S. 87).

Для данного исследования была сформирована база данных текстов немецкоязычных чатов, находящихся на немецких доменах. Общий объем базы данных составил 29 800 словоформ (более 127 000 знаков). Причем далеко не всегда общение в чатах реализовывалось на немецком языке. Часто встречались ситуации, когда диалог шел, например, исключительно на турецком языке, учитывая роль турецкой диаспоры в Германии. Естественно, что подобного рода тексты были исключены из нашей базы данных. Для дальнейших исследований отбирались лишь те диалоги и полилоги, участники которых говорили на немецком языке на уровне носителей языка.

Выбор немецких доменов был обусловлен тем фактом, что, в отличие от общения в «чат-комнатах», общение на немецком язы-

¹ Chat – (нем.) plaudern, schwatzen ((рус.) болтать).

ке на международных доменах характеризуется меньшим числом иностранцев, т.е. коммуникантов, для которых немецкий язык не является родным.

Для проведения исследования использовались 30 чат-сессий с участием от трех до 50 активных пользователей (некоторые пользователи либо не участвовали в общении в чате, либо отправляли лишь приватные сообщения, которые нами не учитывались). Объем сессий включал от 240 до 4700 словоформ. Словоформой считались графематические единицы, отделенные от соседних единиц пробелом. Например, с использованием квадратных скобок:

(Gast1277) [alda] [jjjjj.....] [de] [manni] [soll] [nommo] [komme] [:-)])
[(21:55) Gast1286 geht in den Raum Exil]-

(tigerkatze) [so] [zwischen] [11] [un] [12] [denk] [ich] [1273]

(Gast1273) [boah] [die] [schrift] [verschwimmt] [bei] [mir]

(Gast1277) [der] [woolt] [doch] [durchmache], [der] [looser] [:-)]

(Gast1277) [noch] [do?]

(selle) [kann] [sinn]

(Gast1273) [ok] [tiger]

(selle) [jo] [bin] [noch] [do]

(tigerkatze) [1273]

(Gast1277) [musch] [mo] [beim] [anrufe]

(Gast1273) [tigerle] [*g*]

В данных примерах ники пользователей заключены в круглые скобки, а словоформы, в число которых входят также смайлики, акронимы и т.п., заключены в квадратные скобки. Ники пользователей в круглых скобках не учитывались и не принимались в внимание при описании статуса «чатящихся».

К особенностям немецкой разговорной речи, представляющим интерес для данного исследования, относятся:

- ассимиляция (*gibts, gehts, haste, wirds, brauchts*);
- редукция (*ich glaub, ne, nem*);
- междометия (*hmpf, he, nja*);
- диалектизмы (*moin, tach, bischen, dat*);
- глаголы, обозначающие говорение, письмо, мнение и ду-
мание (*meinst, finde*);
- не немецкие формы приветствия, прощания, выражения
сожаления и благодарности;
- разговорные частицы (Feldweg, Kubinger, Thielen, 1995,
S. 143–154).

В нашем корпусе немецкоязычных чатов средняя длина высказывания включала 4,27 слова. Для сравнения у Верри (Werry, 1996) – в среднем шесть слов, у Рункеля и др. (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998) 4,8 слова. В анализируемых немецкоязычных чатах распределение словоформ по частям речи характеризуется следующими особенностями: крайне незначительно употребление причастий, имен прилагательных и частиц, в то время как количество наречий, глаголов, имен существительных и местоимений резко возрастает. В то же время частота употребления служебных частей речи выше, чем некоторых знаменательных частей речи (причастий и имен прилагательных). Относительно высокие численные показатели обращений можно объяснить стремлением пользователей Интернета усилить коммуникативные связи между адресатом и адресантом.

В базе данных (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998) одна треть реплик содержит обращения, в то время как в нашей базе данных их около 40%.

Что касается приветствий в рамках фатической функции то, например, кроме *hi*, употребленного отдельно, были учтены также *hi* + имя, *hi* + фраза, *hi* + имя + фраза, *hi* + имя + *kiss*, графостилистический вариант *hi @all*, *HI*, *hi!!!*, *hiii*, *HAI* (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998, S. 94).

Отмечается, что англицизм *hi* все чаще употребляется молодежью в немецкой разговорной речи, что нашло проявление и в чате.

От графемосемантических вариантов не зависят такие формы приветствия и одновременно обращения, как *hi all*, *hi alle*, *hi an alle*, *hi auch Name*, *hi everybody*, *hi leute*, *hi mal wieder*, *hi raum*, *hi to all*, *hi zusammen* (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998, S. 94)

Wb – акроним, означающий *welcome back* (добро пожаловать повторно). Его столь частое употребление частично объясняется техническими сбоями в чате (например, пользователям приходилось повторно производить вход в чат).

В качестве приветствий использовались также следующие словоформы: *hallu*, *moinmoin*, *moinz*, *hey*, *huhu*, *re*, *tach*, *moinsen*, *nabend*, *moin*, *moim*, *seri (servus)*, *moin@all*, *re* с различными графостилистическими вариантами, некими фразами, следующими за приветствиями, повторением символов, сочетанием нескольких приветствий, которые в 95% случаев употреблялись вместе с обращением. Ответ на приветствие *re* является особенностью чата и взят из компьютерного жаргона (*Re*: от *Reply*). *Re* обычно появля-

ется в электронных письмах при повторном обсуждении темы. В данной базе встречалось только «ге», хотя Рункель и другие исследователи говорят о таких приветствиях, как *rehi*, *rehallo* (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998, S. 94). Графостилистические варианты *hi @all*, а также *hi an alle* в нашем исследовании встречались довольно редко, так же как и индивидуальные приветствия, например:

(*Sveny*) *fur die begrussung *liebguck**. Hi чаще всего употребляется в конструкции *hi*+имя. На следующем месте – *hi*, стоящее отдельно (возможно, со смайликом). У ряда исследователей были получены схожие результаты ([Hi + Name] – 61%, [Hi] – 16%).

Подобная картина наблюдается и в отношении приветствий *Hallo* и *wb*.

Для сравнения у (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998) и других авторов разговорная лексема *Hallo* чаще всего употребляется вместе с никнеймом (46%) и отдельно – 20%.

Наблюдаемое использование следующих вариантов структуры приветствия с *Hallo*: *Name + hallo*, *hallo andere*, *hallo alle zusammen*, *hallo allerseits*, *hallo Ihr Hübschen*, *hallo ihr*, *hallo Leute*, *hallo und schönen morgen*, *hallo bin Peter*, *hallo zusammen*, *hallöchen*, *hallo* + смайл, графический вариант в стиле крика НННННАААЛЛЛЛЛООООООО!!!! Следует отметить, что *wb* встречалось чаще всего в приветствиях, но употреблялось изредка и в формах прощания. Среди форм прощания (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998) наиболее популярны *cu* (30%), *bye* (24%), *tschuess* (20%) и *ciao* (11%). В данном корпусе картина несколько отлична. В формах прощания преобладала форма *gute nacht*, что можно отчасти объяснить тем, что примерно половина базы текстов чатов была собрана в вечернее и ночное время. К тому же днем часть пользователей выходят в Интернет с рабочего места и не тратят время на прощание.

Среди реплик прощания *bye* – наиболее устойчивая форма. Остальные подвергаются изменениям. Часто встречаются более разговорные варианты, такие как *chau*, *bis denne*, *tschau*, *stschau*, *tschooo*, *суа* и т.п. Количество случаев употребления обращения к адресату после прощания более чем в два раза превышает количество реплик, в которых обращение отсутствовало.

Выражением устной речи в чате является сравнительно большое использование звукоподражательных единиц, междометий и частиц. Из междометий чаще всего встречаются междоме-

тия, передающие смех *haha, hohoho*, а также *ooh* в разных вариациях для обозначения удивления, сожаления и других эмоций. Например, передача смеха в немецкоязычном чате:

(*susser-baer*) *hihi... hahahaha... muhahahahhhahhaha*

Весьма распространенными являются следующие междометия: *ah, hmm, hm, auääää, juhu, aua, IGIT, igitt, aaaarrghhhh, pff, iiii, oops, mhhh, huch, psst, öhm, puh, ohm, öy, ahso, tsss, aha, tztztztz, tja, ahh, uah, nee, uff, uiiii, boah, tjo, wow* (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998, S. 101).

Ассимиляция (*wars* вместо *war es*, *wenns* вместо *wenn es*) и редуция (*sehn* вместо *sehen*) – характерная особенность немецкой разговорной речи в чате. Редуцируются чаще всего флексии глаголов в форме первого лица единственного числа (*hab* вместо *habe*, *komm* вместо *komme*, *dacht* вместо *dachte*), а также слова, заканчивающиеся на *t* и *d*, чаще всего в словах *nicht* и *ist* (*nich* и *is*). Этот тип персональной маркировки, типичной для немецкой разговорной речи, пришел в чат из немецкого разговорного языка и появляется помимо предложений, где подлежащим является личное местоимение также на первом месте во фразах как без подлежащего, так и с инверсией, например:

• (*schmusetier*) *ich glaub ich nehm dich mal nach der Schule mit zu mir* ^^

• *snappy: Ich hab auch noch Popcorn hier...*

• (*tina*) *hab mir gedacht da können wir ja mal hin fahre zusammen*

Наблюдаются случаи выпадения конечных букв слова: *nun – nu, mal – ma*. Неопределенные артикли, как правило, копируют разговорные формы, например *ne, nen, ner, ne, e*.

• (*Gast1277*) *ich schreib manni mo e sms*

• *Yahoo_*: *noch nen Marcus... jap des kannsch mir merken*

• (*sky*) *lolz.. dann nimm fur dada aba nen zacken scharfer*

Ассимилируются чаще всего местоимение *es* (*wars seh's*) и личные местоимения второго лица единственного числа (*haste – hast du, bissu, biste – bist du*). (*kaputtePuppe*) *das kannst mal machen*. Также ассимилируются артикли после предлогов, частиц и глаголов (*aufm, noch'n, is'n*) и личные местоимения мужского и женского рода 3 лица (*kannse – kann sie, issen – ist er*)

Формы вокализованного *r* (*hatta – hat er, oda – oder, imma – immer, awa – aber*) следует рассматривать в связи с диалектальным варьированием. Естественно, это не единственный вид диалектизмов в чате. Встречаются южно-немецкие варианты *gell, kommscht,*

nimmer, radln, wat, wech и т.д. Регионализмы также являются типичными репрезентантами разговорной речи. Таким образом, в язык чатов входят как фонетические средства, так и лексические, а также синтаксические. Диалектально окрашенная лексика встречается довольно редко. Вместе с тем наблюдается сравнительно частое использование разговорных слов и выражений, что объясняется влиянием факторов, относящихся к разговорной речи, на коммуникацию в целом. *Tratschen, rumlabern* (= *miteinander quatschen, reden*), *rum baggern* (= *jemanden anmachen*), *na alles paletti bei dir* (= *na alles okay bei dir?*) – некоторые примеры разговорной лексики, употребляемой чаттерами.

Следующие примеры иллюстрируют некоторые признаки разговорной речи (использование диалектальных форм, формы неопределенного артикля, разговорного варианта слова *Konzert, hab* вместо *habe* и т.п.)

(kaputtePuppe) ja, ist toll, ge?:) bei denen war ich auf 'nem konzi und hab zu dem lied total abgedanzt

(kaputtePuppe) schatz, du bischt so lust'sch

Исследование показало, что в приветствиях и при прощании англицизмы играют большую роль. Присущие будничной разговорной речи *sorry, cool, shit, thanks, wow* часто употребляются вместе с *hi, bye, hello, see you, okay*. Помимо уже вошедших в немецкую разговорную речь англицизмов встречается специальная для области информационных технологий лексика, интегрированная в немецкий язык: *Host, user, bannen, kick, filterkick, login, anzuspringen, scroll mal, weired nick, gecancelt, tin-bugs, mal ne runde off gehen, zip es doch etc.* (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998; Bruns, 2001).

Несколько примеров:

DiggerKeks: 105 ungelesene E-Mails:)

DiggerKeks: Jetzt nimmer

Buddy 24: bei mir sagt er.....keine verbindung zur mailbox o. 0

*DiggerKeks: * Keine Verbindung zur Mailbox!*

*(sky) gunit.. was vernunftiger bidde.. *G*.. so nebenbei muss ich eh erst installn*

(Gast1277) alda mei comp spinnt

Для коммуникации в Интернете характерно также использование акронимов и аббревиатур, хотя они встречаются гораздо реже, чем смайлики. Чаще всего употребляется английский акроним *lol* (сокращение от глагола *Laughing Out Loud*), который употреб-

ляется при приветствии или прощании и может служить вербальной основой коммуникации (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998, S. 104–106):

(A) lololololololololoo=====

(B) *echt? wow*

(C)?

(D) *nich singen*

(A) *uch hab gelolt mensch!!!!*

Примерно так же часто употребляется *g* (*grins – grinsen*). *G* нередко выделено звездочками **g**. Возможно повторение символов в акронимах, чаще всего это *ggggggg*, или *g* два или три раза (*gg\ggg*).

Акронимы обычно стоят в изолированной позиции в отличие от смайликов и выполняют экспрессивную и эвуалюативную функции.

Следует привести несколько примеров влияния английского языка на немецкие акронимы:

- 4 U – for you – für dich;
- CU – see you – Man sieht sich;
- GG – good game – gutes Spiel;
- LOL – laughing out loud – lautes lachen;
- PLONK – please leave our newsroom, kid – bitte verlasse unseren Chat-Raum;
- TNX – thanks – Danke;
- Y? – why – warum

(Höcke, Skibicki, Mühlenbeck, 2010, S. 41).

В нашем корпусе также встречались такие акронимы, как *wb – welcome back*, *cs – cybersex*, *thx – thanks*, *vllt – vielleicht*, *fg – falsch gedacht/frechgrins*, *grml – grumble*, *afk – away from keyboard*, *rg – red galsses (netter Mensch)* и др. Кроме смайликов и акронимов встречаются также предикативно употребленные основы *grins*, *freu* и т.п., например *entsetz*, *erroet*, *gaehn*, *heul*, *kicher*, *kotz*, *lach*, *laechel*, *noergel*, *prust*, *regrins*, *schaem*, *seufz*, *stoehn*, *wuerg*, *zittttttt* (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998), а также глаголы действия *anspring*, *geh*, *huepf*, *rumtaenzel*, *blinzl*, *zwinker*, как правило в сочетании с другими компонентами, например *auf bildschirmschau*. Подобного рода глагольные формы были описаны ранее в исследованиях немецких комиксов (Haase, Huber, Krumeich, Rehm, 1997, S. 77). Глаголы мышления и говорения *denk*, *ueberleg*, *frag* и глаголы чувственного восприятия *traeum*, *hoer*, *horch* встречаются на-

много реже. Формы глагола *gucken* практически всегда стоят вместе с другими словами и группами слов и тем самым приобретают новую экспрессивную функцию: *frechguck, ganzliebguck, ganzliebung, verfuhrerischguck, gespanntguck, liebguck, neugierigguck, schueechtern in die runde guck, traurig guck, traurigindieeckeguck*. С учетом синтаксиса речь идет в данном случае о специальных инфинитивных конструкциях. В исследовании (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998, S. 109) они описываются как *verb-letzt-konstruktion*, т.е. конструкции с конечным положением основы глагола без окончания. При чем основа глагола *guck* может писаться как слитно, так и раздельно по отношению к предшествующему слову.

(*kaputtePuppe*) **skeptisch ruberguck**

Среди многочисленных случаев слитного написания находятся такие, которые характеризуются особой близостью к глаголу, в то время как с учетом синтаксиса преимущественно инкорпорируются относящиеся к глаголу обстоятельства и дополнения (*vorsichtigfrag, superfreu, drachenknuddel, mobilatraushol*). Иными словами, чем сложнее инкорпорирующая фраза и чем больше синтаксических функций связано с инкорпорирующими частями, тем вероятнее раздельное написание. Как видно из следующего примера, определение агенса может быть осложнено обращением:

Andariel: snappy ins auge pieks.

То есть агенсом могут быть как *Andariel*, так и *snappy*, в отличие от случаев однозначного употребления таких конструкций:

(*kaputtePuppe*) *huhu pleuro *wink**

(*kaputtePuppe*) **schatz den mund zuhalt**

(A) *Nwo, *am boden liegen seh**

Вместе с тем часто исключительно только по контексту можно определить, к кому и с какой модальностью относится фраза. Ясность может вноситься графически стрелкой или другим эксплицитным указателем:

(Joshi) <— *hat grade nen totalen durchschuss*

(SweetDevil16) <— *hört grad would you feel (Ziggy X remix)*

(sky) <— *hat monitorbeleuchtung *G**

(Pe) <— *gebannt auf bildschirmschau*

Таким образом, можно предположить, что в тех случаях, когда форма глагола не позволяет судить о том, кто является агенсом — субъектом действия, ей соответствует либо личная форма первого лица, и тогда «*gebannt auf bildschirmschau*», например, можно будет трактовать как «*ich schaue gebannt auf den Bildschirm*», либо

личная форма третьего лица, тогда «*schaut gebannt auf den Bildschirm*» (Werry, 1996). В пользу первой гипотезы говорит тот факт, что, как это часто встречается, в глагольных формах редуцируется, но вместе с тем подразумевается личное окончание глагола (*ich komme – ich komm*). Но, с другой стороны, есть примеры, в которых форма глагола предполагает, что это однозначно не форма первого лица:

A: bald in den usa is (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998, S. 110–111).

Считается, что такие конструкции автономны, что можно вывести из стратегий инкорпорирования предикативно употребленных основ глагола. Помимо подобных инфинитивных конструкций и других бесподлежащих предложений в чате можно встретить структуры, в которых агенс выступает без специально выделенного псевдонима, например:

>b knuddelt a schnell, bevor sie wieder zuruck ans band geht.

Никнейм может быть частью высказывания:

*tina singt vor sich hin: if i could turn turn back the hands of time
BöhseOnkelz schmeißt allen eine Torte ins Gesicht:))*

KingofQueens scmeißt mal zurück.

Особенностью диалогов и полилогов в чате являются также эллипсы и конструкции без глагола *haben*:

(Gast119) jemand Lust mit einem Gast zu chatten?

Аграмматизм проявляется, в частности, в рассогласовании, нарушении формально-синтаксической связи между частями высказывания (анаколуфах) и различного рода обрывах (апозиопезах – обрывах, нарушающих синтаксическое построение высказывания и прозиопезах – усечении начальной части высказывания). Прозиопезы в виде опущения ожидаемых инициальных частей реплик диалога довольно широко распространены в чатах. Так, реплика нового участника дискуссии подхватывает реплику предыдущего коммуниканта, становится ее семантическим продолжением даже в том случае, если предшествующая реплика представляет собой законченное высказывание. Реплики-подхваты формально представляют собой предикативную единицу в составе сложносочиненного предложения.

Помимо различных видов спонтанной коммуникации в Интернете, которые ведут к интерактивным диалогам и полилогам, встречаются также похожие на ролевые игры интерактивные кли-

ше, которыми активно пользуются немецкоязычные участники диалогов и полилогов в Интернете. Например:

(pleuro) *hatschiiiiiiiiiiiiii*

(schmusetier) hihi

(Gast197) ohja =)

(tina) gesundheit

(schmusetier) gesundheit pleuro))

fuzzy schreit laut: HAB HUNGER!!!!!!

(kaputtePuppe) *grabsch*

(pleuro):))))))

(tina) ess was

(Rasche) gesundheit hase:) (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998,

S. 110–111).

В ходе второго этапа исследования немецких текстов в Интернете установлено значительное влияние английского языка на лексический состав и синтактико-семантическое варьирование современного немецкого языка (Потапова, Потапов, 2017). Наибольшее влияние английского языка наблюдается в области компьютерной терминологии, которая используется в Интернете, включая область рекламы и различного рода объявлений. Функционирование большого числа англицизмов (а точнее – англоамериканизмов) в немецкоязычной интернет-коммуникации является результатом «экспансии» со стороны англосаксонской (и американской) культуры и экономики (об этом см., напр.: (Добросклонская, 2005)), что приводит к общему процессу своего рода глобализации в лингвистике. Следует также подчеркнуть, что «...англыязычные обозначения стали использоваться раньше по сравнению с немецкоязычными аналогами и вследствие этого более распространены в практике компьютерно-опосредованной коммуникации» (Щипицина, 2010, с. 147).

Исследования в области речевой коммуникации с помощью электронных средств передачи языковой информации, по нашему мнению, логично разделить на два аспекта.

● Исследование языка Интернета как особой технологии передачи информации с помощью компьютерной «сетизации» (термин предложен авторами статьи). Напомним, что собственно само появление Интернета в 1969 г. в США на базе преобразования проекта ARPA – «The Advanced Research Projects Agency» в проект DARPA – «Department of Defense organizations Advanced Research Projects Agency» вызвано постановкой задач прежде всего

военного характера (Bruns, 2001, S. 19–20). Так, Т. Брунс, исследуя русскую интернет-терминологию в сравнении с французской и немецкой интернет-терминологией, один из разделов своей монографии так и называет «Интернет – дитя Америки» (там же, 19). Значительная доля исследования (Runkehl, Schlobinski, Siever, 1998) также посвящена проекту ARPA, положившему начало развитию Интернета.

● Исследование вербальных средств, используемых при передаче информации с помощью Интернета. И в этом случае следует говорить о языковых средствах описания специфики самого технологического канала передачи информации (например, терминосистеме), с одной стороны, и о языковых (вербальных) и неязыковых (пара- и экстравербальных) средствах передачи смысловой информации с помощью Интернета, с другой стороны, что послужило причиной возникновения совершенно новых типов текстов монологического, диалогического и полилогического характера. И в этом случае можно констатировать возникновение и развитие *новой коммуникационно-языковой сферы*, включающей вербалику, паравербалику и экстравербалику. Подобного типа исследования позволили выявить новый тип объекта коммуникации в Интернете: **социально-сетевой дискурс (ССД)**, определяемый как дистантный опосредованный многовекторный и одновекторный, в реальном времени (on-line) и отложенный (off-line), монотематический и политематический, виртуальный диалог / полилог, отражающий рациональный и эмоционально-модальный контент пользователей Интернета (Потапова, 2014; Потапова, 2015; Потапова, Потапов, 2016; Потапова, 2017).

Возвращаясь к первому направлению исследований немецкого языка Интернета применительно к возникшей в связи с этим новой немецкой терминосистеме на базе англо-американизмов, следует выделить те лексические средства, которые прочно вошли в словарь немецкого языка и пополнили семантическое поле «денглиш»: например, *Computer, Domain, Name Server, Copy Program, Frame, Browser, YouTube, Netbook, Spam, Software, Hardware, Klicks, Blog, Link, Chat, chating, chaten, eBay, Livesearch, Google, Online, Offline, Online Services, Provider, Media Profile, Web Guide, Page View, Pixel, Server, Mail, E-Mail (Program), posting, Slogan, Account, Banner, e-business, e-mail, File, Hyperlink, Hypertext, Homepage, I-pool* и др.

Приведем еще некоторые примеры англицизмов, функционирующих в немецкоязычном сегменте Интернета: absaven (от to

save), (an)surfen (от to surf), booten (от to boot), rebooten (от to re-boot), browsen (от to browse), chatten (от to chat), debuggen (от debug), downloaden (от download), sich einloggen (от to log in), flamen (от to flame), forwarden (от to forward), hacken (от to hack), hosten (от to host), interfacen (от to interface), listen (от to list), lurken (от to lurk), mailen (от to mail), mounten (от to mount), plotten (от to plot), posten (от to post), reposten (от to repost) и т.д. (Bruns, 2001, S. 109).

Что же касается второго направления, в русле которого изучаются особенности языка непосредственного общения в Интернете, то здесь вступают в силу законы словообразования немецкого языка, взаимодействующие с англо-американизмами, например *onlinen, Onliner, googeln, klicken, bloggen, Blogger, surfen, Internet-Surfer, chatten, drag (engl.) – von Männern getragene Frauenkleidung (drag queen – Transvestit) – Drager, Happyauer, Handies, Job, Ladys-Night, Hans-Halt's-Service, Fitness-Studio, Service-Paradies, Online-Magazin, Service-Angebote, Banking, Firmenparty, Laser, Hacker, hacken, Google-Konto* и др. (Sick, 2007).

Огромную роль при этом играют акронимы из английского языка, используемые, например, в чатах (см. табл. 1).

Таблица 1

**Интернет-акронимы, активно используемые в денглише
(Höcker, Skibicki, Mühlenbeck, 2010, S. 41–42)**

Akronyme	englisch-deutsche Äquivalente
4 U	(engl.) <i>for you = Für dich</i>
CU	(engl.) <i>see you = Man sieht sich</i> (Nutzt man bei Beendigung eines Chats)
FYI	(engl.) <i>for your interest = Zur Kenntnis</i>
GG	(engl.) <i>good game = gutes Spiel, gemeint</i> Aber eher im Sinne von <i>gut gemacht</i>
LOL	(engl.) <i>laughing out loud = Lautes Lachen</i>
N8	(engl.) <i>night (von «good night») = Gute Nacht</i>
PLONK	(engl.) <i>please leave our newsroom, kid = Bitte Verlasse unseren Chat-Raum, Junge</i>
THX	(engl.) <i>thanks = Danke</i>
Y?	(engl.) <i>why? = Warum?</i>

Яркой иллюстрацией влияния англо-американизмов на немецкий язык в интернет-коммуникации являются данные, отра-

жающие результаты подсчета наиболее употребимых слов за десятилетие 2000–2010 гг. в формате Google (см. табл. 2).

Таблица 2

**Наиболее частотные лексические единицы денглиша
(Duden, 2012, S. 8)**

Wörter	Internet-Quellen	
	Weltweit	Seiten auf Deutsch
<i>Flatrate</i>	83 700 000	24 300 000
Klimawandel	11 100 000	16 900 000
<i>Jobcenter</i>	9 500 000	5 460 000
Klingelton	9 210 000	10 400 000
<i>Ratingagentur</i>	6 560 000	12 500 000
<i>Spamfilter</i>	2 870 000	1 680 000
<i>Passivhaus</i>	2 650 000	3 140 000
<i>Fanmeile</i>	1 410 000	1 230 000
<i>Abwrackprämie</i>	1 210 000	1 400 000
Luftgitarre	423 000	415 000
Dosenpfand	216 000	207 000
<i>Publikumsjoker</i>	204 000	155 000

В качестве иллюстрации к самому факту активного «вхождения» англо-американизмов в научную литературу через Интернет следует привести следующие примеры (Höcker, Skibicki, Mühlenbeck, 2010, S. 5–6):

- *Jobverlust durch Bloggen;*
- *Anonymität verboten! Impressumspflicht für Blogger;*
- *«Mein PC hat die Schweinegrippe!» Virusalarm über den Browser;*
- *«Schatz, warst du auf www.geileschlampen.de?»;*
- *Kindesmissbrauch übers Internet;*
- *Original-Markenware bei eBay verkauft? Macht 1000 Euro;*
- *Betrug und Erpressung bei eBay;*
- *Bitte lächeln! – Bildrechte bei eBay;*
- *Vom Ego-Shooter zum Amokläufer?;*
- *Erwischt, beschimpft, verlassen: Wenn Facebook die Beziehung killt;*
- *Wandern Filesharer in den Knast?;*
- *Warum Google Ihre E-Mails liest;*
- *Nachbar surft mit: Wenn das eigene W-LAN zur Falle wird;*
- *Wer googelt, tauscht Informationen gegen private Daten;*
- *Horror-Urlaub trotz Holidaycheck?*

- *Ich bin du – Identitätsklau im Internet;*
- *Internetsucht kann tödlich sein!*
- *Beim Online-Banking Konto abgeräumt;*
- *Spam kostet Sie hundert Tage Ihres Lebens;*
- *Stalking – Wenn der Verehrer zum Verfolger wird;*
- *Gratis-Software kann teuer sein!*
- *Über Twitter Einbrecher einladen.*

Далее следует остановиться на основных способах словообразования имени существительного, прилагательного и глагола в немецком языке, повлиявших на язык денглиш.

Известно, что имя существительное выражает прежде всего понятие предметности, представляя наименование предмета, его качества, свойства, действия, состояния. Имени существительному присущи грамматические категории рода, числа и падежа. Наиболее характерными словообразовательными признаками имени существительного в немецком языке являются суффиксы. По словообразовательной форме они делятся на корневые, производные и сложные (Степанова, 1953, с. 94; Степанова, Фляйшер, 1984). Рассмотрим первую форму (корневые существительные), к которой относятся, например:

- слова, исторически не соотносящиеся с какими-либо другими основами: например, *das Dach, das Lamm, der Reif, die Schar;*

- слова с «окаменевшим» или «мертвым» аффиксом: например, *die Nacht, das Feld, der Abend;*

- производные или сложные слова с учетом диахронии, утратившие свои этимологические связи и изменившие свою прежнюю словообразовательную форму: например, *der Mensch, das Alter;*

- заимствования без элементов словосложения или словопродводства: например, *der Tisch* (лат. *discus*), *die Tinte* (лат. *tinctoria*).

Ко второй форме относятся производные имена существительные, образованные:

- с помощью аффиксации: например, *der Urwald, die Landschaft;*

- без аффиксов из глагольных корней: например, *der Stand* от *stehen*, *der Ruf* от *rufen*;

- с помощью полуаффиксии: например, *der Seeman, das Werkzeug;*

- с помощью субстантивации: например, *der Gelehrte, das Leben.*

К этой же форме словообразования относятся сложные имена существительные, состоящие из двух или нескольких корневых морфем, основ или грамматически оформленных слов: например, *das Tischtuch, das Tageslicht*. Словообразовательная форма сращения образует особую группу имен существительных: например, *das Dasein, der Uhrmacher*.

Таким образом, класс имени существительного пополняется за счет восьми способов их образования: бессуффиксального образования от глагольных основ; субстантивации; словосложения; префиксации; суффиксации; словообразования при помощи полуаффиксов; сращения; образования сложносокращенных слов (Степанова, 1953, с. 95–96).

Что же касается английского языка, то в основном имена существительные, прилагательные и глаголы образованы аффиксальным путем (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990). В то же время широко представлена суффиксация, образующая имена существительные от основ разных частей речи. Происхождение суффиксов разнообразно. Состав английского языка пополняется с помощью продуктивных суффиксов. Непродуктивные и малопродуктивные суффиксы встречаются в нескольких словах или служат морфологическим признаком имени существительного. Производные существительные образованы с помощью агентивных или абстрактных суффиксов. Префиксальный способ в словообразовании имени существительного в английском языке широкого применения не находит (Карашук, 1977, с. 37).

Говоря о «денглише», следует подчеркнуть, что это явление можно интерпретировать как признак активного употребления англицизмов и англо-американизмов в немецком языке Интернета, и в первую очередь – на лексическом уровне. При этом можно констатировать следующее:

- всецело используется английская лексика;
- немецкая лексика заменяется английскими эквивалентами, однако в большинстве случаев грамматические правила немецкого языка сохраняются;
- используются словосочетания, сформированные не по правилам грамматики немецкого языка.

При проведении данного исследования анализировались различные немецкоязычные сайты в Интернете с расширением **.de**. Далее осуществлялся поиск заимствованных слов и слов, образованных с помощью правил словообразования немецкого языка с

использованием основ слов английского языка, анализировалось, каким именно способом осуществлялось словообразование, приводились примеры словоупотребления в предложении или словосочетании. Приведем некоторые примеры с указанием немецкоязычных сайтов.

Der Actionfilm – action film ‘боевик’. В данном случае имеет место сращение двух основ и образование нового слова. В контексте данное слово употребляется следующим образом: *Die 25 besten Actionfilme aller Zeiten* ‘25 лучших боевиков всех времен’ (Björn Becher, 2012).

Der Bestseller – бестселлер, ходовой товар. Заимствование из английского языка и часто употребляемое в немецкой разговорной речи: *Bestseller in Bücher* ‘книги, пользующиеся спросом’ [Amazon].

Der Airbag ‘подушка безопасности’ – заимствование из английского языка, часто употребляемое в технической (например, автомобильной, авиационной) области. Наряду с этим существует немецкий вариант слова – *das Prallkissen* [Wdr].

Das Ticket – ‘билет’, распространенное слово, взятое из английского языка. Под этим словом может подразумеваться билет на любой вид транспорта, в кино, театр. Применение: *Ein Ticket – viele Vorteile* ‘Один билет – много преимуществ’ [Bahn].

Die Audio CD – заимствование из английского языка, часто употребляемое в Интернете. Конкретного перевода нет, так как для русского языка данное словосочетание является заимствованным, обозначает ‘диск с аудиозаписью’ [Amazon].

Der Job ‘работа’ и *der Babysitter* ‘няня’ являются заимствованиями из английского языка, часто находят применение в разговорной речи. Существует немецкое слово *der Kinderhüter*, обозначающее ‘няню’. *Zur Vorbereitung auf den ersten Job als Babysitter finden Sie hier wichtige Tipps für einen erfolgreichen Start* (здесь: ‘Вы найдете важные советы для хорошего старта работы няней’) [Hallobabysitter].

Der Sound – заимствование из английского языка, означает ‘звук’, существует также немецкое слово *der Ton*. ‘Звук для твоих проектов’ = *der Sound für deine Projekte* [Dersound].

Der Look – ‘мода’, употребляется в разговорной речи: *die aktuellsten Look* = ‘Актуальная мода’ [Asos].

Das Camp – ‘лагерь’ – заимствование из английского языка: *Über das Camp 2013* (‘О лагере 2013’). Существует и немецкий вариант слова – *das Lager* [Faw-sommercamp].

Die Airline – ‘авиалиния’ – заимствование из английского языка. *Wie die Airline versucht...* ‘как авиалиния пытается...’ Существует немецкое слово – *die Fluggesellschaft, Fluglinie* [Rp-online].

Der Airport – ‘аэропорт’ – заимствование из английского языка: *Mein Hamburg Airport* (‘мой аэропорт в Гамбурге’), употребляется также немецкий эквивалент – *der Flughafen* [Airport].

Der Partner – ‘партнер, собеседник’, заимствование из английского языка: *BMW Partner* (‘партнеры БМВ’).

Die Innovation – ‘новшество’, заимствование из английского языка. Немецкий эквивалент – *Neuerung* [Bmw 2].

Der Eventmanager – ‘организатор мероприятия’ – заимствование из английского языка, получившееся в результате сращения двух основ [Maria Fiedler, 2014].

Die Fitness – ‘фитнес’ – заимствование из английского языка: *Für Körper und Geist* (‘для тела и души’) [Jeanette Müller, 2013].

Das Goal – ‘цель’ – заимствование из английского языка. Немецкий вариант – *das Ziel* [Fifa].

Das Future – ‘будущее время’ – заимствование из английского языка. Немецкий эквивалент – *die Zukunft* [Focus].

News – ‘новости’ – заимствование из английского языка. Немецкий эквивалент – *die Nachricht* [Mcarthurglen].

Feeling – ‘чувство’ – заимствование из английского языка. Немецкий эквивалент – *das Gefühl* [Motor-talk].

Die Checkliste – ‘перечень операций по проверке состояния оборудования’. В данном случае имеет место сращение: *check* – англ. ‘проверить’ и *liste* – нем. ‘лист, список’ [Motorbasar].

Das Cockpit – ‘кабина пилота’ – заимствование из английского языка [Motor-talk].

При исследовании немецких глаголов установлено, что в основном они образованы с помощью присоединения немецкого суффикса *-en* к основе английского глагола, например:

- глагол *browsen* образован от английского глагола *to browse* (‘пролистывать, просматривать’), используется в компьютерной терминологии [Library];

- *chatten* образован от глагола *to chat* (‘беседовать в Интернете’). Используется в компьютерной терминологии. *Kostenlos chatten* (‘бесплатное общение в Интернете [чате]’). Немецкий вариант – *plaudern* [Chatten-gehen];

● *dealen* – ‘торговать наркотиками’, в основе лежит английский глагол *to deal*: *Beim marihuanna dealen* (при торговле марихуаной) [Gutefrage];

● *einloggen* – немецкий глагол, имеющий значение ‘вести логин и пароль’ [Ebay];

● глагол *faxen* употребляется, когда необходимо объяснить, что документы пересылаются с помощью факса: *Ratgeber faxen über das Internet* (‘Консультант передает документы факсом’) [Klaus Manhart 2011];

● *flirten* – ‘флиртовать’, образован как и предыдущие глаголы, с помощью добавления грамматического суффикса *-en* к основе глагола *flirt*: *Wie gut können Sie flirten?* (‘Насколько хорошо Вы умеете флиртовать?’) [Fitforfun];

● *googeln* – ‘искать информацию с помощью поисковой системы Google’. Существует английский вариант *to google*;

● *joggen* – ‘бегать’, глагол с такой же основой есть и в английском языке: *to jog*: *Morgens zu joggen ist eine Wohltat für Körper und Geist* (‘Бегать по утрам полезно для тела и духа’) [Daniel Eilers 2012];

● *mailen* – ‘писать электронные письма’. Основа взята от английского глагола *to mail*: *Mailen Sie uns Ihren Lieblingsongs oder Lieblingsklassiker!* (‘Присылайте нам ваши любимые песни и классическую музыку!’) [Br];

● немецкий глагол *recyclen* – ‘перерабатывать’ образован от глагола *to recycle* [Haz];

● *scannen* происходит от глагола *to scan* (‘сканировать’). *Kopieren, Scannen und Drucken* (‘копировать, сканировать и распечатывать’). Глагол находит применение в компьютерной области, а также в разговорной речи [Slub-dresden];

● *shoppen* имеет в основе английский глагол *to shop* (покупать, закупать). Употребляется в разговорной речи. В немецком языке существует эквивалент к данному глаголу – *einkaufen gehen* [Asos];

● глагол *updaten* имеет в основе английский глагол *to update*, который означает *обновить*. Сфера употребления – компьютерные технологии. *Wie kann ich TeamViewer updaten?* ‘Как я могу обновить программу TeamViewer?’ [Teamviewer];

● *upgraden* – ‘внести изменения, улучшаться, модернизировать’. Глагол используется в компьютерной области [Apple];

● английский вариант глагола ‘архивировать’ – *to zip*, немецкий – *zippen* [Johannes Keller 2013];

● *downloaden* – ‘скачивать из Интернета’, существует и немецкий эквивалент – *herunterladen*;

● *zappen* – ‘переключать каналы’, глагол используется в разговорной речи [Moritz Stückler];

● *sleepen* – ‘спать’, глагол используется в разговорной речи для обозначения компьютера в спящем режиме. Немецкий вариант – *schlafen* и *übernachten* [Motor-talk].

Таким образом, можно сделать вывод, что немецкий язык в Интернете действительно подвержен большому влиянию со стороны английского языка. Например, имеется ряд заимствований – слов, образованных с помощью средств немецкого словообразования, но основой которых являются слова из английского языка. Применительно к английским именам существительным чаще всего добавляется артикль по правилам немецкого языка, который определяет род существительного. Если рассматривать словообразование глагола, то можно увидеть, что он практически во всех случаях образуется путем добавления к основе английского глагола суффикса *-en*. В некоторых случаях наблюдается удвоение согласной, которая стоит на стыке корневой морфемы с суффиксом *-en*.

Наибольшее влияние английского языка было отмечено в областях компьютерной терминологии и лексики, которая используется в обыденной жизни. Использование англо-американизмов носителями немецкого языка в интернет-коммуникации является результатом своеобразной англо-американской языковой «экспансии». Особенности организации диалога в Интернете оказывают непосредственное влияние на используемый язык, что приводит к диффундированию письменных и устных форм вербального общения, появлению заимствований и акронимов (Потапова, 2012 а).

Образование немецких неологизмов под влиянием английского языка облегчает собеседникам процесс коммуникации в Интернете, так как способствует развитию своего рода языка *lingua franca* на базе языка межнационального общения в современном обществе – т.е. английского языка. Исходя из данных, полученных в ходе нашего исследования, можно предположить, что «денглиш» постепенно утратил отрицательно-ироническую смысловую коннотацию, как это было ранее, и утвердился в статусе полноправного средства вербальной коммуникации в немецкоязычном сегменте Интернета. Причиной этого можно считать, с одной стороны, факт превращения глобального проекта ARPAnet в интернет-всемирную сеть со всеми вытекающими из этого последствиями

применительно к англо-американской терминосистеме для технологий в области информационно-коммуникационной глобальной сети; и, с другой стороны, факт использования англо-американизмов в качестве *lingua franca* интернет-пользователями среднего поколения и молодежью. Особую роль при этом играют акронимы. Так, например, при переписке делового и бытового характера и особенно в ситуации дефицита времени несомненно удобнее использовать акроним *asap* («*as soon as possible*»), чем фразу «*so schnell wie möglich*», и т.д. Что же касается влияния англо-американизмов технологической терминосистемы на соответствующую немецкую терминосистему, то в данном случае немецкий язык «подстраховал» себя созданием мощной терминосистемы лексических эквивалентов (например, *interface* – *die Schnittstelle, das Interface; interface computer* – *der Schnittstellenrechner, file* – *die Datei; base* – *die Basis; input* – *eingeben; output* – *ausgeben; intelligent database* – *die intelligente Datenbasis* и др.), нашедших отражение в ряде специализированных словарей. Более того, функционирующие в «денглише» англо-американизмы приобрели в подавляющем числе случаев грамматическую форму немецкого языка, и этот процесс своего рода «онемечивания» англо-американизмов свидетельствует о синтагматико-парадигматической структурной силе немецкого языка, не нуждающегося в защите со стороны представителей различного рода пуристских течений, на что мы уже указывали ранее. В данном случае в отношении «денглиша» в Интернете можно говорить о своего рода изменениях, являющихся следствием языкового процесса, близкого к процессу языковых трансформаций под влиянием супстрата – английского языка.

Список литературы

- Дедова О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. – М., 2008. – 284 с.
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: (Опыт исследования современной английской медиаречи). – 2-е изд. – М., 2005. – 288 с.
- Карацук П.М. Словообразование английского языка. – М., 1977. – 303 с.
- Кристал Д. Английский язык как глобальный / Пер. с англ. – М., 2001. – 240 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. – М., 1990. – 682 с.
- Миронова Н.Н. Немецкий язык в глобальном пространстве // Языки в современном мире: Материалы VIII Междунар. конференции НОПриЛ – NAAL. – М., 2009. – С. 44–54.

- Немецкий язык в глобальном мире // Сборник материалов Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: «Перспектив Свободный-2016», посвящ. Году образования в Содружестве Независимых Государств. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15–25 апреля 2016 г. – Красноярск, 2016. – Режим доступа: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/21543/nemeckiy_yazyk_v_global_nom_mire.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Дата обращения: 09.06.2017.)
- Потапова Р.К.* Виртуальная коммуникация и лингвистика // Материалы Международной научной конференции «Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики. – М., 2002 а. – С. 94–95.
- Потапова Р.К.* Новые информационные технологии и лингвистика. – М., 2002 б. – 573 с.
- Потапова Р.К.* Приложение 2: Internet chat vocabulary; Приложение 3: Internet chat jargon // Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. – 5-е изд. – М., 2012 а. – С. 310–317.
- Потапова Р.К.* Специфика немецкой разговорной речи во Всемирной сети // Динамические процессы в германских языках: Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. – М.; Калуга, 2012 б. – С. 140–152.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. – М., 2015. – Вып. 1. – 146 с.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. – М., 2017. – Вып. 2. – 133 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* «Денглиш» в интернет-коммуникации // Грамматика германских языков в антропоцентрической перспективе: Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. – М., 2017. – [в печати].
- Проблемы языка в глобальном мире. – М., 2016. – 208 с.
- Речевая коммуникация в информационном пространстве. – М., 2017. – 108 с.
- Рудяков А.Н.* Георусистика: Русский язык в глобальном мире. – М., 2016. – 392 с.
- Словарь языка интернета. ru. – М., 2016. – 288 с.
- Современный русский язык в интернете. – М., 2014. – 328 с.
- Степанова М.Д.* Словообразование современного немецкого языка. – М., 1953. – 376 с.
- Степанова М.Д., Фляйшер В.* Теоретические основы словообразования в немецком языке. – М., 1984. – 264 с.
- Федорова Е.А., Жгарева Т.И., Малюгина Н.М.* Русскоязычный Интернет как зеркало универсального сетевого мышления // Проблемы языка в глобальном мире. – М., 2016. – С. 185–191.
- Хайдарова В.Ф.* Краткий словарь интернет-языка. – М., 2012. – 328 с.
- Щитицина Л.Ю.* Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. – М., 2010. – 298 с.
- Ammon U.* Die deutsche Sprache im Spannungsfeld nationaler Interessen und Globaler Kommunikation: Begriffserklärungen und Theorieansätze // Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – В. etc., 2015. – Kap. A. – S. 1–105.
- Bruns Th.* Russische Internet-Terminologie unter vergleichender Berücksichtigung des Französischen und des Deutschen. – Frankfurt a. M. etc., 2001. – 459 S.
- Duden: Unnützes Sprachwissen: Erstaunliches über unsere Sprache. – Mannheim; Zürich, 2012. – 80 S.

- Feldweg H., Kibinger R., Thielen Ch.* Zum Sprachgebrauch in deutschen Newsgruppen // Osnabrücker Beitr. zur Sprachtheorie. – 1995. – N 50. – S. 143–154.
- Hofstetter Y.* Sie wissen alles: (Wie big Data in unser Leben eindringt und warum wir um unsere Freiheit kämpfen müssen). – München, 2016. – 351 S.
- Höcker R., Skibicki K., Mühlenbeck F.* Lexikon der Internetfallen. – B., 2010. – 240 S.
- Internetkommunikation und Sprachwandel / Haase M., Huber M., Krumeich A., Rehm G. // Sprachwandel durch Computer. – Opladen, 1997. – S. 51–85.
- Kresic M. Kommunikationstheorie und Internet // Networks. – 2000. – N 15. – Mode of access: (<http://www.mediensprache.net/de/networx/docs/networx-15.asp>.)
- Macedo D., Bartolome L.I.* Multiculturalism permitted in English only // Intern. multi-ling. research j. – 2014. – N 8. – P. 24–37.
- Potapova R.K.* Social network discourse as an object of interdisciplinary research // Proceedings of the Second international scientific conference «Discourse as social activity: Priorities and perspectives». – Moscow, 2014. – P. 20–22.
- Potapova R., Potapov V.* Polybasic attribution of social network discourse // SPECOM 2016. – Heidelberg, 2016. – Vol. 9811. – P. 539–546. – (LNCS).
- Runkehl J., Schlobinski P., Siever T.* Sprache und Kommunikation im Internet: Überblick und Analysen. – Opladen; Wiesbaden, 1998. – 240 S.
- Sick B.* Happy Aua: Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache. – Köln, 2007. – 140 S.
- Websprache.net: Sprache und Kommunikation im Internet. – B.; N.Y., 2005. – 331 S.
- Werry C.* Linguistic and interactional features of Internet Relay chat // Computer-mediated communication: Linguistic, social and cross-cultural perspectives. – Amsterdam, 1996. – P. 47–63.

Источники

- Airport. – Mode of access: <http://www.airport.de/en/index.phtml>
- Amazon. – Mode of access: <http://www.amazon.de/Die-Memoiren-Herrn-Schnabelowopski-Audio-CD/dp/393351410X>
- Amazon. – Mode of access: <http://www.amazon.de/gp/bestsellers/books>
- Apple. – Mode of access: <http://www.apple.com/de/osx/server/how-to-upgrade/>
- Asos. – Mode of access: www.asos.de/?r=2
- Bahn. – Mode of access: <http://www.bahn.de/regional/view/regionen/freizeit/quer-durchs-land.shtml>
- Björn Becher. Die 50 besten Actionfilme. – 2012. – Mode of access: <http://www.filmstarts.de/specials/951.html>
- Bmw 1. – Mode of access: <http://www.bmw.de/de/fastlane/bmw-partner.html>
- Bmw 2. – Mode of access: <http://www.bmw.de/de/fastlane/grosskunden-behoerden/uebersicht.html>
- Br. – Mode of access: <http://www.br.de/radio/bayern3/sendungen/greatest-hits/musikwunsch-wunsch-hit-mix100.html>
- Chatten-gehen. – Mode of access: <http://www.chatten-gehen.de/>
- Daniel Eilers. Joggen in den Morgenstunden. – 2012. Режим доступа: <http://www.runnersworld.de/gesundheit/joggen-in-den-morgenstunden.278497.htm>

Dersound. – Mode of access: <http://dersound.de/>

Ebay. – Mode of access: <http://pages.ebay.de/help/account/signin.html>

Faw-sommerscamp. – Режим доступа: <http://www.faw-sommerscamp.de/ueber-das-camp/artikel102>

Fifa. – Mode of access: <http://de.fifa.com/aboutfifa/footballdevelopment/projects/ goal-programme/>

Fitforfun. – Mode of access: http://www.fitforfun.de/sex-soul/psychotests/flirt-test-wie-gut-koennen-sie-flirten_aid_6877.html

Focus. – Mode of access: http://www.focus.de/finanzen/news/wirtschaftsticker/future-faellt-unter-technische-unterstuetzung-bei-9600-punkten_id_3849673.html

Gutefrage. – Mode of access: <http://www.gutefrage.net/tag/dealen/1>

Hallobabysitter. – Mode of access: <http://www.hallobabysitter.de/fuer-babysitter/tipps-zum-babysitting.html>

Haz. – Mode of access: <http://www.haz.de/Nachrichten/Kultur/Musik/Von-Electro-zu-Disco-Daft-Punk-recyclen-sich-neu>

Jeanette Müller. Fitness für Körper und Geist. – 2013. – Mode of access: <http://www.dw.de/fitness-f%C3%BCr-k%C3%B6rper-und-geist/a-16527776>

Johannes Keller. Zippen. – 2013. – Mode of access: <http://www.netzmarginalien.de/zippen>

Klaus Manhart. Ratgeber Faxen über das Internet. – 2011. – Mode of access: <http://www.computerwoche.de/a/ratgeber-faxen-ueber-das-internet,593006>

Library. – Mode of access: <http://www.library.ethz.ch/exhibit/blaettern/>

Maria Fiedler. Viel Stress, wenig Geld. – 2014. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/karriere/berufsleben/eventmanager-parties-organisieren-bei-geringem-gehalt-a-964320.html>

Mcarthurglen. – Mode of access: <http://www.mcarthurglen.com/de/designer-outlet-neumuenster/de/das-center/news/>

Moritz Stückler. Mehr Spaß beim Zappen: Die beste Hardware für TV-On-Demand. – Mode of access: <http://t3n.de/magazin/hardware-tv-on-demand-mehr-spas-beim-zappen-232818/>

Motorbasar. – Mode of access: http://www.motorbasar.de/artikel/kauf%2Fpruefliste_besichtigungstermin.html

Motor-talk. – Mode of access: <http://www.motor-talk.de/dialog/peugeot/der-staerkste-loewe-aller-zeiten-t4897137.html>

Motor-talk. – Mode of access: <http://www.motor-talk.de/forum/paris-aber-wo-sleepen-t4525450.html>

Motor-talk. – Mode of access: <http://www.motor-talk.de/news/das-grasgeschoss-von-honda-t4905102.html>

Rp-online. – Mode of access: <http://www.rp-online.de/leben/reisen/news/wie-die-airline-versucht-die-streik-drohung-in-den-griff-zu-bekommen-aid-1.4142948>

Slub-dresden. – Mode of access: <http://www.slub-dresden.de/service/kopieren-scannen-drucken/>

Teamviewer. – Mode of access: <http://www.teamviewer.com/de/help/358-Wie-kann-ich-TeamViewer-updaten.aspx>

Wdr. – Mode of access: http://www.wdr.de/tv/quarks/sendungsbeitraege/2008/0729/001_unfall.jsp

Н.В. Петлюченко

**ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
НА СОВРЕМЕННЫЙ НОРМАТИВНЫЙ СТАТУС
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА:
*KLARES DEUTSCH ODER DENGLISCH?***

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты анализа языковой ситуации в Германии, связанной с усиливающейся ролью английского языка, рассмотрены причины экспансии английского языка в современном глобализованном мире, представлены результаты исследования лингвокультурной адаптации англоязычных слоганов в немецком рекламном дискурсе, определена роль «Союза немецкого языка» (VDS) как авангарда пуризма в борьбе за чистоту немецкого языка, а также проанализированы новинки на книжном и образовательном рынках Германии, свидетельствующие об укреплении английского языка как мотивирующего стимула в научной и образовательной карьере немцев внутри Германии и за ее пределами.

Постановка проблемы: причины лингвокультурной экспансии английского языка в современном глобализованном мире и Германии. Лингвистическая сторона современных цивилизационных процессов отражается в усиливающейся экспансии английского языка, которой способствует ряд факторов: (1) политическое и военное могущество англоязычных стран, сильная экономика, а также развитие транснациональных корпораций; (2) большинство научных исследований в мире публикуются в научных и технических журналах, выходящих на английском языке; (3) культурная экспансия английского языка и англо-саксонских черт ментальности, чему способствуют американские киноиндустрия и поп-музыка (557 всемирно известных к началу XXI в. поп-групп 549 пели полностью или в основном на английском языке);

(5) Интернет и поисковые системы; (6) развитие мультимедийных средств (Парыгин, Мельникова, 2012).

Анализ актуальной языковой ситуации в Германии показывает, что усиливающаяся роль английского языка не может оставить равнодушными не только так называемых пуристов, в авангарде которых стоит «Союз немецкого языка», пытающийся искусственным образом регулировать виды и пропорции англицизмов в немецком языке, но и лингвистов, исследовательский интерес которых пытается охватить весь спектр проявлений *Denglisch*, в частности в немецкоязычном сегменте Интернета (Потапова, Потапов, 2016), кодифицированном стандарте (Eichinger, 2013), в национальных языковых вариантах (Pfalzgraf, 2006, 2009), немецком научном (Zabel, 2005), парламентском (Borsch, 2008) и менеджерском (Kruff, 2014) дискурсах, а также влияние ложных англицизмов на некоторые европейские языки, включая итальянский, испанский, французский, немецкий, датский, норвежский и русский (Furiassi, 2015).

Попытка произвести «перезагрузку» латинского языка в виде антитезы «*Denglisch vs Denglatein*», предпринятая немецким филологом-классиком К.В. Вебером, является всего лишь напоминанием о том, что «*mindestens die Hälfte des heftig umstrittenen “Denglisch” hat seinen Ursprung im Lateinischen: wer also beispielsweise durch die City geht, durchstreift im Grunde die lateinische civitas*» (Weeber, 2011). Однако латынь, которая в настоящее время в немецких вузах вводится в качестве обязательной дисциплины в рамках магистерского курса, по-прежнему остается скорее прерогативой классических филологов и не может составить достойную конкуренцию востребованному английскому как средству коммуникации в бизнесе, науке и интернет-сообществах, о чем иронично свидетельствует более частое использование денглицизированного варианта «*Latein-Crash-Kurse*» вместо «*Latein-Intensiv Kurse*».

Результаты исследования лингвокультурной адаптации англоязычных слоганов в немецком рекламном дискурсе дортмундской и кельнской социологическими школами Германии. В 2004 г. дипломница кафедры экономической и социальной статистики Дортмундского университета Изабель Кик провела исследование рекламных слоганов, результаты которого оказали решающее влияние на победу немецких пуристов в негласной борьбе с английским «доминанизмом». В рамках своего дипломного про-

екта «*Die Wirkung von Anglizismen in der Werbung: "just do it" oder lieber doch nicht?*» госпожа Кик протестировала (процедура была схожа практически с тестированием на детекторе лжи) 10 рекламных слоганов (фраз), при анализе которых у 24 участников эксперимента были сделаны замеры электропроводимости кожи, реагировавшей на эмоциональное принятие или непринятие этих рекламных слоганов (*Denglisch in der Werbung: Komm rein und finde wieder raus* [Electronic resource]).

Достаточно четкие чувственные реакции были зафиксированы у пробандов при просмотре следующих пяти немецких рекламных слоганов: «*Wir sind da*», «*Ganz schön clever*», «*Wenn's um Geld geht*», «*Geiz ist geil*» и «*Wohnst du noch oder lebst du schon?*». Последние два слогана вызвали у участников эксперимента наиболее сильные эмоциональные реакции. Также в экспериментальную подборку были включены английские рекламные слоганы «*Fly high, pay low*», «*Nothing between us*», «*Designed to make a difference*», «*Come in and find out*» и «*Have a break, have a kitkat*». При восприятии английских слоганов у участников эксперимента отмечались явные проблемы с правильным пониманием смысла слогана, его содержания на английском языке. Такое непонимание, считает И. Кик, приводит к ослаблению интереса к этой рекламе и низкой эмоциональной связи со слоганом. Особенно значительные отличия в реакциях на немецкие рекламные слоганы отмечались у молодых людей и пожилых женщин без образования, которые реагировали в два раза сильнее на немецкоязычные слоганы. При этом исследовательница подчеркивает, что тест с электропроводимостью кожи не в состоянии показать, является ли реакция пробандов положительной или отрицательной (Kick, 2004).

Репрезентативное исследование, выполненное чуть ранее, в 2003 г. немецким концерном *Kölner Endmark*, также показало низкий уровень правильного понимания немцами англоязычной рекламы; они с трудом могли перевести такие слоганы, как «*Be inspired*» (*Siemens mobile*), «*One Group. Multi Utilities*» (*RWE*). Очень приблизительно половина опрошенных справилась с переводом таких слоганов, как «*Every time a good time*» (*McDonald's*) и «*There's no better way to fly*» (*Lufthansa*). Участники эксперимента предложили курьезные варианты перевода для следующих слоганов: «*Come in and find out*» (*Douglas*) – как «*Komm rein und finde wieder heraus*»; «*Drive alive*» (*Mitsubishi*) – как «*Fahre lebend*»; «*Powered by emotion*» (SAT. 1) – как «*Kraft durch Freude*».

На сегодняшний день в рекламном дискурсе Германии отмечается четкая тенденция к использованию немецких слоганов вместо англоязычных, например вместо «*Every time a good time*» – «*Ich liebe es*» (McDonald's), вместо «*Fashion for Living*» – «*Preise gut, alles gut*» (C & A), «*Powered by emotion*» – «*Sat. 1 zeigt's allen*» (Sat. 1), вместо «*There's no better way to fly*» – «*Alles für diesen Moment*» (Lufthansa), вместо «*Come in and find out*» – «*Douglas macht das Leben schöner*» (Douglas) (Englisch ist out: Werbung spricht wieder deutsch [Electronic resource]).

«Союз немецкого языка» как авангард пуризма в Германии. Понятно, что такие результаты вылились огромное количество воды на мельницу немецких пуристов, оплотом которых является кафедра экономической и социальной статистики Дортмундского университета, возглавляемая профессором В. Кремером, по совместительству председателем «Союза немецкого языка» (нем. *Der Verein Deutsche Sprache, VDS*). Эта организация была создана в 1997 г. и называлась «Союзом по сохранению немецкого языка», что, собственно, и соответствует ее актуальным целям до сих пор. Однако в 2005 г. из-за вредного характера профессора В. Кремера в союзе произошел раскол, в результате которого образовались «*Sprachrettungsklub Bautzen / Oberlausitz*» и «*Aktion Deutsche Sprache*». Эти организации и основной союз активно продолжают исторические традиции немецкого языкового пуризма, заложенные в XVII в. Филиппом фон Цезеном, Кристианом Вольфом и другими, боровшимися первоначально не за чистоту немецкого языка от заимствований, а за порядок внутри немецкого языка (Lipczuk, 2007). Союз издает индекс англицизмов, классифицируемых по трем группам: (1) дополняющие или пополняющие («*ergänzend*»), например: *Baby, Boiler, Clown, fair, Interview, Sport*, 3,0%); (2) дифференцирующие («*differenzierend*»), например: *E-Post / e-mail, Prallkissen / air bag, Bahnsteig / Perron, Bürgersteig / Trottoir, Hubschrauber / Helicopter*, 18,0%); (3) вытесняющие («*verdrängend*»), например: *keeper (Torwart), shop (Laden), slow motion (Zeitlupe), ticket (Fahr-, Eintritts-, Theater-, Kino-, Flugkarte, Strafzettel), all-inclusive (Pauschalangebot), bad bank (Auffangbank)*, 79,0%) (Der Anglizismen-Index [Electronic resource]).

Также «Союз немецкого языка», насчитывающий на сегодняшний день 36 тыс. членов, ежегодно присуждает антипремию «*Sprachpanscher des Jahres*» (фр. «*Académie de la Carpette anglaise*», англ. «*English Doormat Academy*») организациям и людям,

которые в публичном дискурсе используют много «трендовых» слов иностранного происхождения, среди которых львиную долю составляют англицизмы. Так, в 2015 г. такую антипремию получил президент Мюнхенского технического университета г-н В.А. Херманн, предложивший вести все магистерские программы в Мюнхенском техническом университете только на английском языке (TU-Präsident ist «Sprachpanser des Jahres» [Electronic resource]). Такой подход получил глубокое осуждение у президента «Союза немецкого языка» г-на В. Кремера, который с помощью эпитетов назвал это решение «низкопоклонничеством перед англосаксонской культурой, что однозначно наносит удар, практически предаёт немецкий язык, претендующий на серьёзную роль языка науки» (Präsident der TU München ist der Sprachpanser des Jahres 2015 [Electronic resource]). В 2016 г. этой премии повторно удостоился телеканал ZDF в лице его директора Томаса Беллуат за избыточное количество англицизированных названий передач («Kiddie Contests», «Webcam Nights», «I can do that – die große Promi-Challenge»), которые, по мнению В. Кремера, удерживают зрителя от дальнейшего просмотра передач из-за плохого владения *Denglisch* (ZDF ist Sprachpanser des Jahres 2016 [Electronic resource]).

Влияние *Denglisch* на немецкий произносительный стандарт. Интересно проследить в контексте данной статьи устойчивость / неустойчивость к влиянию английского языка немецкого произносительного стандарта, пуристское нормирование которого было осуществлено в 1898 г. и ориентировалось на «*reines Hochdeutsch*»: лингвисты (Теодор Зибс) вкуче с театрами разработали и предложили в жесткой приписываемой форме единый произносительный стандарт «*Deutsche Bühnenaussprache*», который затем подвергался критике за стремление к избыточно четкой театральной артикуляции и отказ от фоностилистической вариативности, диктуемой реальной речевой практикой говорящих в разных сферах жизни – от прочтенного выпуска новостей до разговора в быту. Исследование речи дикторов и модераторов в современном телевизионном дискурсе Германии, проведенное Ю.Г. Монастырской, свидетельствует об имплицитной победе пуристов, поскольку все англицизмы подвергаются характерной для немецкой системы консонантизма фортизации и коартикуляторного оглушения звонких шумных согласных, а также вокалической реализации фонемы /г/ как в кодифицированной норме, так и в речевой действительности. В речи телевизионных дикторов и модера-

торов отмечается целенаправленная тенденция к частичному и тотальному онемечиванию, несмотря на стремление модераторов к воспроизведению аллофонов фонем, не имеющих аналогов в системе немецкого консонантизма, с разной степенью приближенности к языку-оригиналу (например, использование в абсолютном начале и середине в англицизмах английского ретрофлексного аппроксиманта [r] (*Reload, Crash, Celebrity, Overall*)) вместо нормативного немецкого фрикативного [ʁ] и увулярного вибранта [R] (*Rockstar*). Такая «английскость» связывается именно с тем, что немецкие дикторы свободно владеют английским языком и произносят названия популярных социальных сетей, видов спорта, музыкальных групп, модных трендов и др. на английский лад, например *Hurrikan Sandy, Roller Derby, Ratingagentur, Raper, World Trade Centre, Spider Murphy Gang* и др. (Монастырская, 2013).

В поисках одного языка как универсального средства научной коммуникации. А что же думает немецкое научное сообщество по поводу возможного использования одного языка (в частности, английского) в качестве универсального средства коммуникации между немецкоязычными учеными? В сборнике статей (*Deutsch als Wissenschaftssprache: Thesen und Kommentare zum Problemkreis «Denglisch»*, 2005) предприняты слабые попытки защитить немецкий язык как язык научной коммуникации, которые скорее напоминают глас вопиющего в пустыне. Авторы выдвинули пять следующих эмоционально окрашенных тезисов: (1) на международном уровне английский язык выполняет важную функцию средства коммуникации; (2) использование только английского языка внутри немецкого научного сообщества ведет к затруднению обмена мыслями и идеями; (3) примат единого языка общения в области науки обозначает духовное обеднение; (4) бегство в английский препятствует развитию немецкого научного языка; (5) предательство, оставление на произвол судьбы родного (немецкого) языка приведет к распаду связей между наукой и публичностью.

Необходимо отметить, что в актуальной борьбе позиции поборников *Denglisch* совершенно не ослабевают, а, напротив, продолжают укрепляться и пропагандироваться в сторону английского языка как средства научной коммуникации. Так, если у немецких школьников возникают проблемы с английским языком для специальных целей, то в новом пособии *«Fachenglisch für Laborberufe»* лингвист-профессионал С. Ханфт предлагает на 400 страницах систематические знания в области английской тер-

минологии в следующих научных областях: бизнес-коммуникация, биомедицина, химия, биохимия, физическая химия, юридический язык, математика, статистика, биология, промышленная терминология. Книга также снабжена тестовыми заданиями с ответами и обширным грамматическим комментарием. Автор убежден, что *«mit fortschreitender Globalisierung von Waren und Dienstleistungen hält an immer mehr Arbeitsplätzen in Chemie-, Pharma- und Biotech-Branche die englische Sprache Einzug»* (Hanft, 2016).

Также на книжном рынке Германии дополнительно переиздается карманный справочник немецкого врача для коммуникации в англоязычном медицинском дискурсе *«Englisch im klinischen Alltag: Kitteltaschenbuch für den Auslandsaufenthalt»*, где представлены краткие описания устройства американских и британских больниц, правила участие в конкурсе на получение места в англоязычных больницах, коммуникативные клише для общения с пациентами и др. Справочник снабжен списком английских медицинских аббревиатур, правилами оформления медицинской документации, расшифровок лабораторных анализов, карты индивидуального осмотра больного и др. Прагматика такого справочника ясна: *«Ideal zur Vorbereitung eines Auslandsaufenthalts und als guter Begleiter vor Ort. Dank des handlichen Formats immer dann zur Stelle, wenn es gerade gebraucht wird: In der Kitteltasche während der Arbeit am Patienten und im Krankenhaus»* (Müllauer, 2016). Также не отказываются от активного овладения английским языком и молодые немецкие юристы, для которых существует специальный курс по изучению права на двух языках, в результате освоения которого они получают две академические степени бакалавра: Bachelor of Laws (LL.B.) des University College London и Bachelor of Laws der Universität zu Köln. Основным условием для такой билингвальной учебы является одно – *«hervorragende Englisch-Kenntnisse»* (ZDF ist Sprachpanser des Jahres 2016 [Electronic resource]).

Дискуссия и выводы. Таким образом, подведем итоги и ответим на вопрос, поставленный в заголовке статьи: *klares Deutsch* или *Denglisch*? Очевидно, что борьба немецких пуристов с английским доминанризмом происходит с переменной победой первых над последним. Это объясняется общим синергетическими законами способности системы языка к развитию и самосохранению. В этом контексте обращает на себя внимание противоречивая позиция «Совета по немецкому правописанию» (нем. *Rat für deutsche Rechtschreibung, RdR*), который, как и Союз немецкого языка, вы-

стует в роли межгосударственного регулятора в немецкоязычном языковом пространстве Германии, Австрии, Швейцарии, Южного Тироля, Лихтенштейна и немецкоязычного сообщества Бельгии в области правописания и обладает функциями предписывающего органа. Однако буквально свежим решением Совета из кодифицированного стандарта вычеркиваются онемеченные *Ketschup*, *Grislibär*, *Joga*, которые заменяются на англоязычные *Ketchup*, *Grizzlybär* и *Yoga*. Также правильными считаются галлицизмы *Roulette* и *Varieté* вместо неприжившихся *Roulett* и *Varietee*. Правильным сегодня считается написание слова *Vandalismus* с анлаутной <v> вместо *Wandalismus* с возникшей в средние века лигатурой <w>, что тем самым повышает статус латинской основы (что справедливо!) в сравнении с онемеченным вариантом (*Das ß wird groß* [Electronic resource]).

Хотим подчеркнуть, что в дальнейшей перспективе именно прагматика кросс-культурной коммуникации в разных сферах человеческой деятельности, где английский язык по вышеуказанным причинам играет ключевую роль, будет оказывать влияние на активное освоение и использование англоязычных компетенций, которые, например, немцам дают не в последнюю очередь возможности для карьерного роста как внутри, так и за пределами Германии. Задача же таких кодифицирующих регуляторов, как «Союз немецкого языка» и «Совет по немецкому правописанию», состоит в том, чтобы эффективно координировать усилия на полях битвы с *Denglisch* и следить за гармоничным балансом между чистотой немецкого языка и практическими потребностями немцев как участников межязыкового взаимодействия в современном глобальном мире.

Список литературы

- Монастырская Ю.Г. Реализация консонантизма в англицизмах и галлицизмах в немецкоязычном теледискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 2013. – 269 с.
- Парыгин Б.Д., Мельникова А.А. Интегральная гуманитарная теория: Концептуализация соединения психологии с культурологией, философией, социологией и лингвистикой // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – СПб., 2012. – Т. 5, № 2. – С. 5–14.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Функционирование «денглиша» в немецкоязычном сегменте Интернета // Язык в глобальном контексте: Современная языковая си-

- туация как следствие процесса мировой глобализации: Сборник науч. статей / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2016. – [В печати].
- Borsch R.* Politiker und ihr Umgang mit Anglizismen: Eine Untersuchung englischen Spracheinflusses auf Bundestagsdebatten. – Hamburg, 2008. – 478 S.
- Deutsch als Wissenschaftssprache: Thesen und Kommentare zum Problemkreis «Denglisch». – Paderborn, 2005. – 158 S.
- Eichinger L.M.* Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache. – B. etc., 2013. – 233 S.
- Furiassi Cr.* Pseudo-English: Studies on false anglicisms in Europe. – B., 2015. – 158 S.
- Hanft S.L.* Fachenglisch für Laborberufe. – Weinheim, 2016. – 383 S.
- Kick I.* Die Wirkung von Anglizismen in der Werbung: «Just do it» oder doch lieber nicht? – Paderborn, 2004. – 208 S.
- Kruff C.* Wenn der Hausmeister zum Facility Manager wird: Sind anglizistische Berufsbezeichnungen in deutschen Stellenmärkten auf dem Vormarsch? – Bremen, 2014. – 308 S.
- Lipczuk R.* Geschichte und Gegenwart des Fremdwortpurismus in Deutschland und Polen. – Frankfurt a. M. etc., 2007. – 251 S.
- Müllauer S.* Englisch im klinischen Alltag: Kitteltaschenbuch für den Auslandsaufenthalt. – B., 2016. – 195 S.
- Pfalzgraf F.* Englischer Sprachkontakt in den Varietäten des Deutschen. – Frankfurt a. M. etc., 2009. – 244 S.
- Pfalzgraf F.* Neopurismus in Deutschland nach der Wende. – Frankfurt a. M. etc., 2006. – 350 S.
- Weeber K.-W.* Latin reloaded: Von wegen Denglisch – alles nur Latein! – Darmstadt, 2011. – 128 S.

Интернет-источники

- Das ß wird groß [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/eszett-jetzt-gibt-es-das-ss-auch-als-grossbuchstaben-a-1155053.html>
- Denglisch in der Werbung: Komm rein und finde wieder raus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/unispiegel/wunderbar/denglisch-in-der-werbung-komm-rein-und-finde-wieder-raus-a-310548.html>
- Der Anglizismen-Index [Electronic resource]. – Mode of access: <http://vds-ev.de/denglisch-und-anglizismen/anglizismenindex/ag-anglizismenindex/>
- Deutsch-Englische Rechtswissenschaften LL.B. (London/Köln) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.zib.jura.uni-koeln.de/446.html>
- Englisch ist out: Werbung spricht wieder deutsch [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.rp-online.de/panorama/fernsehen/englisch-ist-out-werbung-spricht-wieder-deutsch-aid-1.1617198>
- Latein-Crash-Kurse [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.sueddeutsche.de/karriere/latein-an-der-uni-veni-vidi-weg-vom-fenster-1.444505>

Präsident der TU München ist der Sprachpanscher des Jahres 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: http://vds-ev.de/wp-content/uploads/2015/10/sprachpanscher_2015.pdf

TU-Präsident ist «Sprachpanscher des Jahres» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.sueddeutsche.de/muenchen/tu-praesident-wolfgang-herrmann-ist-sprachpanscher-des-jahres-1.2633461>

ZDF ist Sprachpanscher des Jahres 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.informationsdienst.ruhr/aktuell/detail/archiv/2016/august/artikel/zdf-ist-sprachpanscher-des-jahres-2016.html>

Р.И. Бабаева

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА: СЕМАНТИКА,
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, ПРАГМАТИКА
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ**

Аннотация. В статье рассматривается влияние глобализационных процессов на немецкий язык, при этом особое внимание уделяется отражению глобализации в немецкой лексической системе, прагматическим и словообразовательным характеристикам слов рассматриваемой тематической группы, а также выявлению основных свойств концепта ГЛОБАЛИЗАЦИЯ в немецкой языковой картине мира.

Глобализация, по мнению ученых, с последней трети XX в. приобретает характер главного фактора цивилизационного развития и становится объектом междисциплинарных исследований; однако объектом исследования языковедов она становится относительно недавно – лингвистика заинтересовалась глобализацией лишь в первые годы XXI в. – значительно позже других гуманитарных дисциплин (Кирилина, 2012). Проблематика взаимодействия глобализации и языка охватывает широкий спектр вопросов, например многоязычие, билингвизм, описание социальных и культурных отношений в условиях глобализации через язык, когда язык позволяет увидеть нелингвистическую реальность и сделать о ней обоснованные выводы, описание этнокультурных и этноязыковых проблем (подробный анализ см.: Кирилина, 2012).

Влияние глобальных процессов на национальные языки в первую очередь рассматривают в связи с экспансией английского языка в мире, что связано с господствующим политическим и эко-

номическим положением США. Мечта о «мировом языке», по словам В. М. Алпатова, существовала уже много веков назад, при этом на ведущую роль в разные времена претендовали различные языки, но количество национальных языков увеличивалось и ни один из языков мира не смог стать господствующим (Алпатов, Глобализация и развитие языков [Электрон. ресурс]).

Как отмечает Л. А. Нефедова, «немецкий язык считается наиболее подверженным влиянию английского языка среди европейских языков и характеризуется наибольшим количеством англицизмов» (Нефедова, 2012, с. 27). Особая восприимчивость немецкого языка к английским словам объясняется, с одной стороны, генетической близостью языков, а с другой стороны, – толерантностью носителей немецкого языка, которые активно используют английские вкрапления в повседневном общении, что позволяет ученым говорить о новом немецком языке (Neudeutsch, Denglisch), своеобразном немецком новоязе (Нефедова 2012, с. 39). В.М. Алпатов, отмечая различия в отношении к экспансии английского языка у разных народов, называет еще одну причину восприимчивости немецкого языка к американизмам: «Отношение к экспансии английского языка, конечно, различно. Кому-то кажется очень престижным вписываться в глобализацию, кто-то видит в этом (безусловно, справедливо) угрозу национальным культуре и традициям. Различия проявляются и в государственной политике, и в общественном мнении разных стран. В Европе, безусловно, более всего старается ограничить проникновение английского языка и американской культуры Франция, тогда как в Германии американизация, в том числе в языковой области, идет более активно. Иногда это объясняют тем, что Германия все еще страдает комплексами исторической вины за нацизм, поэтому там до сих пор кажутся одиозными идеи, связанные с национальной культурой и мировым значением немецкого языка, а это способствует американизации» (Алпатов, Глобализация и развитие языков [Электрон. ресурс]).

Английские слова проникают во все сферы употребления немецкого языка: это касается прежде всего таких тематических областей, как информатика, экономика, финансы, спорт, социальная сфера и повседневное общение. Сегодня невозможно представить себе немецкоязычное дискурсивное пространство без таких иноязычных лексических единиц.

Экспансия и доминирование английского языка – это лишь одна сторона влияния глобализации на языковые процессы. Другой аспект этого воздействия связан с тем, что язык пополняется новыми лексическими единицами, которые отражают процессы глобализации. В рамках данной статьи внимание уделяется немецким лексическим единицам, которые входят в состав тематической группы «Globalisierung». Систематизация слов с компонентом *globalisierung* и близких по семантике единиц позволит не только уточнить наши представления о современном немецком языке, но и сконструировать концепт глобализации в немецкой языковой картине мира.

У немецкого слова *Globalisierung* в словаре Дуден отмечаются два значения: 1) *das Globalisieren, das Globalisiertwerden*; 2) *weltweite Verflechtung in den Bereichen Wirtschaft, Politik, Kultur u.a.* (Duden online Wörterbuch [Электрон. ресурс]), т.е. в семантике слова представлены два аспекта – направленность процесса воздействия на объект, результат (подвергаться глобализации) и сам процесс (глобальное переплетение процессов в экономике, политике, культуре и др.).

Тематическое поле вокруг слова *Globalisierung* включает в себя в немецком языке более 50 лексических единиц, которые были выявлены на основе анализа словарей и электронных корпусов немецкого языка (Новый большой немецко-русский словарь, 2010; Мультитран: Электрон. словарь; Duden [Электрон. ресурс]; DWDS [Электрон. ресурс]). Распределение данных единиц по тематическим группам позволяет сделать очевидной многогранность явления глобализации, которая отразилась в немецком языке.

К первой группе могут быть отнесены лексемы, в значении которых сложный характер глобализации передается в общем виде: *Globalisierung, Globalisieren, Globalisiertwerden, Globalisierungsbegriff, Globalisierungsbestrebungen, Globalisierungsfolgen, Globalisierungsinstrument, Globalisierungseffekte, Globalisierungsmodell, Globalisierungspolitik, Globalisierungsprozess, Globalisierungsreport, Globalisierungsschub, Globalisierungsstrategie, Globalisierungstendenzen, Globalisierungstrend, Globalisierungszeiten, Globalisierungswelle, Globalisierungszeitalter, globalisieren (sich globalisieren)*.

Во вторую группу включены слова, передающие неоднозначность, противоречивость и неизбежность данного явления: *Globalisierungsdrama, Globalisierungsdebatte, Globalisierungsdiskussion, Globalisierungsschicksal, Globalisierungsspiel, Globalisie-*

rungsdruck, Globalisierungsfalle, Globalisierungsprobleme, Globalisierungsfragen, Globalisierungszwängen, Globalisierungsangst, Globalisierungswahn, Globalisierungswahnsinn, die Schatten der Globalisierung.

Третья группа лексических единиц содержит слова, которые показывают, какие стороны жизни общества затронуты глобализацией: *Finanzglobalisierung, Finanzglobalismus, Sportglobalisierung, Regio-Globalisierung.* Для того чтобы уточнить сферы действия глобализации, можно использовать данные о сочетаемости глагола *globalisieren*, представленные в электронных корпусах немецкого языка, например в Лейпцигском электронном корпусе в качестве аргументов к предикату *globalisieren* приведены слова *Finanzsystem, Gedbetrug, Währung, Wirtschaft, Märkte.* В электронном словаре Дуден как типичные сочетания существительного *Globalisierung* указываются слова *Digitalisierung u Migration,* а в Лейпцигском корпусе – *Freihandel, Märkte, System, Zeitalter, Welt.*

Четвертая группа охватывает слова, свидетельствующие о том, что у данного явления имеются критики и противники: *Globalisierungsgegner, Globalisierungsgegnerin, Globalisierungskritiker, Globalisierungskritik, Globalisierungskritikerin, Globalisierungskrise, Globalisierungsprobleme, Globalisierungsskeptiker, Globalisierungsverlierer, Globalisierungsverliererin, antiglobalistisch, Antiglobalisten, Antiglobalisierungsbewegung, globalisierungskritisch*

К пятой группе отнесены лексемы, номинирующие сторонников глобализации: *Globalisierungsgewinner, Globalisierungsgewinnerin, Globalisierungsfürwörter, Globalisierungsfond.*

Шестая группа содержит слова, которые показывают, что глобализация воспринимается как обратимый, конечный процесс: *Entglobalisierung, Deglobalisierung (De-Globalisierung), Post-Globalisierung, entglobalisieren.*

Полученные результаты могут быть представлены в виде следующей таблицы (табл. 1).

Полученные количественные данные позволяют сконструировать концепт глобализации в немецкой языковой картине мира.

Попытка описать концептосферу глобализации на материале немецких СМИ предпринималась в работе Кофановой Г.П. (Кофанова, 2006). Автор дала характеристику изучаемого явления через описание его восприятия в разных дискурсах: в дискурсе апологетов, в дискурсе критиков, в дискурсе американизации и т.д. Подобный подход представляется интересным, но в связи с некото-

рой произвольностью выбора типов дискурса вряд ли может дать вполне объективное описание концепта глобализации, характерного для немецкого этноса. Обращение непосредственно к системе языка, отраженной в словарях, а именно лексическим единицам немецкого языка рассматриваемой тематической группы, может дать более объективный портрет концепта глобализации в немецкоязычной картине мира.

Таблица 1

Тематические группы слов с компонентом *globalisierung*: количество и частиречная характеристика

Тематические группы	Количество слов	Части речи
Группа 1: общая характеристика глобализации	20	Существ. 19 Глагол 1
Группа 2: неоднозначность восприятия глобализации	13	Существ. 12 Сочетание 1.
Группа 3: сферы действия глобализации	4	Существ. 4
Группа 4: критики и противники глобализации	14	Существ. 12 Прилаг. 2
Группа 5: сторонники глобализации	3	Существ. 4
Группа 6: обратимость глобализации	4	Существ. 3 Глагол 1
Всего:	58	

При определении свойств концепта глобализации на основе анализа семантики лексических единиц мы опирались на идеи, высказанные в работах Н.Н. Болдырева, который подчеркивал, что концептуальная информация разного типа выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов, при этом концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения, иными словами, можно сказать, что, «передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует и соответствующий контекст, или фрейм как модель обыденного знания об основных концептах» (Болдырев, 2001).

На основе собранного корпуса можно сделать вывод, что в немецкой языковой картине мира глобализация представляется как:

- процесс (*Globalisierungsprozess*), характерный для определенного периода (*Globalisierungszeiten, Globalisierungszeitalter*), имеющий

сложную структуру (*Globalisierungsmodell*) и динамический характер (*Globalisierungsschub*, *Globalisierungswelle*, *Globalisierungstrend*, *Globalisierungstendenzen*), требующий к себе внимания и обуславливающий необходимость учета особенностей при планировании (*Globalisierungsbestrebungen*, *Globalisierungspolitik*), приводящий к определенным результатам (*Globalisierungserfolge*, *Globalisierungseffekte*, *Globalisiertwerden*, *Globalisieren*);

- этот процесс воспринимается в немецкоязычном обществе как явление, которое вызывает страх (*Globalisierungsangst*) и споры (*Globalisierungsdebatte*, *Globalisierungsdiskussion*), потому что оно оказывает влияние (давление) на жизнь этноса (*Globalisierungsdruck*, *Globalisierungsfalle*, *Globalisierungsprobleme*, *Globalisierungsfragen*, *Globalisierungszwängen*) и воспринимается как неизбежность (*Globalisierungsschicksal*, *Globalisierungsdrama*), которая не всегда прозрачна, предсказуема (*Globalisierungsspiel*, *die Schatten der Globalisierung*) и смысл которой непонятен (*Globalisierungswahnsinn*, *Globalisierungswahn*);

- глобализация затрагивает различные стороны жизни немецкоязычного общества: финансовую сферу (*Finanzglobalisierung*, *Finanzglobalismus*; типичные сочетания: *Finanzsystem*, *Gedbetrug*, *Währung*), экономику и торговлю (типичные сочетания: *Wirtschaft*, *Märkte*, *Freihandel*), сферу информатизации (типичные сочетания: *Digitalisierung*), социальные отношения в обществе (типичные сочетания: *Migration*), спорт (*Sportglobalisierung*);

- глобализационные процессы воспринимаются немецким этносом в большей степени негативно, о чем в немецком языке свидетельствует большое количество соответствующих номинаций людей и общественных движений, настроений (*Globalisierungsgegner*, *Globalisierungsgegnerin*, *Globalisierungskritiker*, *Globalisierungskritik*, *Globalisierungskritikerin*, *Globalisierungskrise*, *Globalisierungsprobleme*, *Globalisierungsskeptiker*, *Globalisierungsverlierer*, *Globalisierungsverliererin*, *antiglobalistisch*, *Antiglobalisten*, *Antiglobalisierungsbe-
wegung*, *globalisierungskritisch*);

- о позитивном восприятии глобализации в немецкоязычном обществе может свидетельствовать лишь небольшое количество соответствующих лексических единиц (*Globalisierungsgewinner*, *Globalisierungsgewinnerin*, *Globalisierungsfürwörter*, *Globalisierungsfond*);

- несколько лексических единиц рассматриваемой тематической группы могут свидетельствовать о том, что в немецком этносе имеют место мысли об обратимости процесса глобализации

(Entglobalisierung, Deglobalisierung (De-Globalisierung), Post-Globalisierung, entglobalisieren).

Данный концепт глобализации в немецкоязычной картине мира создан на основе семантики выявленных лексических единиц. Прагматический потенциал рассматриваемых слов позволяет понять тональность восприятия глобализации немецким этносом. Большинство лексических единиц имеют нейтральную оценочность, но сочетание слова *Globalisierung* с лексическими единицами, в семантике которых изначально заложена отрицательная оценка (*Wahnsinn, Wahn*), дает в результате производное слово с негативной оценкой. В контексте рассматриваемой тематики воспринимаются как слова с отрицательной коннотацией и сочетания компонента *globalisierung* с компонентами *-druck, -zwänge*.

В аспекте словообразования большинство слов рассматриваемого тематического объединения являются сложными словами, в которых компонент *globalisierung* активизирует в сознании концепт GLOBALISIERUNG, а второй компонент сложного слова формирует отдельные представления глобализации, но лишь обзор всех немецких слов с компонентом *globalisierung* позволяет сконструировать цельный образ соответствующего концепта в немецкоязычной картине мира.

Список литературы

- Алпатов В.М.* Глобализация и развитие языков // Антиглобализм: Сборник материалов. – Режим доступа: <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm>
- Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж, 2001. – С. 24–45.
- Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопр. психолингвистики. – М., 2012. – № 1(15). – С. 18–37.
- Кофанова Г.П.* Когнитивно-дискурсивный анализ концепта глобализации в немецком языке: На материале СМИ Германии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2006. – 26 с.
- Нефедова Л.А.* Иноязычная лексика в современном немецком языке: Иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования. – М., 2012. – 98 с.

Словари и электронные корпуса

Новый большой немецко-русский словарь: В 3 т. – М., 2010. – Т. 2: G-Q. – 1279 с.
Мультитран: Электронный словарь. – Режим доступа: <https://www.multitran.ru>

DUDEN online Wörterbuch. – Mode of access: <http://www.duden.de>

DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. – Mode of access: <https://www.dwds.de>

Wortschatz Universität Leipzig: Korpus Deutsch. – Mode of access: <http://corpora.informatik.uni-leipzig.de>

Т.В. Писанова

ПОДВИЖНОСТЬ ГРАНИЦ ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению тенденций интеграции и дифференциации полицентрического испанского языка. Их противоборство наблюдается во внутриэтническом пространстве и межэтническом измерении. Границы размежевания противоборствующих языковых феноменов не являются раз и навсегда неизменными. Они устанавливаются не в рамках внутренних геополитических границ, а с точки зрения глобального присутствия испанского языка в Европе и во всем остальном мире.

Тенденция глобализации как новая фаза интеграции является «болевой» точкой в развитии современного мирового сообщества. В лингвистике еще не выработано реальное представление о том, как это отражается на этноязыковом и этнокультурном развитии этносов, вовлекаемых в глобализацию. В ходе форсированной глобализации многие языки, включая испанский язык, который имеет длительные, многовековые культурные традиции распространения и развития на разных континентах, в первую очередь в Европе, Северной и Южной Америке, изменяют границы своего существования и спектр своих наиболее репрезентативных функций. В этом исследовательском поле ученым предстоит решать ответственные и очень сложные задачи. Просматривается блок новых проблем, разработка и решение которых имеют большое значение для языкового и культурного развития, в частности этносов и языков в условиях активизации и качественного изменения сущности интеграционных процессов в мире и конкретно в Европе и Америке.

Испанский язык широко распространен в десятках независимых сообществ-государств (21), которые вырабатывают собственные нормы для национальных вариантов данного языка. При этом поливариантность и полицентричность испанского языка не препятствуют сохранению единой общности (*hispanidad*) в рамках единого языкового пространства, а на литературном уровне эти сообщества стремятся следовать глобальной международной норме. Полицентрическим испанский язык является де-факто, базируясь на фактическом языковом материале множества вариантов испанского языка (национальных, региональных, локальных, социальных и т.д.), а существование де-юре определяется фиксацией в словарях, грамматиках и т.д., и таким образом совокупность национальных (мексиканского, аргентинского, чилийского, кубинского и др.) и региональных вариантов испанского языка обретает общемировое признание. Тренд, который связан с испанским языком, не линейный, и процесс глобализации, т.е. соотношение испанского языка и окружающего мира, имеет ряд аспектов, достойных войти в исследовательский мейнстрим.

Расширение границ общения изменило привычные представления о времени и пространстве, придавая новую масштабность и динамичность интеграционным процессам, которые, выйдя за рамки конкретного региона, стали приобретать глобальный, транснациональный, надгосударственный характер (Нещименко, 2006, с. 39). Ускоренное протекание интеграционных процессов, изменение их качественного содержания породили необходимость целенаправленно изменить и языковое обеспечение коммуникации в социуме, приспособив его к решению научно-технических задач и отстаиванию актуальных экономических и политических интересов. В связи с тем что адекватная симметричная реакция языка на процессы в мире невозможна из-за несовпадения темпа протекания языковых и экстралингвистических процессов, необходимо учитывать тот факт, что испанский язык, как и любой другой язык, меняется континуально. Эта черта обеспечивает взаимопонимание в рамках синхронной внутриэтнической и межэтнической вербальной коммуникации в Европе и Америке, а также преэмптенность в восприятии духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями.

Важным представляется осмысление судьбы испанского языка, находящегося в условиях повышенной конкуренции с английским языком. Не менее важно понимание того, какими жерт-

вами (затратами) оборачивается форсированная экономическая и финансово-политическая интеграция для этнических традиций, этнического самосознания и достоинства интегрируемых испаноязычных народов в таком значительном со всех точек зрения социуме, как США. Большого внимания заслуживает и изучение противонаправленных сепаратистских тенденций, чрезмерного дробления испанского языкового пространства. Исследуемые вопросы должны рассматриваться с применением новых подходов и уникального исследовательского материала. В этом ракурсе данная проблематика изучается крайне мало, тем более не проводится в должном виде интердисциплинарное исследование.

При решении поставленной задачи в данной статье предпринимается попытка приблизиться к решению важнейшей проблемы: понять, как в условиях всеобщей межконтинентальной интеграции обеспечивается для испаноевропейских и испаноамериканских этносов полноценное современное культурно-цивилизационное развитие. Важной представляется также проблема сохранения культурного разнообразия испаноамериканских народов и особенностей национальных вариантов испанского языка, созданных многочисленными латиноамериканскими этносами фондов оригинальных культурных ценностей. Большое значение в решении поставленных задач имеет привлечение таких наук, как история, экономика, социология, политология.

Методический подход, используемый в работе, содержит в себе принцип бинарного строения коммуникативной системы этнического языка. В соответствии с указанным принципом в структуре испанского языка выделяются две подсистемы: языковое обеспечение повседневного общения в Испании и Америке (национальные варианты испанского языка и диалекты) и языковое обеспечение высших коммуникативных функций, относящихся к ареалу регулируемого речевого поведения. Платой за единое испаноязычное пространство является унификация литературного языка, нивелировка его этнокультурного своеобразия, как неизбежный компромисс в пользу *hispanidad*. Сопутствующей оппозиции «интеграция – дифференциация этноязыкового пространства» является оппозиция «унификация – сохранение этноязыкового своеобразия». В ряде случаев принимается во внимание антиномия «языковая экономия – вариативность языковых средств». Рассмотрение динамики внутриэтнической языковой ситуации предполагает учет

характера протекания интеграционных процессов с точки зрения как стихийности, так и регулируемости.

Значимость универсальной оппозиции «интеграция – дифференциация» особенно возросла в настоящее время, когда активизация процессов этногосударственной дифференциации стала стремительно сменяться ускорением интеграционных процессов. Такие колебания маятника вызывают большую обеспокоенность ученых и общественных деятелей, так как они, по их мнению, влекут за собой непоправимые потери для испанского языка и испаноязычной коммуникации. Принципиальным является то, как протекают эти процессы: стихийно, естественным путем или стимулируются извне. Реализация данной оппозиции одинаково значима как в системе испанского языка, так и в межъязыковых отношениях.

Нельзя не отметить, что время от времени в умах испанских и латиноамериканских лингвистов возникает соблазн формировать языковое развитие в нужном для социально-политического заказа русле. В попытках установить адекватное соотношение между политико-экономической интеграцией в мировом сообществе и интеграционными процессами в испанском языковом пространстве нередко не учитываются возможные негативные последствия подобного прагматически ориентированного вмешательства в функционирование национальных вариантов испанского языка в их коммуникативном диапазоне. Целью такого регулирования объявляется учет актуальных экономических, идеологических и политических мотиваций и в меньшей степени – системных языковых закономерностей.

Методический подход, адекватный для достижения указанных целей, может содержать в себе принцип бинарного строения коммуникативной системы этнического языка (Нещименко, 1999). В соответствии с вышеупомянутым принципом в структуре испанского языка могут быть выделены две подсистемы: языковое обеспечение повседневного общения (национальные варианты испанского языка и диалекты) и языковое обеспечение высших коммуникативных функций, относящихся к ареалу регулируемого речевого поведения. Платой за единое испаноязычное пространство является унификация литературного языка, нивелировка его этнокультурного своеобразия как проявление неизбежного компромисса в пользу *hispanidad* – общности испаноязычных народов. Таким образом, сопутствующей оппозиции «интеграция – дифференциация»

ция этноязыкового пространства» является оппозиция «унификация – сохранение этноязыкового своеобразия». В ряде случаев принимается во внимание антиномия «языковая экономия – вариативность языковых средств». Рассмотрение динамики внутриэтнической языковой ситуации предполагает учет характера протекания интеграционных процессов с точки зрения как стихийности, так и направленности.

Под разговорным испанским языком понимается внутренне дифференцированное совокупное множество языков (диалектов, идиомов), детерминированных по территориальному, социальному, возрастному, профессиональному признакам. Территориальные диалекты, интердиалекты, жаргоны, сленги, формирующаяся общеэтническая речь регионального характера обеспечивают непринужденное общение множества этносов, населяющих Испанию и страны Южной и Северной Америки, на комфортной и целесообразной основе. Специфика разговорного испанского языка состоит в ослабленной степени регулируемости или нерегулируемости. Интеграционные процессы развиваются медленно, отражая естественные процессы общезыковой интерференции. В инвентаре языковых идиом подсистемы разговорного языка присутствует функциональная доминанта (общерегиональная испанская разговорная речь). Сформирована также и периферия в результате взаимодействия центробежных и центростремительных тенденций, причем переход от периферии к центру является относительно плавным. К периферии данной системы относятся территориальные диалекты, сюда же принадлежат и социолекты типа арго, сленга и пр. Обратное движение проявляется в некотором смещении периферийных идиомов к центральной зоне подсистемы. В настоящее время наблюдается усиление влияния студенческого и молодежного сленга, криминального жаргона на узус как официального, так и неофициального общения, которые имеют свои характерные особенности как в Испании, так и в Латинской Америке. В этом случае принято говорить о диффузном использовании этих идиомов.

Направленность динамики разговорного испанского языка через призму оппозиции «интеграция – дифференциация» характеризуется двумя противоположными тенденциями. Увеличивается многообразие социолектов (некоторых разновидностей сленга), возрастает роль генерационных различий речевого поведения, что приводит к усилению дифференциации языкового пространства.

Официальным языком Испании, испаноязычных автономий и государств в Латинской Америке является испанский (*español*), называемый также кастильским (*castellano*) по историческим причинам, так как не вызывает сомнений, что его происхождение восходит к тому варианту языка, на котором говорили в первобытной Кастилии. Как известно, позже на него оказывали влияние другие языки. Испанский язык отшлифовывался как всеобщий язык для Иберийского полуострова и эволюционировал в направлении норм, более или менее отдаленных от своего первоисточника. Название «кастильский» имеет логическое объяснение, но с лингвистической точки зрения предпочтительнее употреблять «испанский язык», а «кастильский» зарезервировать за вариантом языка в Кастилии. Кастильский / испанский язык родился в зоне, близкой к баскскому языку, на границе Бургоса и Сантандера, между Леоном и Арагоном, и эта близость к баскскому языку наложила отпечаток на его базовые черты, которые отделили его от других полуостровных языков и от латинского языка. Амадо Алонсо называл испанский язык самым иберийским из всех полуостровных романских языков, т.е. менее преданным латинскому языку из-за его наследованных черт. В целом испанский язык оказался самым вульгарным среди романских языков. В сравнении с ним каталанский, галисийский, арагонский и леонский не были подвержены таким тенденциям, значительно отдаляющим их от латыни. В XVIII в. выдающиеся умы эпохи Просвещения поддержали идею культивировать единственный язык, и в целях заботы о нем была создана Испанская королевская академия. Этот факт совпал с робким началом диалектных исследований представителями просвещенных кругов, такими как Ховельянос и Сармьенто.

В XX в. по тем или иным причинам стали постоянными миграционные потоки в большие города, которые превратились в лингвистические плавильные котлы, достойные специальных исследований: языковые сообщества, перенесенные внутрь других сообществ, смешанные браки, всеобщее образование, средства коммуникации, существовавшие в стиле экспромта, определили стержень языкового урбанистического пространства. Все эти факторы способствовали нивелированию языковых вариантов, включая языки сельской местности. Вначале радио, затем телевидение в большей степени, чем образование, а в настоящее время социальные сети приносят языковые модели, отличные от традиционных, которые направляют испанский язык в более или менее норматив-

ное русло. Вместе с тем сохраняются специфические черты, зависящие от таких условных факторов, как престиж языкового варианта, социальный статус говорящего или контекст, которые нередко заметно проявляются в разнообразных ситуациях общения.

В двуязычных сообществах присутствуют интерференции и кальки, характеризующие испанский язык в этих местностях. По этой причине испанский язык называют «диалектическим комплексом» (Висенте Гарсия де Диего и др.) Оценка упомянутой языковой реальности обычно не имела «нормативистского крена», наоборот, по возможности всегда подчеркивалось влияние контактов с другими языками.

Исторически в Испании сложились исконно кастильские земли и земли распространения кастильского языка: северные с наиболее консервативными (нормативными) тенденциями и южные, где фонетические отличия ярко обозначены и демонстрируют очевидную связь с вариантами языка Канарских островов и Латинской Америки. Вместе с тем наблюдается нейтрализация многообразия на основе нивелировки региональных форм общения – территориальных диалектов. Южные территориальные диалекты хорошо сохранились с характерными для них ярко выраженными фонетическими особенностями. Они существуют в очевидной связи с вариантами испанского языка на Канарских островах и в Америке. Надо отметить, что граница между более консервативным севером Испании, сохраняющим общепринятую норму, и югом, четко не выражена. Это проявляется в том, что здесь изоглоссы пересекаются. Самая известная особенность произношения в южных областях Испании, состоящая в аспирации взрывного *s*, сегодня достигает тех территорий, которые раньше считались консервативными: сельские зоны Авилы, различные социальные уровни Мадрида, определенные территории Гуадалахары и Куэнки (García Mouton, 2014, p. 30). Неконсервативным можно считать язык Толедо и Сьюдад Реаль, в то время как столицу Мадрид испанские филологи называют *terra incognita* из-за масштабов этого стратифицированного города и множества его спальных районов (городов-спутников), которые преимущественно заселены жителями юга.

К югу от Сьюдад Реаль и Альбасете легко идентифицируется значительный по своему распространению и подчеркнутому достоинству андалузский диалект, а также два маргинальных языка: экстремадурский и мурсианский. К южным вариантам принято причислять язык Канарских островов. Между консервативной и

инновационной зонами можно выделить промежуточную, или переходную, зону, где прослеживается полиморфизм и меридиональные явления быют ключом, бурно развиваются (ассимиляции, йеизм, аспирации, нейтрализация г/л и т.д.).

В пространстве, не принадлежащем андалузскому, экстремадурскому и мурсианскому диалектам / языкам, до сих пор сохраняется стереотип, суть которого состоит в том, что лучше всех говорят в Бургосе и Вальядолиде. Тем не менее территории Кастилии по традиции также имеют черты, не совпадающие с нормативными установками. Такие явления, как *leísmo*, *laismo* и *loísmo* (неэтимологическое использование местоимений *le*, *la*, *lo*), с различными географическими и социальными различиями присутствуют в лучших образцах классической литературы, например в Духовном гимне (*Cantico spiritual*) Сан Хуана де ла Крус.

Среди южных вариантов испанского языка, не имеющих прямого отношения к латыни, а теснее связанных с кастильским языком, выделяется экстремадурский, территория распространения которого прилегает к западу Испании. Ее географическое положение объясняет некоторые особенности, связанные с историей. В этой местности Реконкиста прошла несколько этапов, и, как подчеркивает ее название, это – приграничная территория, чем объясняется влияние леонского, кастильского и андалузского языков на экстремадурский вариант. Кроме того, контакт с португальским языком привел к тому, что здесь существуют несколько анклавов, где говорят на португальском языке (Алькантара и Оливенза), а также на архаичном варианте галисийско-португальского языка.

В Андалусии, обширном регионе (более 87 000 кв. км), андалузский вариант не представлен в единообразном виде. На этой территории арабы присутствовали до конца XV в., что способствовало процветанию арабской культуры. Реконкиста в Андалусии длилась несколько веков. На андалузском диалекте говорят не во всей Андалусии, здесь есть вкрапления экстремадурского варианта на востоке, южного кастильского на севере и мурсианского на востоке. На андалузском варианте говорят в Гибралтаре, британской колонии на территории Испании, и в испанских городах Сеута и Мелилья в Африке. Новаторские нормы андалузского языка были распространены на американский континент. На Канарских островах присутствует также андалузский вариант, так как острова были заселены переселенцами из Андалузии, которые вытеснили местный язык гуанче. На протяжении длительного исторического пе-

риода Канарские острова служили мостом с Америкой и поддерживали этот исторический контакт, отправляя эмигрантов на Кубу, в Венесуэлу, Пуэрто-Рико, Коста Рику, Луизиану, где до сих пор сохраняется канарский вариант, относящийся к XVIII в. Вариант, укоренившийся на Канарских островах, – это именно тот, который переехал в Америку и основан на явлении *seseo*, что стало одной из его базовых характеристик.

Тенденции этнокультурной и этноязыковой интеграции и дифференциации полицентрического испанского языка находятся в диалектическом противоречии в странах Латинской Америки. Проявления их противоборства наблюдаются на разных исторических этапах и в разных сферах жизни социумов, причем как во внутриэтническом пространстве, так и в межэтнических отношениях. Показательно, что обе тенденции стимулируют друг друга. Тенденция к дифференциации создает предпосылки для действия тенденции к интеграции, и наоборот. Данные процессы касаются морфосинтаксических особенностей, которые могут квалифицироваться как диалектизмы американского испанского языка. Ряд подобных феноменов возникают во всех диалектных формах современного испанского языка, с различной степенью проявления. Среди этих особенностей выделяются колебание и отсутствие согласования рода и числа, характерные для разговорных языков. С другой стороны, особо выделяется феномен *voseo*, получивший значительное распространение в Америке. Кроме того, согласно последним исследованиям, некоторые явления, характерные для контактных зон испанского и индейских языков, связаны с социальной стигматизацией.

Как доказывают вышеизложенные факты, границы испанского языка устанавливаются не в рамках внутренних геополитических границ – испанских и американских, – а с точки зрения его глобального присутствия в Европе и во всем остальном мире. Наблюдения за протеканием процессов дифференциации и интеграции показывают, что границы размежевания противоборствующих языковых феноменов не являются раз и навсегда неизменными. Понятие глобализации с точки зрения лингвистической и коммуникативной испанские ученые рассматривают как реальную возможность преодолевать политические, географические и национально-культурные границы.

Список литературы

- Нещименко Г.П.* К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации // Глобализация-этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы. – М., 2006. – С. 39.
- Нещименко Г.П.* Этнический язык: Опыт функциональной дифференциации: (На материале сопоставительного изучения славянских языков). – München, 1999. – 234 с.
- Garcia Mouton P.* Lenguas y dialectos de Espana. – Madrid, 2014. – 70 p.

Д.Д. Трегубова

СТАРОПИСЬМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННЫЙ БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена современным функциям старомонгольской письменности, интерес к изучению которой в Бурятии и Халха-Монголии в настоящее время возрастает. Приводятся основные положения концепции глобальной языковой системы голландского ученого А. де Сваана. Затрагиваются проблемы сохранения и развития бурятского языка.

Интенсивность дискуссии по проблемам бурятского языка, активно ведущейся с 1980-х годов, не снижается до сих пор, и ожидающееся с июня 2017 г. появление памятника бурятскому языку и письменности в Улан-Удэ уже получило самые разные отзывы в СМИ. На стеле, которую установят возле здания Национальной библиотеки, будут представлены основные этапы становления бурятской письменности: старомонгольское письмо, латиница и современная кириллица.

Родившейся в XIII в. в Монгольской империи старомонгольской письменностью в религиозной практике и делопроизводстве буряты пользовались еще до революции. После революции и провозглашения Бурят-Монгольской АССР эта письменность стала основой для создания бурят-монгольского литературного языка, что означало: введение массового образования на его основе; массовое издание литературы на старомонгольской письменности; издание газет и журналов и т.д. в масштабах, которые характеризуют те годы. Однако в 1931 г. бурят-монгольский язык был официально переведен на латиницу, а в 1939 г. – на кириллицу.

Около 48 тыс. бурят компактно проживают на севере Монголии. Однако алфавитной основой современного монгольского языка с 1941 г. также является кириллица (соответственно, кириллицей пользуются и проживающие на территории Монголии буряты).

То есть если говорить о бурятах России, Монголии и Китая, то старомонгольскую письменность в качестве основы своего языка сохранили только буряты Внутренней Монголии КНР, проживающие преимущественно в западной части округа Хулун-Буир. (Установить их точную численность сложно, поскольку официально буряты Внутренней Монголии считаются монголами.) В 1975 г. был запущен проект по переводу монгольских языков КНР на латиницу, но смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. помешала ему реализоваться.

Университет Внутренней Монголии в Хух-Хото является в настоящее время одним из ключевых центров издания литературы на старомонгольском языке. Исследования монгольских народностей Китая ведутся во Внутренней Монголии более активно по сравнению с Россией или Монголией. И поэтому ученые, занимающиеся исследованиями монгольских народов, но старомонгольским письмом не владеющие, весьма часто приходят к выводу о необходимости его изучения.

Впрочем, интерес к изучению старомонгольской письменности проявляют сегодня не только ученые. В Улан-Удэ набирают популярность курсы и мастер-классы старомонгольского письма и каллиграфии, в том числе бесплатные; распространены также частное преподавание и самообучение; важную роль в популяризации старомонгольской письменности и бурятской культуры вообще играют недавно открывшиеся этногалерея «Орда» и этномаркет «Зам» (рис. 1).

На вопрос о том, почему интерес к изучению старомонгольской письменности в Бурятии сегодня растет, ученые и обыватели отвечают по-разному. Многие связывают этот процесс с общим подъемом национального самосознания и повышением интереса к родному языку в целом, а также с усилением контактов между российскими и шэнэхэнскими бурятами, практически отсутствовавшими до конца 1980-х годов (Балдано, 2012, с. 12).

Рис. 1.
Витрина этномаркета «Зам», г. Улан-Удэ

Специалисты Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН связывают рост интереса к старомонгольскому письму с возрастанием интереса к изучению родословных, большинство из которых созданы и хранятся в архивах на старомонгольском. Это и язык бурятских летописей и других письменных памятников, востребованных в настоящее время. Часто на курсы приходят люди, желающие прочитать хранящиеся дома книги или старые письма, в том числе письма с фронта. По мнению д-ра филос. наук Л.Б. Бадмаевой, современным бурятам не просто хочется чувствовать себя частью монгольского мира, для них крайне важно осознавать себя представителями народа, имевшего в прошлом богатую письменную культуру.

Конечно, старописьменный монгольский язык устарел и не отражает многих современных реалий и фонетических тонкостей. Возможно, права и заведующая Отделом языкознания Е.В. Сундуева в том, что старомонгольский язык – это капля в море, если рассуждать обо всем существующем комплексе проблем, ка-

сающихся сохранения, развития, межпоколенной трансляции современного бурятского языка. Хотя некоторые ученые, напротив, уверены, что вновь обретенная старомонгольская письменность должна играть здесь если не ключевую, то одну из ведущих ролей. В любом случае объединяюще-примирающий потенциал этого письменного языка может быть успешно использован. С его помощью можно решить или хотя бы сгладить существующую и искусственно раздуваемую в последнее время проблему диалектов бурятского языка. Ведь особенность старописьменного монгольского языка как раз в том, что он нивелирует существующие диалектные различия, предусматривая разные варианты прочтения одних и тех же слов. Как отмечает преподаватель старомонгольской письменности лама Буддийской традиционной сангхи России И.В. Сотников, существующие наречия бурятского языка различаются между собой не более, чем на 10%, и при использовании в общении старомонгольской письменности эти различия стираются (см. комментарии к: (О круглом столе, 2016, [Электрон. ресурс]).

В Халха-Монголии интерес к старомонгольской графике в настоящее время также переживает подъем. Преподавание старомонгольского письма вводится в школах, проводятся конкурсы каллиграфии, создана программа перевода с кириллицы на старописьменный монгольский язык (Кирил монгол үсэг болон уламжлалт монгол үсгийн харилцан хөрвүүлэх систем, [Электрон. ресурс]). Принятый в феврале 2015 г. «Закон о монгольском языке» предусматривает даже обязательное владение старописьменным языком для государственных служащих (Монгол хэлний тухай хууль [Электрон. ресурс]).

И все же наиболее интересные перспективы использования старописьменного монгольского языка связаны с применением концепции глобальной языковой системы голландского социолога Абрама де Сваана, предложенной ученым в 2001 г.

Согласно данной концепции, «многоязычные соединения между языковыми группами строятся не как попало, но, напротив, представляют собой удивительно сильную и эффективную сеть, которая связывает вместе – прямо или косвенно – шесть миллиардов жителей земли» (De Swaan, 2001; Черный, 2015, с. 6). Оказывая на глобальные процессы различное влияние, все языки мира делятся на четыре группы. Существуют периферийные (peripheral), центральные (central), суперцентральные (supercentral) и гиперцентральные (hypercentral) языки.

Около 98% языков мира считаются периферийными. В повседневной жизни (преимущественно для устного общения, нежели для чтения или письма) их используют примерно 10% населения Земли. Периферийные языки находятся в наибольшей опасности: последствия усиливающейся глобализации для этих языков наиболее тяжелы. В процессе коммуникации вне пределов своих языковых групп носители периферийных языков переходят на другие языки.

Около 100 национальных и официальных языков государств относятся к группе центральных языков. Центральными языками, или «языками записи», на которых публикуются книги и издаются газеты, пользуются приблизительно 95% населения планеты. Являясь языками архивов и библиотек, центральные языки играют роль средства коммуникации между носителями периферийных языков в пределах отдельных географических районов. Владеющие центральными языками часто дву- либо многоязычны. Обычно родным языком для них является какой-либо периферийный язык. В случае если родным языком является центральный, его носитель предпочитает освоить один из суперцентральных языков, получивших особенно широкое распространение в современном мире.

По подсчетам А. де Сваана, суперцентральных языков, объединяющих носителей центральных языков, в современном мире всего 13. Это английский, немецкий, французский, испанский, португальский и русский языки, а также арабский, турецкий, китайский, японский, хинди, малайский и суахили. Распространившись в результате колонизации, суперцентральные языки мира сохраняют свое влияние в крупном бизнесе, в сфере высшего образования, в политической, правовой и технологической областях.

Функциями гиперцентрального языка, объединяющего носителей суперцентральных языков, обладает английский язык.

Введенный де Свааном количественный показатель Q , рассчитываемый по специальной формуле, характеризует коммуникативную ценность языка: чем выше его значение – тем более востребован язык. Наивысшим значением Q отличается английский. Коэффициент Q наглядно показывает, почему люди чаще всего делают выбор в пользу изучения языка более высокого уровня языковой иерархии: затрачивая свое время и силы на его освоение, в дальнейшем человек получает возможность обменять его на реальные блага. Стремление же к сохранению миноритарных языков планеты, являясь делом весьма затратным, ожидаемого эффекта,

как правило, не дает: около 250 языков исчезли за последние 50 лет в одной только Индии.

Концепция де Сваана наглядно показывает, что перспективный путь развития или спасения языка связан с повышением его коммуникативной ценности, что, конечно, возможно далеко не всегда, однако в ситуации с современным бурятским языком, занесенным в Атлас вымирающих языков ЮНЕСКО в 2002 г., представляется осуществимым как раз посредством обращения к старомонгольскому вертикальному письму, овладев которым, мы получаем гипотетическую возможность объясняться не только с носителями различных диалектов бурятского, но и с остальным монгольским миром. То есть владение старомонгольским письмом наряду с владением любым из монгольских языков, не обязательно бурятским, способно существенно расширить наши возможности общения. К монгольским народам относят себя приблизительно 10 млн человек, бурят же в мире всего около 600 тыс., при этом едва ли половина из них владеют бурятским.

Общение с коллегами, с обывателями и специалистами, изучение научной литературы и участие в общественной дискуссии по проблемам сохранения и развития современного бурятского языка приводят нас к выводу, что изучать старомонгольское письмо необходимо. Монголоведам (в широком смысле этого слова) оно нужно даже больше, чем старославянский – специалистам по древнерусской истории и литературе, хотя их функции в чем-то сравнимы. При этом впадать в крайности и призывать к возвращению старомонгольской письменности на занимаемые ей в 1920-е годы позиции не стоит, поскольку, во-первых, это противоречило бы Закону «О языках народов Российской Федерации» в действующей редакции (Закон РФ от 25.10.1991, [Электрон. ресурс]), а во-вторых, по справедливому замечанию Б.Д. Цыренова, история не знает примеров положительного влияния смены письменности на живой язык. Возможно, латинизация бурятмонгольской письменности послужила в свое время прорывом к общему культурному пространству (Базарова, 2012, с. 106), а кириллизация стала важным рычагом для дальнейшего усовершенствования бурятского литературного языка (Дондуков, 1998, с. 147); обеспечила более точную передачу фонем и упростила правописание (Раднаева, 2000, с. 127–128). Но при этом происходила смена типов визуальной коммуникации, и все бурятоязычное население Республики было вынуждено дважды заново учиться писать.

Рис. 2.
Рост популярности старомонгольской письменности в Бурятии

В официальных документах, формирующих современную нормативно-правовую базу для осуществления языковой политики в Республике Бурятия¹, никаких упоминаний о старомонгольской письменности нет. Однако старописьменный монгольский язык служит одним из внутренних источников обогащения и обновления современного бурятского языка, изучение которого станет более плодотворным, если будут освоены его истоки (Бадмаева, 2010, с. 206). По мнению некоторых преподавателей Восточного института Бурятского государственного университета и сотрудников Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, повышение интереса и даже мода на старомонгольский язык могут способствовать привлечению молодежи к изучению современного бурятского языка, нуждающегося (в условиях развития классических, характерных для эпохи глобализации сценариев) во всемерной поддержке.

В настоящее время культурное и языковое многообразие в России защищается государством (Указ Президента, разд. II, п. 10, [Электрон. ресурс]), однако одним из важных негласных принципов языковой политики любого многонационального государства является принцип управляемости страной, и поэтому вовсе не удивительно то, что российских бурят сегодня объединяет русский язык, и даже то, что в современной российской бурятоязычной газете семь из девяти слов являются заимствованиями (Разговор в бистро СВ2, [Электрон. ресурс]). Закономерно и то, что буряты Халха-Монголии переходят на монгольский, а во Внутренней Монголии, в особенности после вступления в силу в 2000 г. «Закона КНР об общеупотребительном языке и письменности» (Клиновский, 2012, с. 198), ощущается давление путунхуа и студенты из Шэнэхэна признаются преподавателям кафедры бурятского языка и методики преподавания Восточного института Бурятского

¹ Мы имеем в виду Закон «О языках народов Республики Бурятия» № 221–ХП от 10 июня 1992 г. (Закон «О языках народов Республики Бурятия», [Электрон. ресурс]), Закон «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия» № 383–V от 07 марта 2014 г. (Закон «О мерах поддержки бурятского языка...», [Электрон. ресурс]), Постановление Правительства Республики Бурятия «Об утверждении государственной программы Республики Бурятия “Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия”» № 289 от 23 июня 2014 г. (на 2014–2020 гг.). (Постановление Правительства РБ, [Электронный ресурс]). См.: (Цыренов, 2015, с. 359).

государственного университета в том, что китайский они понимают лучше, чем «ваш бурятский».

При этом старописьменный монгольский язык остается символом единства бурят России, Монголии и Китая и символом культурного единства всего монгольского мира. Явившись орудием зарождающейся глобализации в XIII в. – «первым опытом глобализации» называет Монгольскую империю академик Б.В. Базаров (Базаров, 2005, с. 262), – сегодня старомонгольское письмо выполняет функции защитного механизма от ее всепоглощающего влияния.

Список литературы

- Бадмаева Л.Б.* Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык // Гуманитарный вектор. – Чита, 2010. – № 2(22). – С. 202–207.
- Базаров Б.В.* Кочевые цивилизации центральной Азии: общественный потенциал истории // Монгольская империя и кочевой мир.: Сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – Кн. 2. – С. 254–263.
- Базарова В.В.* Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930-х годах // Власть. – М., 2012. – № 8. – С. 106–109.
- Балдано М.Н.* Соотечественники за рубежом: буряты в Монголии и Китае // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – Улан-Удэ, 2012. – № SB. – С. 9–13.
- Дондуков У.-Ж.Ш.* К вопросу о развитии бурятского литературного языка // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия: Материалы республиканской науч.-практич. конференции. – Улан-Удэ, 1998. – С. 145–149.
- Закон «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия» № 383–V от 07 марта 2014 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW355;n=35063#0>. (Дата обращения: 24.07.2017.)
- Закон «О языках народов Республики Бурятия» № 221–XII от 10 июня 1992 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802039037> (Дата обращения: 24.07.2017.)
- Закон РФ от 25.10.1991 № 1807–1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации» [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (Дата обращения: 24.07.2017.)
- Клиновский В.А.* Правовой статус языка в конституции и законах современного Китая // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – Улан-Удэ, 2012. – № 2. – С. 196–199.
- О круглом столе по развитию бурятского языка (14 декабря 2016 г., Бурятский государственный университет) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1417794718470934/permalink/1826958900887845/> (Дата обращения: 24.07.2017.)

- Постановление Правительства Республики Бурятия «Об утверждении государственной программы Республики Бурятия “Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия”» № 289 от 23 июня 2014 г. (на 2014–2020 гг.) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/422454709> (Дата обращения: 24.07.2017.)
- Раднаева С.Б.* История бурятской письменности и становление орфографических норм современного бурятского литературного языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 140 с.
- Разговор в бистро СВ2. Блог Марины Сайдуковой. 6 апреля 2014 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/28033/blog/74640> (Дата обращения: 24.07.2017.)
- Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949. (Дата обращения: 24.07.2017.)
- Цыренов Б.Д.* Языковая политика в Республике Бурятия // Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: Инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности»: Сборник материалов. – М., 2015. – С. 357–362.
- Черный Ю.Ю.* Глобальная борьба за киберпространство и языки: (Доклад на Всемирной встрече экспертов по вопросам сохранения языков и их развития в киберпространстве, г. Ханты-Мансийск, 8 июля 2015 г.) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://inion.ru/files/File/Chernyy_Yu_Yu_Global_battle_for_cyberspace_and_languages.pdf (Дата обращения: 24.07.2017.)
- De Swaan A.* Words of the world: The Global language system. – Cambridge, 2001. – 272 p.
- Кирил монгол үсэг болон уламжлалт монгол үсгийн харилцан хөрвүүлэх систем [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://trans.mglip.com/CyrillicC2T.aspx> (Дата обращения 24.07.2017). – На монгольском языке.
- Монгол хэлний тухай хууль [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.mn/r/203318> (Дата обращения: 24.07.2017.) – На монгольском языке.

О.И. Максименко

ГЛОБАЛЬНЫЙ НЕЙМИНГ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Статья посвящена глобализации в коммерческой номинации (нейминге), языковым и понятийным проблемам, возникающим в процессе номинации новых коммерческих продуктов, продающихся по всему миру. В статье анализируются мотивированность выбора лексем для номинации, целесообразность и оправданность разных способов номинации, как уже известных, так и появившихся в последние годы, а также некоторые проблемы интерпретации, коммуникативных сбоев, возникающих в результате неудачной коммерческой номинации.

Номинация – исключительно сложное явление, понимание сущности которого связано с решением целого комплекса лингвистических и экстралингвистических проблем. Это процесс, постоянно сопутствующий познанию человеком окружающего мира (Суперанская, 1974, с. 236), и в этом процессе большую роль играют мотивирующий и оценочный факторы. В силу этого создание словесного знака как имени становится фактом психологии и социально-духовной жизни человека (Уфимцева, 1977, с. 33). Под номинацией понимают процесс образования языковых единиц с номинативной функцией и результат этого процесса – саму языковую единицу. В названии отражен (или должен быть отражен, в случае коммерческой номинации) наиболее репрезентативный, с точки зрения субъекта номинации, признак предмета. Центральная проблема лингвистического исследования номинации – что и как именуется в данном языке.

Способы номинации отчасти определяются спецификой языковой системы с ее потенциалом и ограничениями. Больше

влияние на номинацию оказывают экстралингвистические факторы: особенности культуры, национального характера, цели и прагматика номинации. Номинация в условиях глобализации приобретает особые черты. Словами В. фон Гумбольдта, «слово не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета» (Гумбольдт, 2003, с. 103).

Обычно различают несколько видов номинации – первичную (явление редкое в современных языках, если не обращаться к терминологии и лингвокреативному неймингу) и вторичную (вторичное использование существующих языковых форм в роли названия). Иногда для этих же понятий используются термины «исходная номинация» («прямая номинация») и «производная номинация» соответственно (Гак, 1977). Существует несколько видов самого процесса номинации, в частности словообразовательная номинация, манипулятивная номинация, лексическая номинация, коммерческая номинация (нейминг) и ряд других.

Как известно, любой объект характеризуется потенциально неисчислимым количеством признаков. В процессе номинации используются далеко не все из них, а обычно один или несколько наиболее ярких, репрезентирующих весь предмет. В этом проявляется так называемый отражательный аспект мотивации. Противовесом ему выступает функциональный аспект, при котором мотивировочные признаки предстают как проявления относительной стороны мотивации.

То или иное соотношение обозначенных сторон мотивации при номинации проявляет себя при функционально-динамическом подходе к формальной и содержательной стороне знака. «Внутренняя форма слова обладает удивительным свойством, которое, прибегая к образу, можно определить как фосфоресцирующее: в зависимости от речевой ситуации и коммуникативной заданности она может оставаться незаметной... и может ярко светить, если того требует цель общения» (Гак, 1977).

Номинация – субъективное замещение в языке объективных свойств мира. В названии отражается наиболее репрезентативный признак предмета – этимон, или внутренняя форма слова. Этимон – семантический прототип новой номинативной единицы, образ, положенный в основу номинации, способ представления предмета

в языке. Человеческое мышление, создавая новое, всегда опирается на известное. Н.Д. Арутюнова пишет: «Новое не первично. Оно осуществляет следующий за тем, что ему предшествовало, шаг. Новое всегда отсылает к прецеденту» (Арутюнова, 1998, с. 725).

Лингвокреативное мышление – не исключение. Словообразование заключается в том, чтобы подобрать наиболее подходящее имя какому-либо объекту. Для коммерческой номинации (нейминга) это особенно актуально. Из потенциально бесконечного ряда признаков предмета один должен стать его заместителем в языке. При восприятии предмета сознание обнаруживает в нем свойство, которое уже имеет имя в данном языке и которое будет этимолоном для нового слова. Средства номинации разных языковых систем весьма разнообразны. Каждый народ видит мир по-своему, и этимоны двух семантически эквивалентных слов разных языков часто не совпадают. Это составляет заметную проблему номинирования объектов и товаров в условиях глобального рынка.

Процессы и структуру актов номинации, как правило, описывают на основании семантического треугольника Г. Фреге: «реалия – понятие – имя». Каждый компонент этого универсально-логического отношения номинации в ее конкретно-языковом воплощении обогащается признаками, характерными для определения мира в данном языке.

Ономасиология, как наука о природе и типах наименований, своей целью видит изучение «средств и способов называния отдельных элементов действительности» (Матезиус, 1967, с. 228). Ее считают объединяющей единицы номинации всех уровней языка. Чтобы быть единицей номинации, эта единица должна удовлетворять одному требованию – обозначать, служить названием, выделять именуемое как отдельную сущность и величину, осуществлять номинативную функцию, т.е. репрезентировать выделенный в акте номинации объект средствами языка и заменять далее этот объект его именем в речевой деятельности и в мысленных операциях с объектом.

Номинацию, особенно первичную, можно рассматривать в русле неологии – науки об образовании новых слов.

Изменения в языке происходят непрерывно, современный человек постоянно занят своеобразной языковой игрой. Примеров этого масса – от серьезного и явно прагматичного коммерческого нейминга до изобретения новых слов и выражений в Интернете, что, казалось бы, не имеет особого практического выхода. По мне-

нию Э. Сепира, изменения в лексике любого языка носят по большей части не языковой, а культурный характер. Например, когда слово используется в языке слишком часто, может возникнуть необходимость заменить его новым словом. И наоборот, изменение установки делает «стандартную» лексику неприемлемой, в связи с чем слова устаревают, а на их место приходят новообразования (Сепир, 2002).

Интерес как к первичной, так и ко вторичной номинации не исчезал никогда, но в наши дни процесс появления новых слов и значений значительно ускорился. С точки зрения Ю.Н. Несветаило, мы живем во времена «неологического взрыва», который характеризуется появлением большого количества новых слов, новых значений, изобретением новых предметов и понятий (Несветаило, 2008).

Формирование неологии как раздела отечественной лексикологии относится ко второй половине XX в., когда лексические новообразования стали рассматривать в различных аспектах: словообразовательном, лексикологическом, социолингвистическом, нормативном, стилистическом (работы О.А. Александровой, Е.А. Земской, Н.З. Котеловой, Л.П. Крысина, Н.М. Шанского и мн. др.). Начало XXI в. добавило неологии новые особые черты.

Объектом изучения неологии являются неологизмы, новые номинации, и хотя «неологизм» как основной термин неологии не имеет однозначного определения, но, по сути, это новое слово, лексическое новообразование, лексическая инновация. К неологизмам относят как лексические новообразования, так и заимствованные из других языков слова, а также слова, получившие новые значения. Лексические инновации обозначают новые явления на всех уровнях языка. Существуют узкий и широкий подходы к определению понятия «неологизм». Представители узкого подхода (А.А. Брагина) определяют неологизмы как слова, возникшие для именованья новых реалий жизни. Для некоторых исследователей основным признаком неологизма является его абсолютная новизна (Н.М. Шанский, А.В. Калинин, Е.В. Розен). Для других (В.В. Виноградов, М.Н. Золотарева) важным является временной критерий, т.е. неологизм является таковым, пока не сменится поколение людей, во время существования которого он возник. Также существует точка зрения, согласно которой неологизмы – это новые слова, не отмеченные словарями (характерно для западной неологии). Неологизм может пониматься как языковая единица, ранее не встречавшаяся в индивидуальном речевом опыте носите-

ля языка, таким образом, отмечается индивидуальная новизна неологизма, например в работах С.И. Тогоевой (Тогоева, 2000).

Во всех этих теориях есть недостатки. Например, несмотря на то что критерий новизны очень важен, он не может быть определяющим, так как новшество носит субъективный характер: то, что для одного человека будет новым, для другого может оказаться привычным, «старым». Это зависит от уровня образования и тезауруса реципиента. Поэтому архаизмы могут восприниматься некоторыми носителями языка как новые лексические единицы. К тому же, новизна конкретного слова утрачивается вследствие его активного употребления в речи, но это не значит, что должно смениться целое поколение людей. Время, требующееся для вхождения нового слова в активную лексику, разное для каждого конкретного слова. Особенность неологизмов XXI в. в том, что они появляются не только с целью номинации новых объектов, но и в результате стремления носителей языка к экспрессивности, экономичности и т.д. Стоит отметить, что современные неологизмы благодаря электронным средствам коммуникации существенно быстрее распространяются в языках мира, превращаясь в наднациональную лексику.

Наличие разных (структурно-семантического, социолингвистического, когнитивного, психолингвистического и др.) направлений исследований неологизмов свидетельствует о том, что это явление языка не может рассматриваться только как объект неологии и неографии, входя в сферу интересов других смежных гуманитарных наук, в частности коммерческой номинации.

Говоря о новой номинации как о явлении культуры, следует отметить влияние культуры на язык, поскольку в языке отражаются культурные ценности народов. С развитием культуры общества словарный состав языка пополняется новыми понятиями, некоторые лексические единицы получают новые значения. Все это связано с изменением взглядов на окружающую действительность.

Понятие «неологизм» невозможно рассматривать отдельно от понятия «норма». Норма, как одно из центральных лингвистических понятий, свойственна литературному языку, однако в последнее время и понятие языковой нормы претерпело определенные изменения.

Источники обновления литературной нормы многообразны. Одним из них является появление лексических инноваций, так как язык должен называть все новые понятия. Изначально неологизмы

появляются в разговорном языке, потом они могут перейти в литературный язык, приспособившись к его норме. При обновлении нормы большое значение имеет частота употребления какого-либо новшества в речи. Однако при интенсивном проникновении лексических единиц в литературный язык возникает угроза его исчезновения.

Процесс неологизации в той или иной мере свойственен всем национальным языкам. Неологизмы могут возникать внутри самого языка. Здесь исследователей в большей степени интересуют авторские неологизмы, нейминг, жаргон, молодежный сленг как отражение отношения носителей языка к происходящим событиям. В настоящее время неологизмы употребляются в литературной речи, в языке средств массовой информации, в публицистике, коммерческой номинации.

Французский неолог L. Guilbert выделяет три фактора, влияющие на создание неологизмов:

- 1) деноминативный (обозначение нового объекта);
- 2) стилистический (выражение экспрессивности в речи);
- 3) давление языковой системы (образование слов в соответствии с уже существующими в языке моделями) (Guilbert, 1971)

Если новое слово входит в активную лексику, то оно теряет свою новизну и становится общеупотребительным. Но прежде оно проходит несколько стадий социализации. Сначала слово распространяется среди носителей языка, затем фиксируется в средствах массовой информации. После принятия слова в обществе оно закрепляется в языковой системе.

Также неологизмы, особенно номинации, приходят из других языков в качестве заимствований. Развитие отношений с разными странами мира, интенсификация коммуникации носителей русского языка с носителями других языков, в большей степени английского, влияют на усиление процесса заимствования лексики, а также на вытеснение уже имеющейся в русском языке лексики новой синонимичной.

Как уже упоминалось выше, первичная номинация – в современном языковом мире явление довольно редкое, поэтому рассмотрим вторичную номинацию на примере активно складывающегося в последнее время нового типа номинации – коммерческой номинации – и ее частного проявления – нейминга.

Вторичной лексической номинацией называют использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для

них функции наречения. Вторичная номинация – явление многообразное, представленное двумя разными типами: непрямая номинация и косвенная номинация.

В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления (Телия, 1990, с. 337). В актах вторичной номинации устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда, отображенными в уже существующем значении имени, и свойствами нового обозначаемого, называемого путем переосмысления этого значения (Телия, 1990, с. 338). При любом варианте вторичной номинации – не прямой или косвенной – отношение именования формируется во взаимосвязи четырех компонентов: «действительность – понятийно-языковая форма и ее отражения – предшествующее структурно-семантическое значение языковой формы (выступающее в роли опосредующего звена) – языковая форма в ее вторичной функции названия» (Уфимцева, 1977, с. 80). В прямой номинации сохраняется во всех словоупотреблениях основной понятийный признак предмета, а при не прямой и косвенной – один из существенных или второстепенных признаков, что и создает сдвиг в значении слова, благодаря которому и возникает известное явление образности. При не прямой номинации преобладают метонимические способы переноса, а при косвенной – метафорические (Колшанский, 2005).

Нейминг как разновидность коммерческой номинации по своей сути близок к номинации по типу имен собственных.

Известно, что в разряде называющих знаков выделяют три класса: характеризующие знаки (имена нарицательные), индивидуализирующие (имена собственные) и количественные знаки (количественные числительные) (Уфимцева, 1977, с. 42). Граница, отделяющая имена существительные нарицательные от собственных, не абсолютна. «Большинство собственных имен произошло от нарицательных слов, раньше указывавших на какой-то признак... значительное количество нарицательных имен происходит в результате “лексикализации”, т.е. в результате процесса вторичного переименования имен собственных в нарицательные» (там же, с. 44). Таким образом, имена собственные составляют особую группу имен – индивидуализирующие называющие знаки.

Именами собственными обладают сравнительно немногие категории реалий, и имена собственные составляют фонд языковых номинаций, служащих, как принято считать, единственно це-

лям идентификации объекта, или, иначе, допускающих только референтное употребление и в значительной степени зависящих от экстралингвистических факторов.

Присваивание имен собственных для целей коммерческой номинации, как упоминалось выше, приобрело собственное название – нейминг. И хотя вопросами нейминга, как считается, заинтересовались в Америке в конце XIX в., а в России (СССР) еще в 1928 г. рассматривались удачные и неудачные примеры «имятворчества» для продуктов питания, всерьез неймингом такие специалисты, как психологи, маркетологи, лингвисты, стали заниматься только в последнее время. Серьезных исследований по неймингу, особенно его лингвистической составляющей, пока крайне мало – в России представлены лишь несколько переводных изданий (Чармэссон, 1999; Френкель, 2006; Гали, 2007; Тейлор, 2010). Однако нейминг именно как лингвистическая проблема вызывает немалый интерес, так как в процессе нейминга происходит неологическая номинация, присваивающая имя собственное вновь созданному (или переименованному) объекту, причем цель нейминга – не просто дать имя, но дать такое имя, которое привлекло бы и заинтересовало потенциального потребителя, желательно в широком диапазоне стран.

Рассмотрим некоторые лингвистические проблемы нейминга на материале автомобильной индустрии как глобальной промышленности. Выбрать подходящее имя для автомобиля – задача непростая: от названия напрямую зависит объем продаж в той или иной стране, поэтому неймингу автомобилей уделяется большое внимание. Согласно данным консалтинговой фирмы AutoPacific, после Второй мировой войны в мире насчитывалось всего 55 автомобильных марок, ежегодный прирост новых марок составляет около 10 новых наименований. Словами С. Лайонса (Steve Lyons), президента департамента Ford по разработке новых продуктов: «Нейминг автомобиля – это самая трудная и самая паршивая задача, в работе над которой мне приходится участвовать. Это тяжелее, чем дать имя собственному ребенку» (ford.com).

Стоит отметить, что жестких правил коммерческой номинации в автомобильной индустрии, по всей видимости, нет. Среди общего массива названий автомобильных марок можно выделить несколько типов: названия по именам собственным (разработчиков, владельцев производств и географических названий); аббревиатуры (акронимы); ассоциативные номинации; нейминг при по-

мощи неологизмов. Каждый из типов номинации обладает собственной мотивацией.

Клод Хопкинс, один из основоположников рекламного дела, еще в начале XX в. обращал внимание на проблему коммерческой номинации. По его словам, любое название, в котором присутствует имя разработчика (так называемый персональный нейминг), вызывает большее доверие, чем анонимный акроним. Поэтому не случайно, что первые марки автомобилей носили, как правило, имена своих создателей (Aston Martin, Bentley, Cadillac, Chrysler, Citroën, Daimler, Ferrari, Ford, Honda, Maybach, Mercedes-Benz, Peugeot, Porsche, Rolls-Royce, Suzuki, Toyota (европеизированная японская фамилия Toyota) и др.) (lexica.ru). Акронимы, безусловно, также используются в нейминге. Здесь играет роль тот факт, что нередко акроним легче запомнить и, кроме того, из акронимов проще сформировать логотип (эмблему) марки автомобиля, который можно рассматривать как квазикреолизованный текст. Например: BMW – Bavarian Motors Work (Bayerische Motorenwerke) [Bmw 1], ВАЗ – Волжский автомобильный завод, Alfa Romeo – Anonima Lombarda Fabbrica Automobile плюс имя собственное Никола Ромео, SEAT – Sociedad Española de Automóviles de Turismo, Saab – Svenska Aeroplan Aktiebolaget, Fiat – Fabbrica Italiana Automobili Torino.

Ассоциативные названия марок автомобилей характерны для автомобилей, разработанных в странах Юго-Восточной Азии. Имена собственные разработчиков для номинации марок автомобилей там использовали только в первой половине XX в. (Toyota, Suzuki, Honda (фамилии создателей), Isuzu (название реки), Daihatsu (частично географическое название), Mazda – имя зороастрийского бога, созвучное имени основателя компании Д. Мацуда). Компании, возникшие позже, получили свои имена путем именно ассоциативной номинации: Hyundai (Хёндэ) – в переводе с корейского «современность», Samsung – «три звезды», Daewoo – «макрокосмос, большая вселенная», Kia – ki «выйти в мир», A – Азия «выйти из Азии в мир», SsangYong – «пара драконов».

С течением времени, когда модельный ряд внутри каждой автомобильной марки стал расширяться и появились разные типы кузова (седан, пикап, хетчбэк, лифтбэк и др.), возникла проблема конкретизирующей номинации, т.е. приписывания своеобразного «расширения» к основному имени. Эту проблему разные компании стали решать по-своему.

Известно, что в наши дни названия моделей чаще всего генерируются компьютерами. Достигается это случайным подбором букв, введенных заранее. Однако некоторые производители случайные названия выстраивают в закономерность, особенно при создании фантазийных (немотивированных) наименований. Так, компания Opel стремилась, чтобы каждая новая модель в своем названии заканчивалась на звук «а», а для звучности в центре желателен «р» (Meriva, Astra). Модели автомобилей марки Citroen в свое время носили женские имена со звуком «кс» (Xsara, Xantia) и пр., позже сменив их на буквенно-цифровое обозначение (C3, C4). Toyota на протяжении 50 лет называет многие модели на букву «С»: Corona, Coaster, Century, Celica, Chaser, Carina, Camry, Corsa, Corolla, Crown и пр. Эта компания одно время использовала в названиях моделей слово «корона» в разных вариантах: Crown – «корона» на английском, Corona – «корона» на латинском, Corolla – «маленькая корона» с латинского, Camry – транслитерация на английский японского слова «kanmigi», обозначающего «корона». Подобная приверженность символу в итоге, возможно, дала результат: Corolla занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самая продаваемая модель в мире (lexica.ru). Важен тот факт, что подобная номинация позволяет делать марку узнаваемой за пределами юго-азиатского региона.

Что касается ассоциативных номинаций в целом, то здесь уместно привести две разные точки зрения на этот вопрос. В свое время высказывалось мнение, что имена собственные неконнотативны (Mill, 1970), поскольку они называют предмет, но не приписывают ему никаких свойств (Москва, Петр и пр.). Но Н.Д. Арутюнова считала, что «дать предмету, лицу или явлению адекватную номинацию, “окрестить” его надлежащим образом – значит выявить нечто для него характерное» (Арутюнова, 1998, с. 344). Для любой коммерческой номинации, и автонеиминга в том числе, такая позиция принципиально важна. Одним из примеров может послужить приверженность ассоциативной мотивированной номинации компании SsangYong – в момент своего расцвета компания запустила семейство внедорожников Korando, название которого представляет собой аббревиатуру слогана «Korea Can Do».

Стоит отметить, что в номинации современных моделей иногда заметна тенденция отражения функций автомобиля. Причем, это касается прежде всего номинаций в классе кроссоверов: Kia Spotrage, Nissan Qashqai (название племени бедуинов-

кочевников), Renault Duster, Skoda Yeti, Mitsubishi Outlander, Jeep Compass и др. Отечественные разработчики также обратились к таким номинациям: УАЗ Hunter, УАЗ Patriot, используя при этом именно латинское написание названия для выхода марки за пределы «кириллического» региона. Этим же путем пошли и неймеры завода ВАЗ, назвав новые модели Lada Priora, Lada Granta, Lada Vesta, Lada Largus, Lada XRay. Стоит отметить, что перевести эти названия, в отличие от названий машин УАЗа, не удастся. Priora, Granta, Largus – ассоциативные номинации. Так, Largus ассоциируется с английским словом ‘large’ (большой) и испанским ‘largo’ (длинный). Этот автомобиль действительно больше обычного. Lada Vesta – часто встречающееся в мифологии имя богини домашнего очага, что может указывать на этот автомобиль как на семейный. Само название марки Lada имеет отсылку к имени славянской богини семейных отношений. Название Lada XRay (рентгеновские лучи) неймеры предлагают воспринимать как аббревиатуру: X – традиционное обозначение кроссоверов, R – recreation, A – activity, Y – youth, т.е. название указывает на функцию автомобиля и его целевую аудиторию. Учитывая, что автомобили Lada нацелены в основном на внутренний рынок, эти названия можно считать оправданными только благодаря их запоминаемости. В принципе эти вариации нейминга можно отнести к манипулятивной номинации, которая подразумевает незаметное управление человеческим поведением. Цели ее могут быть разными, но манипулятивная номинация всегда имеет две основных цели: во-первых, она используется преднамеренно, во-вторых, она используется таким образом, чтобы объект манипуляции не догадывался о ее наличии.

Стремление выйти на европейский рынок вынуждает азиатских производителей использовать «близкие» европейскому уху имена – Kia Concord, Kia Picanto, Kia Ray, Kia Rio, Kia Sorento; Hyundai Genesis, Hyundai Santa Fe, Hyundai Sonata, Hyundai Solaris и др. Корейские разработчики используют и более глубокие номинации, отсылающие к дополнительным фоновым знаниям. Так, в Республике Корея существует слоган для столицы – Сеула: «Seoul – soul of Asia». Один из необычных и удачных городских автомобилей марки Kia назвали ‘Soul’, что можно считать отсылкой к этому слогану, так как корейское *Seoul* и английское слово *soul* по-корейски звучат одинаково.

Европейские разработчики, напротив, предпочитают слабо информативно мотивированные номинации. Информативность

номинации, т.е. та информация, которую она сообщает о номинате и об общей ситуации номинации, зависит от того, какие признаки избираются при наименовании. Наименее информативными бывают номинации, при которых объекты обозначаются цифрами, буквами, даже если эти обозначения отражают порядок номинатов в хронологическом, пространственном, престижном или каком-нибудь ином отношении: например, Audi Q3, Volvo XC90. Однако используемые аббревиатуры неслучайны, и для тех, кто может их интерпретировать, они, безусловно, информативны. При номинации моделей Mercedes-Benz используются такие инициальные аббревиатуры: SL – sport light, C – C-klasse (Comfortklasse), S – седан, D – дизель, E – инжектор, G – купе, L – длинный кузов. Таким образом, SEL – седан с впрыском топлива, удлинённый. Цифровые обозначения также могут быть информативны – 4-matic – «полноприводный».

Безусловно, с учетом глобализации и стремления производителей попасть на ранее не освоенные рынки меняется и общая тенденция номинации. Желательно, чтобы в нейминге учитывались как абстрактное, общее для всех народов, так и то, чем они отличаются друг от друга. При коммерческой номинации приходится учитывать (иногда постфактум) тот момент, что некоторые наименования моделей либо могут оказаться неблагозвучными для другого языка, либо их смысл в результате случайного совпадения звучания со словом другого языка вызывает у потенциальных покупателей нежелательную отрицательную реакцию. Подобных примеров немало, и производителям приходилось для продвижения модели на рынке чужой страны и исключения коммуникативной неудачи менять название модели, например Chevrolet предпочел Daewoo Kalos в России переименовать в Chevrolet Aveo, учитывая фоносемантику первой номинации.

Со временем стало понятно, что эффективность процесса номинации в автомобильном дискурсе зависит от степени его соответствия модели мира и ценностным ориентирам потенциальных покупателей – представителей определенных социальных групп. Факт неосознанности мотивов номинации несколько не противоречит предположению о закономерной природе этого процесса. Вероятно, этот процесс носит случайный характер в рамках определенных закономерностей.

На рассмотренном материале можно сделать вывод: коммерческое название автомобиля может быть представлено лексемой,

принадлежащей к разным частям речи, но в основном это имя существительное, выбор которого зависит от ряда разнообразных причин. Таким образом, номинация – это имя собственное, выполняющее в процессе функционирования функции текста, а процесс номинации и ее восприятия может рассматриваться как скрытый коммуникативный акт между производителем и покупателем. Специфика автомобильной номинации заключается в том, что она содержит не столько объективное отражение действительности, сколько совокупность условных для национального сознания признаков, часть из которых субъективна. Эффективность такой номинации зависит также от степени ее соответствия картине мира и ценностным ориентирам потенциального покупателя.

В реальной практике коммуникации происходят интегративное формирование и восприятие номинации (на базе коллективного и индивидуального). Все это делает необходимым комплексное исследование особенностей и закономерностей восприятия и создания названий, в том числе и коммерческих, и комплексное изучение специфики их функционирования в реальной практике международной коммуникации в ситуации экономической глобализации.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
- Гали Б. Brand:* Рождение имени: Энциклопедия / Пер. с англ. – М., 2007. – 431 с.
- Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций: Языковая номинация. – М., 1977. – С. 230–293.
- Гумбольдт В., фон.* Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. – 2-е изд. – М., 2001. – 400 с.
- Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 2005. – 232 с.
- Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация: (Общие вопросы) / Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. – М., 1977. – 358 с.
- Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 239–245
- Несветайло Ю.Н.* Трактовка понятий «неологизм» и «окказионализм» в современной научной парадигме // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. – Ставрополь, 2008. – Вып. 55. – С. 144–148.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. – Волгоград, 2002. – 656 с.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М., 1974. – 367 с.
- Тейлор Н.* Выбор имени, или Всё о нейминге / Пер. с англ. – М., 2010. – 208 с.

- Телия В.Н.* Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 336–337. – (ЛЭС).
- Тогоева С.И.* Психолингвистические проблемы неологии. – Тверь, 2000. – 200 с.
- Френкель А.* Нейминг: Как игра в слова становится бизнесом / Пер. с англ. – М., 2006. – 320 с.
- Чармэссон Г.* Торговая марка: Как создать имя, которое принесет миллионы / Пер. с англ. – СПб., 1999. – 320 с.
- Guilbert L.* De la formation des unities lexicales. – P., 1971. – 325 p.
- Mill J.S.* A system of logic, Ratiocinative and Inductive. – N.Y.: Harper & Brothers Publishers, 1858. – 605 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=sh-e97TwKwkC&printsec=frontcover&dq=Mill+J.S.+A+system+of+logic&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

**ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
КАК СЛЕДСТВИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 29/XII – 2017 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,6 Уч.-изд. л. 11,0
Тираж 300 экз. Заказ № 144

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**